

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство о регистрации *ПИ № ФС 77-21093*)

*Журнал включён ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук
(ред. от 19.02.2010 г.).*

2012

Ежеквартальное издание

№ 4

Основан в 2001 г.

Проблемным Советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»

**Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»**

Редакционная коллегия

доктор исторических наук, профессор **В. С. Меметов** (*главный редактор*)
доктор политических наук, профессор **Ю. М. Воронов**
доктор философских наук, профессор **Г. С. Смирнов**
доктор исторических наук, профессор **С. М. Усманов**
(*заместитель главного редактора*)
кандидат исторических наук **А. К. Калинин**
кандидат исторических наук, доцент **В. В. Комиссаров**
кандидат исторических наук, доцент **Н. Г. Юркин**
(*ответственный секретарь*)

*Издаётся НИИ интеллигентоведения
при Ивановском государственном университете*

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.
Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

*Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.cceeol.com*

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России»
41533

© НИИ интеллигентоведения при ИвГУ, 2012
© ФГБОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2012

ISSN 1993-3959

INTELLIGENTSIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

Registered by Federal Service for Control of Observation of the Law
on Mass Communication and for the Preservation of Cultural Heritage
(Registration License *ИИ № ФС 77-21093*)

*The journal is peer-reviewed and recommended by the Supreme Attestation Commission
of the Russian Federation to publish main results of Doctors
and Candidatas of Sciences' dissertations (issued on 19/02/2010)*

2012

Quarterly

№ 4

**Founded in 2001 by the Council of the Russian Federation
on the Problem of Intelligentsia, Culture and Power**

Ministry of Education and Science of the Russian Federation

Ivanovo State University

Editor-in-Chief Prof. **Valery S. Memetov**, Dr. of History

Editorial Board

Prof. **Yury Voronov**, Dr. of Politics

Prof. **Grigory Smirnov**, Dr. of Philosophy

Prof. **Sergey Usmanov**, Dr. of History (*Deputy Editor-in-Chief*)

Alexander Kalinin, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Vladimir Komissarov**, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Nikolay Yurkin**, Cand. of Sc. (History) (*Secretary of the Board*)

*Edited by the Research Institute on Intelligentsia Studies
at the Ivanovo State University*

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.
No reprints without the Editorial Board permission allowed.

*The e-copy of the issue can be accessed at
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com*

Subscription index
in catalogue «Press of RF»
41533

© Research Institute on Intelligentsia Studies
at the Ivanovo State University, 2012
© Ivanovo State University, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

- Капустина О. В.* Советский анекдот как исторический источник для изучения образа интеллигента 9

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Юркин Н. Г.* Опыт сравнительного анализа развития российской и зарубежных систем образования до начала XVIII века 22
- Золотарев О. В.* Интеллигенция: советские годы 44

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

- Ершова Э. Б.* Взаимоотношения интеллигенции и народа в историческом ракурсе (мнения студенческой молодежи) 57

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

- Кочешков Г. Н., Сараева Е. Л.* Терминологический аппарат концепции русской интеллигенции: Методика Иванова-Разумника 67
- Смирнов Д. А.* Французский интеллектуальный контекст размышлений Вальтера Беньямина 1920-х — начала 1930-х годов 82
- Тимашева О. В., Шишкин К. Г.* Грэм Грин и Ивлин Во (Штрихи к портрету писателей в молодости) 90

ДЕБЮТ

<i>Костриков С. С.</i> Предпринимательский класс Москвы как один из источников формирования отечественной интеллигенции XIX века	102
<i>Васильев Н. Н.</i> Феномен и судьба кибернетики в контексте истории советской интеллигенции второй половины XX века	108
<i>Лысенков А. В.</i> Украинская интеллигенция о постсоветском пространстве во внешней политике Украины (1999—2009 гг.)	121
<i>Аннотации</i>	139
<i>Содержание журнала за 2012 год</i>	145
<i>Информация для авторов</i>	149

CONTENTS

ACTUAL PROBLEMS OF CONTEMPORARY INTELLIGENTSIA STUDIES

- Kapustina O. V.* Soviet anecdote as a historic source
of intellectual's image studying 9

FROM THE HISTORY OF INTELLIGENTSIA

- Yurkin N. G.* Experience of the comparative analysis
of the development of Russian and foreign education systems
before the beginning of the 18th century 22
- Zolotaryov O. V.* Intelligentsia: Soviet years 44

INTELLIGENTSIA IN THE CONTEMPORARY SOCIETY

- Ershova E. B.* Relationship between intelligentsia and people
in the historical discourse (opinions of students) 57

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

- Kocheshkov G. N., Saraeva E. L.* Terms framework
of the concept of Russian intelligentsia: the methodic
of Ivanov-Razumnik 67
- Smirnov D. A.* French intellectual context of thoughts
of Walter Benjamin during the 1920—1930s 82
- Timasheva O. V., Shishkin K. G.* Graham Green and Evelyn
Waugh (strokes to the portrait of writers in youth) 90

DEBUT

<i>Kostrikov S. S.</i> Enterprise class of Moscow as one of the sources of formation of domestic intellectuals of the 19th century	102
<i>Vasyliiev N. N.</i> Phenomenon and destiny of cybernetics in the context of the history of Soviet intellectuals in the second half of the 20th century	108
<i>Lysenkov A. V.</i> Ukrainian intellectuals about the former Soviet Union in the foreign policy of Ukraine (1999—2009) ...	121
<i>Annotations</i>	139
<i>Review of articles published in the journal in 2012</i>	145
<i>Information for authors</i>	149

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

ББК 63.3(2)633-283.2

О. В. Капустина

СОВЕТСКИЙ АНЕКДОТ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ОБРАЗА ИНТЕЛЛИГЕНТА

Анекдот — это краткая смешная история, основная черта которой анонимность. На протяжении двух последних веков определение понятия «анекдот» трансформировалось. Если во времена А. С. Пушкина анекдотом считался «любопытный случай, происшествие, новость»¹, то современный «анекдот» — это короткий шуточный и остроумный диалогический рассказ, обычно вымышленный, с неожиданной ударной концовкой². В настоящее время пользуются успехом также «минианекдоты» — короткие ироничные высказывания по поводу той или иной ситуации, события. Само слово «анекдот» произошло от греческого «anekdotos» — неопубликованный³, что в принципе указывает на его принадлежность к устному творчеству.

Советские анекдоты представляют из себя самостоятельную, чрезвычайно широкую группу исторических источников, объединяющую тысячи сюжетов в сотнях тысяч вариантов. Например, только в подборке Арво Крикманна «Интернет — анекдоты о Сталине» содержится 7380 текстов, разбитых на 230 сюжетов⁴. Общеизвестно⁵, что большинство российских анекдотов в современном

© Капустина О. В., 2012

Капустина Ольга Владимировна — кандидат исторических наук, руководитель группы оценки пенсионных прав застрахованных лиц Управления Пенсионного фонда РФ в г. Гусь-Хрустальный. 209o@mail.ru

смысле этого понятия, в том числе и советских, было создано в среде городской демократической интеллигенции. Анекдоты, вероятно, наименее достоверный исторический источник, их герои не всегда и не во всем похожи на своих прототипов. Ценность содержащейся в анекдотах информации заключается в тех оценках, которые общество дает тому или иному типу, событию или явлению, характерному для государства. Можно сказать, что анекдот — это некое ироничное мнение общества о том или ином аспекте его жизнедеятельности, о том или ином персонаже или даже о социальной группе. В анекдотических историях, как правило, находят свое отражение наиболее яркие черты и характерные особенности этнических или социальных групп, а также — наиболее острые конфликты, существующие в обществе. Вместе с тем «политические» анекдоты в СССР, безусловно, являлись одной из форм идеологического противостояния официальной власти.

В настоящее время все анекдоты советского периода принято классифицировать по циклам, посвященным тем или иным героям. Циклы представляют собой совокупность сюжетов. Сюжеты, в свою очередь, зачастую имеют несколько вариантов. Персонафицированными героями циклов в основном являются известные политики, персонажи кино и мультфильмов. Кроме них главными действующими лицами ряда анекдотических историй выступают безымянные герои, относящиеся к знаковым для народа социальным или этническим группам. В качестве примера можно привести следующие циклы: «муж — жена — любовник», «зять — теща», «старика и старухи», «студенты» и т. д. Наиболее известными персонажами советских этнических анекдотов были евреи, чукчи, англичане или даже триады: «русский, немец и поляк», «русский, француз, англичанин». Важной для советского общества, и соответственно, интересной с точки зрения присутствия в анекдотической реальности была и фигура интеллигента.

Героям каждого цикла анекдотов присущи свои, так называемые «декоративно-прикладные» характеристики, позволяющие их узнавать и отличать от героев любого другого цикла. Задача данного небольшого исследования — попытаться определить характеристики, которыми был наделен в анекдотах 1960—80-х годов советский интеллигент, и на их основе нарисовать его образ. При этом в статье будут рассмотрены только те анекдо-

тические истории, в которых герой прямо назван интеллигентом. Анекдоты, героями которых являются конкретные представители интеллигентных профессий, например инженер или профессор, останутся за пределами исследования или могут быть рассмотрены в качестве вспомогательных источников.

Исследование массива советских анекдотов, конечно же, не позволит изучить историю советской интеллигенции во всем ее многообразии, однако может добавить к общей картине несколько дополнительных, возможно ярких, черт. Анекдоты, без сомнения, являются самостоятельным и оригинальным историческим источником для изучения образа советского интеллигента.

На сегодняшний день существует несколько десятков анекдотов про интеллигентов. Большинство анекдотов этого цикла высмеивают специфический «интеллигентский» язык и соответствующее поведение. Однако основная масса сюжетов, судя по упоминаемым реалиям (например, Россия, а не СССР; Самара, а не Куйбышев; среди действующих лиц — Жириновский), создана уже после распада СССР. Поэтому в статье рассмотрен только 21 анекдотический сюжет, который можно с определенной долей уверенности отнести к обозначаемому периоду. При этом три сюжета представлены в двух вариантах, а один — в трех. Всего 26 вариантов. По сравнению, например, со сталинско-хрущевско-брежневским циклом исследуемый цикл невелик; возможно, это объясняется тем, что анекдоты про интеллигентов создавались не по злободневно-негативному принципу, и, конечно же, сказалось недолгое время авторской работы над данной тематикой.

Первая часть проанализированных советских анекдотов рассказана автору друзьями и знакомыми в 1980-е годы и в настоящее время. При этом все рассказчики в советское время были или студентами, или работниками интеллигентных профессий, то есть на данный момент имеют высшее образование. Также в работе использованы анекдоты, взятые из сборников, составленных Марком Дубовским⁶, Юрием Боровым⁷ и Юрием Никулиным⁸. Последняя, третья, часть анекдотических историй про интеллигентов (от анонимных собирателей) найдена в Интернете. Интернет-анекдоты были идентифицированы как советские в двух случаях. Во-первых, когда в текстах прямо упоминались советские реалии (значок «Изобретатель СССР», ЦДКА и др.), и,

во-вторых, когда похожие сюжеты были или рассказаны автору, или записаны вышперечисленными собирателями анекдотических историй. Ряд сюжетов повторяется в каждом из перечисленных информационных источников (имеются лишь некоторые незначительные разночтения), что позволяет сделать вывод о существовании в стране «банка сюжетов» общеизвестных анекдотов и подтверждает их популярность в советском обществе.

Временные рамки популярности исследуемых анекдотов, в основном, — 70—80-е годы XX века. Возможно, и конец 1960-х годов, то есть так называемый «период застоя», в котором основные проблемы интеллигенции стали видны наиболее явно. Анекдот, в котором упоминается Центральный дом Красной Армии, наверняка относится к более раннему времени, так как к началу «застойного» периода ЦДКА уже давно был реорганизован в ЦСКА, но он вписывается в общую концепцию.

Внутри исследуемого цикла анекдотов про интеллигенцию есть несколько самостоятельных анекдотических групп. В первой группе главный герой находится в общественном транспорте (автобусе, троллейбусе, трамвае и даже метро), пассажиры которого тут же выделяют его из общей массы. Транспорт — это место тесного контакта интеллигента с народом, та сцена, на которой интеллигент предстает перед народом во всей своей красе, демонстрируя атрибуты присущего только ему внешнего облика и соответствующие поведенческие реакции.

В трамвае:

— *Ишь, интеллигент, шляпу надел!*

— *Откуда вы знаете, что я интеллигент? Может быть, я такой же хам, как и вы!*⁹

В другом варианте этого сюжета ситуация обостряется из-за давки:

Давка в трамвае. Мужик в шляпе, наступивший на ногу мужику в кепке:

— *Простите меня, пожалуйста, за мою неловкость. Поверьте, я это сделал случайно и еще раз приношу Вам свои глубочайшие извинения!*

— *А ты, зараза, не интеллигент, случаем?*

— *Что вы, что вы! Нет, конечно! Я такой же жлоб, как и вы!*¹⁰.

В обратной ситуации, когда на ногу хлипкому интеллигенту наступает здоровенный мужик, наш герой уже не огрызается, но выводит обидчика из себя своими причитаниями: «*пи-т» от боли и обиды*¹¹.

Интересны два следующих сюжета:

В транспорте. Интеллигент собирается выйти из автобуса, впереди стоит негр. Интеллигент, появившись, спрашивает:

— *Товарищ, Вы выходите?* — *Негр молчит. Интеллигент думает, что не так его назвал — обидел.*

— *Гражданин, Вы выходите?* — *опять молчание.*

— *Мужчина, Вы выходите?* — *молчание. Интеллигент закипает.*

— *Негр, Вы выходите?*

Тогда негр обернулся и сказал:

— *Я не негр, я эфиоп. — А интеллигента уже понесло:*

— *Да, эфиоп-твою мать, ты выходишь или нет!*¹²

И еще:

*Интеллигентный человек — в галстук — в последнюю секунду хочет войти в метро, двери закрываются, при этом его голова уже в вагоне оказывается зажатой между дверьми, а остальное туловище — на перроне. Человек грустно смотрит на сидящих, потом говорит в наступившей тишине: «Всё, отъездился в метро!»*¹³.

Таким образом, транспорт — это место, где интеллигент страдает морально и физически, но при этом пытается как-то противостоять ситуации или хотя бы ее прокомментировать.

Следующая группа анекдотов посвящена встречам у пивных ларьков, где наш герой, как и в транспорте, вступает в тесный контакт с народом. В советское время в каждом городе существовали специализированные точки, где торговали пивом. Зачастую, особенно в 1980-х годах, у ларьков собирались длинные очереди. Например, в г. Иваново широкой известностью пользовался ларек у Посадской бани, находящейся поблизости от одного из университетских корпусов. В очередях за пивом можно было встретить и студентов, и преподавателей, и фабричных рабочих. Как известно, стояние в очереди предполагает беседу.

Интеллигент протягивается за пивом через очередь рабочих.

— *Куда лезешь? Не видишь — рабочий класс в очереди стоит?*

— *Да какой вы рабочий класс — за полвека ни одной революции!*¹⁴

Это, пожалуй, самое дерзкое высказывание интеллигента во всем исследуемом цикле. Следующая история выдержана в более привычном ключе:

Интеллигент подходит к пивному ларьку. Продавец не обращает внимания. Интеллигент устал ждать и решил как-то это внимание привлечь:

— *Здравствуйте, между прочим...*

— *Да пошел бы ты на... на всякий случай!*¹⁵

Отвлекаясь от транспортно-пивной тематики, но продолжая разговор о внешнем облике интеллигента, благодаря которому его можно выделить из общенародной массы, нельзя пройти мимо такого диалога:

Уставший, задерганный интеллигент вечером заходит в магазин.

— *Вам что?*

— *Дайте мне, пожалуйста, двести грамм еды!*¹⁶

Некоторая худосочность интеллигенции по сравнению с промышленными рабочими подтверждается советскими статистическими ежегодниками: например, в 1985 году (время завершения «периода застоя» и начала «перестройки») совокупная среднемесячная денежная зарплата по стране для рабочих и служащих составляла 190 рублей, а отдельная — для промышленных рабочих — 212 рублей¹⁷, то есть статистические ежегодники косвенно свидетельствовали о более низких заработках служащих, к которым, как правило, относились работники интеллигентных профессий. О постоянных финансовых затруднениях интеллигентов свидетельствуют и анекдоты из близкого по смыслу к исследуемому циклу — цикла о советских инженерах:

— *Как узнать советского инженера по паспорту?*

— *Все три фотокарточки — в одном и том же костюме!*¹⁸

И «драма» от Ю. В. Никулина:

В армянское радио пришел вопрос из Америки:

— *Сколько получает советский инженер?*

После долгого молчания армянское радио отвечает:

— *А у вас негров линчуют!*¹⁹

Кроме специфической одежды, символами которой являются шляпа и галстук, навязчивой вежливости, своеобразного внеш-

него вида, характеризующегося некой хлипкостью, задерганностью, усталостью и легкой недокормленностью, интеллигенты имеют свой, не всегда понятный народу язык. Во-первых, они постоянно употребляют вежливые обороты речи (простите, извините и т. п.), во-вторых, разумеют грамоте (*Почему советские милиционеры ходят тройками? — Один умеет читать, второй писать, а третий должен доносить на этих опасных интеллигентов*²⁰), в-третьих, знают много странных, ненужных слов (*Чем отличается интеллигент от неинтеллигента? — Тем, что интеллигент знает разницу между Гоголем и Гегелем, Гегелем и Бебелем, Бебелем и Бабелем, Бабелем и кабелем, кабелем и кобелём, кобелём и сукой. А неинтеллигент знает только последнюю разницу*²¹) и, в четвертых, имеют способность сложно говорить о простых вещах. Здесь уместно вспомнить посещение нашим героем общественной бани, при входе в которую он уточняет, *функционирует* ли она и требует билет *на одно лицо*²². Да и своим поведением интеллигент тоже выделяется из общей массы: например, руки в отхожем месте он моет не в той последовательности, что рабочий²³, и не использует майку в качестве средства гигиены²⁴.

Можно говорить о том, что народ не просто не понимает интеллигента, но и откровенно его не любит. Более того, само слово «интеллигент» в народе используется как ругательство:

Два приятеля проходят мимо дома своего общего друга. Дерево сломано, на дороге разбитая бутылка, забор покосился, едва держится...

*— Вчера Петька день рождения отмечал, а нас и не позвал. Проигнорировал, интеллигент!*²⁵

Или:

Диалог между высоким и низким. Первый трезвый, второй подвыпивший.

Первый: — Чего ты прицепился?

*Второй: — А не стой на дороге. Вишь, какой вымахал! Как столб телеграфный. И вообще — брось дурную привычку смотреть на меня свысока, интеллигент вишивый!*²⁶

Почему же так не люб народу интеллигент? На этот вопрос помогают ответить следующие истории.

Людоед жалуется утром жене:

— Ох, и ночка у меня была. То сердце ныло, то съеденная старушка из головы не выходила, то совесть зудила...

— *Говорила же я тебе, не ешь на ночь интеллигентов!*²⁷

В другом варианте — страшные сны привиделись даже такому хладнокровному убийце, как крокодил²⁸. На бытовом уровне ситуация может выглядеть так:

Матч ЦДКА — Динамо. Полный стадион. Юный фанат, размахивая шарфом, орет:

— *ЦДКА, сделай Динаму!!! ЦДКА, сделай Динаму!!!*

Сидящий рядом интеллигент не выдерживает и говорит ему:

— *Молодой человек, «Динамо» — не склоняется.*

— *Перед ЦДКой все склоняются*²⁹.

Или так:

Старушке в автобусе не уступают места. Она сетует:

— *Интеллигенты перевелись...*

Сидящий возражает:

— *Интеллигентов, мать, до хрена, местов не хватает*³⁰.

Таким образом, интеллигент, как мы видим в приведенных анекдотах, всегда всех раздражает тем, что поучает без спроса, вызывает к совести, лезет не в свои дела и, в принципе, мешая жить.

Имеется и политический аспект нелюбви народа к интеллигенту:

Начало 70-х годов XX века. Идет интеллигент — пиджачок, галстук, университетский ромбик, значок «Изобретатель СССР». Вдруг ему по морде — бух, бамс. Он:

— *А-я-я-яй! За что! Сопли утирает. А ему:*

— *Ты зачем, сука, СССР изобрел?!³¹* — большой вклад интеллигенции в подготовку революции 1917 года и последующее социалистическое строительство народом не забыт! Закономерным результатом такой деятельности интеллигентов является откровенно недоброе отношение к ним со стороны народа. Помня об авторстве анекдотов, нужно заметить, что в данном сюжете присутствует элемент самокритики.

Еще одна группа анекдотов обыгрывает встречу интеллигента с представителями других социальных групп, которая всегда заканчивается для героя плачевно. Здесь показательна следующая история:

Идет интеллигент по улице, никого не трогает, никуда не смотрит. Тут к нему сзади мужик с вилами подбегает — и пыряет в зад. Интеллигент орет:

— *Ой-о-ой!.. А мужик ему:*

— *А ты как думал!*³²

Малообразованный мужик в контексте данной истории — общепризнанный антипод интеллигента. Кроме мужика на дорогу к нашему герою выходят представители маргинальных, даже можно сказать, криминальных слоев общества — гопник или хулиган:

Гопник встречает интеллигента в темном подземном переходе и пыряет ножом. Интеллигент делает удивленные глаза, держится за живот и сползает на пол. Тогда гопник делает презрительное лицо, разводит руками и восклицает:

— *Обидели его, понимаешь! Обидели!*³³

В свою очередь:

Хулиган толкает представителя интеллектуального труда в лужу и при этом грозит:

— *Смотри у меня!* — *Интеллигент, задумчиво нашивая в луже очки:*

— *И правда, чего это я...*³⁴

Здесь, с одной стороны, отражен адекватный ответ народа на попытки интеллигента наставить его на истинный путь, а с другой — понимание интеллигентом собственной неудачи на данном поприще.

Рабочие также вносят свой вклад в избиение нашего героя, при этом они являются проводниками объективно-карающей государственной силы, которую олицетворяет каток-асфальтоукладчик:

*Интеллигент попал под каток, ровняющий асфальт. Водитель катка поднял расплющенного интеллигента, свернул его в рулон и привез своей жене. Жена приспособила интеллигента в качестве коврика для вытирания ног. Вскоре он сделался грязным. Жена водителя выстирала его и повесила сушить. А он простудился и умер*³⁵.

В никулинской версии этого сюжета обидчик не конкретизирован, фактически в его роли выступает совокупный «антиинтеллигентский» контингент:

*Интеллигент попал под асфальтовый каток. Его положили перед дверью, как коврик, и все вытирали ноги. Когда он стал грязным, его перевернули на другую сторону. А когда и эта сторона стала грязной, его выстирали и повесили сушиться на дворе. А он простудился и умер*³⁶.

В целом, историческая судьба российского интеллигента сложилась следующим образом:

*До революции — сидел и ждал, после революции — дождался и сидел*³⁷.

В настоящее время при исследовании анекдотов принято определять тот мифологически-архетипический образ, с которым отождествляется герой любой серии. С кем же можно сравнить нашего героя? Практически все вышеперечисленные якобы веселые истории повествуют нам о трагической судьбе советского интеллигента: он всегда печален, всегда обижен. В транспорте ему наступают на ноги и обзывают, на улицах — подкарауливают в темных местах и наносят тяжкие телесные повреждения: *пыряют* ножами и вилами, *бьют морду*. Данные характеристики тут же вызывают в памяти известный персонаж:

*Здравствуйте, меня зовут Пьеро... Сейчас мы разыграем перед вами комедию под названием: «Девочка с голубыми волосами, или Тридцать три подзатыльника». Меня будут колотить палкой, давать пощечины и подзатыльники. Это очень смешная комедия...»*³⁸

Похожие ассоциации связаны и с «белым клоуном» — известным цирковым амплуа. Несмотря на то что и Пьеро как персонаж итальянской комедии дель-арте, и Белый клоун как цирковое амплуа появились в разных странах и в народной среде, к концу XIX и в XX веке они приобрели похожие черты и стали любимцами именно интеллигентной публики. СобираТЕЛЬНЫЙ образ Белого клоуна — Пьеро, столь почитаемый романтической интеллигенцией, — это образ субличного меланхоличного страдальца, всегда отвергнутого возлюбленной, ради которой он готов пожертвовать всей своей жизнью. В проанализированных анекдотах роль неверной возлюбленной Пьеро-интеллигента отведена народу, который, презирая все попытки нашего страдальца его облагородить, не отвечает взаимностью и не испытывает к нему какой-либо благодарности.

Справедливости ради надо сказать, что в ряде случаев белые одежды возвышенно-идеального Пьеро сменяются пестрым костюмом его антипода — склонного ко всевозможным низменным авантюрам рыжего клоуна Августа или Арлекина, если говорить о комедии масок. Так, что-то «рыжее» проскальзывает и в

вышеприведенных анекдотах об общественном транспорте, когда в ответ на оскорбления наш герой весьма грубо огрызается: *...я такой же жлоб, как и вы.*

Подводя итоги данного небольшого исследования, прежде всего, нужно подчеркнуть уникальность этого цикла: учитывая авторство большинства анекдотов, можно предположить, что анекдотические истории собственно про интеллигентов являются выражением авторской самоиронии. Несмотря на неловкость ситуаций, в которые обычно попадает интеллигент, в общем-то, это весьма симпатичный герой: он образован, воспитан, искренне обращается к народной совести и стремится нести культуру в массы, вызывает сочувствие. Нельзя забывать и о том, что в социальном смысле самоирония является одним из способов защиты от окружающей действительности. Образованный интеллигентный человек в советском обществе не всегда мог реализовать свои потребности в силу идеологических и, как уже подчеркивалось выше, финансовых ограничений. Официальная советская пропаганда ставила интеллигента в обществе на обидное — третье — место по значимости после рабочего класса и колхозного крестьянства. Именно поэтому основным конфликтом перечисленных анекдотов является конфликт между интеллигентом и представителем народных масс.

Итак, интеллигент советского анекдота — это некий хлипковатый задерганный субъект в очках, шляпе и при галстукe, говорящий на непонятном народу языке. Сильный духом (способен противостоять катку), но слабый здоровьем (вспомним склонность к простуде), герой исследуемого цикла пребывает в вечной борьбе, из которой обычно не выходит победителем. Можно сказать, интеллигент — совесть нации: привлекая внимание к проблемам общества (например, подчеркивая неуважительное отношение к старшему поколению), он никому не дает спокойно спать. Следовательно, в анекдотическом образе интеллигента отражены основные штампы (клише), распространенные в отношении нашего героя в советском обществе и поэтому часто используемые в литературе и кино.

Представители народа, имеющие, как правило, на голове кепку, в анекдотах «интеллигентского» цикла проявляют совершенно противоположные качества: грубость, необразованность, невоспитанность, можно сказать, бессовестность. Эти качества

также представлены в гипертрофированном виде. В целом, и народ и интеллигенция, действующие в анекдотах, не вполне реальны, но демонстрируют упрощенно-обобщенный набор стереотипных черт. В действительности противостояние народа и интеллигенции в 1970—80-х годах не было столь жестким. В «Исповеди отщепенца» социолог Александр Зиновьев так излагает свое видение данной проблемы: «Положение врача, учителя, служащего конторы все равно предпочтительнее положения рабочего даже с более высокой заработной платой. Если гражданин общества имеет шансы покинуть категорию рабочего и перейти в другую социальную категорию даже ценой некоторых потерь в оплате труда, он это, как правило, делает»³⁹. Вероятно, в анекдотической реальности интеллигенцией был значительно повышен градус противостояния с народом.

И в заключение нужно отметить, что анекдоты исследуемого цикла являются анекдотами специализированными, то есть предназначенными для распространения только в собственной среде. Действительно, пассажи про Гегеля и Бабеля или ироничные вопросы *а ты как думал?* или *и, правда, чего это я?* за пределами интеллигентного сообщества особой улыбки не вызывают. Придуманные для приятного времяпрепровождения анекдотические истории об образованных страдальцах могли быть верно (с необходимыми акцентами) рассказаны и правильно поняты только в компаниях единомышленников, то есть способствовали самоидентификации интеллигенции, подчеркивали ее единство и, в то же время, особенность и самобытность.

Примечания

- ¹ Кошанский Н. Ф. Частная риторика. СПб., 1832. С. 65—66; Курганов Е. У нас была и есть устная литература // Русский литературный анекдот конца XVIII — начала XIX века / сост. и примеч. Е. Курганова и Н. Охотина. М., 1990. С. 4.
- ² Чекунова А. Е. Появление исторического анекдота в России // Вопросы истории. 1997. № 2. С. 131.
- ³ Словарь иностранных слов / под ред. И. В. Лехина, С. М. Локшиной, Ф. Н. Петрова. М., 1987. С. 38.
- ⁴ Архипова А. С., Мельниченко М. А. Анекдоты о Сталине : тексты, коммент., исслед. М., 2011. С. 30.

- ⁵ *Борев Ю.* Краткий курс истории XX века в анекдотах, частушках, байках, мемуарах по чужим воспоминаниям, легендах, преданиях и т. д. М., 1995. С. 5 ; *Каган М. С.* Анекдот как феномен культуры : материалы круглого стола 16 ноября 2002 г. СПб., 2002. С. 5—16.
- ⁶ *Дубовский М.* История СССР в анекдотах. Смоленск, 1991.
- ⁷ *Борев Ю.* Указ. соч.
- ⁸ Анекдоты от Никулина. URL: <http://lib.rus.ec/b/347691/read>.
- ⁹ ХА-ХА-ХА : собр. анекдотов. URL: <http://www.anekdotishe.ru/anekdoty-ob-intellegentah/>
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Анекдот № 1 // Личный архив автора.
- ¹³ Юмор в СССР. URL: <http://back-in-ussr.info/category/%d1%8e%d0%bc%d0%be%d1%80/>
- ¹⁴ *Дубовский М.* Указ. соч. С. 120.
- ¹⁵ Анекдот № 2 // Личный архив автора.
- ¹⁶ ХА-ХА-ХА.
- ¹⁷ Народное хозяйство СССР в 1985 году. М., 1986. С. 413.
- ¹⁸ *Дубовский М.* Указ. соч. С. 288.
- ¹⁹ Анекдоты от Никулина.
- ²⁰ Nalchane.de : портал горских евреев. URL: <http://www.nalchane.de/forum/index.php?topic=41.0>.
- ²¹ Анекдот № 3 // Личный архив автора.
- ²² Анекдот № 4 // Там же.
- ²³ Анекдот № 5 // Там же.
- ²⁴ ХА-ХА-ХА.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ *Борев Ю.* Указ. соч. С. 303.
- ³¹ Кофе Хауз. URL: <http://www.coffeehouse.ru/specops/togo>.
- ³² ХА-ХА-ХА.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ *Дубовский М.* Указ. соч. С. 273.
- ³⁶ Анекдоты от Никулина.
- ³⁷ ХА-ХА-ХА.
- ³⁸ *Толстой А. Н.* Золотой ключик, или Приключения Буратино // Сказки русских писателей. М., 1984. С. 453.
- ³⁹ *Зиновьев А. А.* Исповедь отщепенца. М., 2005. С. 127.

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

ББК 74.03(2)4

Н. Г. Юркин

ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ И ЗАРУБЕЖНЫХ СИСТЕМ ОБРАЗОВАНИЯ ДО НАЧАЛА XVIII ВЕКА

Несмотря на то, что в последнее время историографическая ситуация несколько изменилась, тем не менее, некоторые исследователи, вслед за иностранцами, побывавшими в Московском царстве, рассматривают допетровский период как некое «темное» время, когда во всей Москве не было ни одной школы, ни других «удобств для обучения»¹. Второй момент, на который мы бы хотели обратить внимание — отсутствие работ, посвященных сравнению западноевропейского и российского путей развития образования. Безусловно, подобная задача может быть решена только на основе междисциплинарных исследований групп специалистов самого разного профиля. Поэтому представленная работа является лишь постановкой данной проблемы, попыткой проведения параллелей с западноевропейским образованием, хотя в центре внимания остается отечественный опыт.

Общеизвестно, что образование в Западной Европе тесно связано с развитием христианства. Уже в раннее Средневековье стала формироваться целостная система школьного образования. Немногочисленные школы обычно существовали при церковных

© Юркин Н. Г., 2012

Юркин Николай Георгиевич — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник НИИ интеллигентоведения, доцент кафедры теории управления Ивановского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. n_yurkin@mail.ru

приходах и монастырях, поскольку именно они были центрами сосредоточения средневековой культуры. Церковные и монастырские школы делились на внутренние, в которых обучались те, кто готовился стать монахами, и внешние, для жителей данного церковного прихода².

Со времени принятия христианства, казалось бы, Киевская Русь была обречена на повторение пути развития системы западноевропейского образования. Монастыри становятся центрами распространения культуры и знаний, из них вышли и первые учителя, и первые рукописные книги, по которым учились на Руси. Главным духовно-просветительским центром первоначально стал Киево-Печерский монастырь. Среди иноков Киево-Печерской обители были Нестор-летописец; будущий митрополит Киевский Иларион, создатель произведения «Слово о законе и благодати»; иконописец Алипий³. В дальнейшем подобные училища создавались и в других монастырях. Так, в житии Мартиниана Белозерского говорится, что он учился в школе у Алексея Павлова («Олеш Павлова»), в обязанности которого входило «книги писать и учить ученики грамотыа хитрости»⁴. Школы организовывались и в новоприсоединенных к России областях. В частности, в 1556 г. Гурий устроил училища при монастырях в землях бывшего казанского ханства. О том, что они были более высокого типа, свидетельствует письмо — благодарность Ивана Грозного Гурию⁵. А. И. Соболевский, изучая уровень грамотности в Московском государстве, сделал вывод о том, что уже в XVI веке «белые священники... были поголовно грамотны»⁶.

Определенное влияние православие оказало и на народное просвещение. Первый же христианский князь Владимир, вскоре после крещения народа, стал заводить училища и насильно отбирать детей лучших граждан в ученье: «матери, — рассказывает летопись, — плакали по ним, как по мертвым»⁷. Учителями в новых школах, естественно, были лица духовные. Однако особых успехов, если судить по данным XVI в., так и не было достигнуто. Например, широко известно, что в «Послании новгородского архиепископа Геннадия московскому митрополиту Симеону» (датируемом 1498—1504 гг.) высказывалось мнение о необходимости «учинения» училищ⁸. То же требование содержалось и в решениях Стоглавого собора (1551 г.)⁹.

Между тем, многие исследователи считают, что как в первом, так и во втором случае речь шла не о том, чтобы заново «учинить училища», а об их организации должным образом¹⁰. Это мнение основывается на том, что, например, на Стоглавом соборе вспоминали, что в прежние времена в России «и на Москве, и Великом Нове городе, и по иным градом многие училища бывали, грамоте и писати и пети и чести гораздных много было»¹¹.

Обучение велось и мастерами грамоты. Здесь важно подчеркнуть следующие моменты. Во-первых, это ситуация, по-видимому, была достаточно распространена, поскольку в житиях святых редко встречаются упоминания о том, чтобы кто-нибудь из них учился вдали от своего города или села¹². Встречаются и упоминания иностранцев о русских училищах, программа которых была шире обучения грамоте и письму. Например, доктор Иоанн Фабр, издавший свою книгу в 1525 г., пишет, что в России имеются немногочисленные училища, где дети знатных лиц изучают свободные науки на русском языке, а желающие могут освоить и иностранные языки¹³. Во-вторых, вероятно, обучение происходило именно в училищах, а не индивидуально¹⁴. Такие училища, по нашему мнению, можно сопоставить с публичными школами в Европе. Так, в Англии первые публичные школы были основаны в конце XIV — первой половине XV в. в Винчестере (1387) и Итоне (1449). В них обучались дети состоятельных родителей, способных вносить высокую плату¹⁵.

Впрочем, мы далеки от эйфории. Безусловно, встречающиеся свидетельства носят единичный характер. Об истинном положении вещей говорит тот факт, что в XVII столетии при острой нехватке служилых людей, когда государство стало верстать последних из детей священнослужителей, особо оговаривалось, что «поповых и дьячковых детей... у которых сына по два, и по три, и по четыре, взять от дву третьяго, а от четырех двух... а которые грамоте умеют, и тех *оставливать* с отцами у церквей, чтоб церквам оскуденья не было...» (курсив мой. — Н. Ю.)¹⁶. Иными словами, далеко не все дети священнослужителей, для которых «грамотность была ремеслом», были грамотны, что позволяет судить о грамотности всего населения России¹⁷. Эта мысль подтверждается и изучением материалов Земского собора 1648—1649 гг. По нашим подсчетам, соотношение грамотных и негра-

мотных делегатов выглядит следующим образом. Среди священнослужителей все делегаты были грамотны, среди бояр — 86,6 %, окольничих — 100 %. Как это и понятно, грамотны и все представители приказов. Достаточно высокий процент грамотных находим среди дворянства — 58,8 % и гостей — 60 %. Среди остальных категорий этот уровень не превышает 40 % — боярские дети, посадские люди — 32,9 %, стрельцы — 37,5 %¹⁸.

Однако здесь нельзя впадать в другую крайность. Приведенные данные не означают, что высокообразованных людей в России не было вообще. Исследователи, изучающие данный период, подчеркивают, что таких людей можно найти и среди священнослужителей и представителей общественно-политических движений¹⁹, врачей, учителей, переводчиков²⁰ и военных²¹. Автор данной статьи в свое время выявлял таких людей среди приказных служащих²². При этом подчеркивается, что многие из них были высокоподготовленными профессионалами в своей сфере деятельности. В этой связи интересно рассмотреть формирование системы профессионального образования России и сопоставить ее с зарубежным опытом.

Остановимся подробнее на истории создания независимых профессиональных учебных заведений — университетов. Приведем в качестве примера историю создания Парижского университета. Своим возникновением он был обязан школам, которые появились в Париже в конце XI в. Среди факторов, сыгравших ключевую роль в выходе университета из-под контроля канцлера Нотр-Дамского собора, можно назвать быстрый, слабо контролируемый рост числа учащихся и, как следствие — «неконтролируемый рост числа школ» и развитие «доходных дисциплин», таких как право²³. Кстати говоря, юриспруденция во многих университетах становится одним из основных факультетов (Болонский, Парижский и т. д.).

В целом же можно выделить два варианта формирования данных учебных заведений. Первый — неорганизованный: «Университеты возникали сами собой, — писал Л. Н. Модзалевский, — без содействия власти духовной или светской, и представляли свободные союзы (корпорации) ученых мужей и любознательных юношей»²⁴. Другой путь указывает Ж. Верже. В XIII в. были сделаны первые попытки церковных и светских властей, связанные с «насаждением» университетов. При этом с XIV столетия все бо-

лее решающей становится инициатива самих властей, церковных или, а это происходило все чаще, светских. Наличие старых школ остается общим и необходимым условием, гарантирующим успех предприятия по основанию нового университета. Там же, где подобных школ не было, университеты насаждались совершенно произвольно, и чаще всего они влачили жалкое существование или исчезали вообще через несколько лет после основания²⁵. Мы бы обратили внимание на несколько ключевых, с нашей точки зрения, факторов. Базой для формирования университетов чаще всего становятся уже **существующие школы**. Исходя из этого, несмотря на то что правители или города, создававшие университеты, гарантировали им наряду с привилегиями определенное материальное и финансовое положение, тем не менее, **в основе бюджета** таких учреждений оставались **собственные средства**. Это обеспечивало **организационную самостоятельность и независимость в разработке учебных программ**. Наконец, **потребителями выпускников** было **не только государство, но и негосударственный сектор экономики**.

Но вернемся к отечественной истории и подумаем, существовали ли данные факторы в России. Низкая грамотность в России связана скорее с неостребованностью образования, нежели с отсутствием училищ. В развитии европейской народной школы можно выделить следующую тенденцию: движение ко всеобщему образованию как потребность во всеобщей грамотности. Это вызвано целым рядом факторов, в том числе и требованием чтения Библии каждым человеком в протестантских государствах, в которых поэтому не случайно был более высокий уровень грамотности. Обучение грамоте в этих государствах зачастую становилось делом семьи²⁶.

Православие несколько иначе относилось к образованию. Первоначально излишняя образованность считалась первопричиной ересей. Лишь в XVII в. постепенно точка зрения начинает меняться. При этом первыми эти мысли высказывали государственные деятели, например И. Тимофеев, поэт приказной школы Савватий, Ю. Крижанич²⁷. Последний даже считал, что источником образования для русских людей является Западная Европа²⁸. В подобных условиях до XVII столетия трудно было рассчитывать на то, что значительная масса населения захочет

стремиться к образованию. Таким образом, низкая востребованность образования не могла обеспечить прироста учеников в существующих училищах.

Специфика экономики России не требовала формирования профессиональных учебных заведений. Например, размеры страны и то, что основу русской экономики составляло сельское хозяйство, существенным образом повлияло на данную ситуацию. Уровень сельскохозяйственной техники не позволял обрабатывать все имеющиеся земельные ресурсы. В. О. Ключевский приводит следующие цифры из писцовой книги 1577 г., описывающей земли Коломенского уезда: на землях монастырских и служилых, поместных и вотчинных пашни паханой с лугами числилось 46 тысяч десятин в трех полях, а под перелогом и лесом — 275 тысяч десятин, т. е. земля «жилая», обрабатываемая, составляла шестую долю пустоты, иначе говоря, из семи десятин обрабатывалась только одна (около 14 %) ²⁹. И это в одном из центральных и густонаселенных районов страны. Такое положение не требовало интенсификации хозяйственной деятельности за счет внедрения инноваций и, соответственно, минимизировало потребность в образованных людях. Напомним, что именно сельское население являлось в России преобладающим. Отсутствие промышленного и малоразвитость мануфактурного производства также не требовали образования, ремесленники и купцы предпочитали передавать свои умения «из рук в руки», т. е. занимались самовоспроизводством кадров.

Отметим, что и в Западной Европе активизация развития образования связана с появлением книгопечатания. Это объясняется тем, что кроме создания материальной базы для закрепления и быстрого распространения наук, новой информации, возникающих ремесел и производств, книгопечатание способствовало развитию грамотности в целом, что в свою очередь привело к формированию системы образования и воспитания человека ³⁰. Это происходит в Европе в XV в. В России же книгопечатание появилось лишь в середине XVI столетия, а распространение производства книг — в XVII в., то есть почти на 200 лет позже. О динамике книгоиздательской деятельности в Московском государстве говорят следующие цифры (см. табл. 1). При этом, как

считают исследователи, книгопечатание в XVI—XVII вв. не удовлетворяло спроса русского книжного рынка³¹.

Таблица 1

**Динамика издательской деятельности
в Московском государстве в XVII в.**³²

Период	Количество изданий
Вторая половина XVI века	18
1601—1610	13
1611—1620	10
1621—1630	45
1631—1640	68
1641—1650	78
1651—1660	60
1661—1670	42
1671—1680	33
1681—1690	63
1691—1700	71

Обратим внимание и на тематику изданий. По данным XVII в. среди всех изданий богослужебные составляли 84,89 % (410 книг), книги религиозного содержания — 13,66 % (66), нерелигиозного содержания — 1,45 % (7)³³. Эту тенденцию подтверждают и материалы других исследований (см. табл. 2).

Таблица 2

**Динамика издательской деятельности
Московского государства по тематике изданий**³⁴

Социально-культурная функция издания	Количество тиражей	По всем известным библиографическим источникам, 1992 г., %
Книги литургические	142	43,56
Книги для обучения	111	34,05
Книги для чтения, для чтения и богослужения	58	17,79
Многофункциональная книга	15	4,60

Итогом развития европейского книгопечатания в XV—XVI вв. явилось создание книг, освобождающих человека от гос-

подства клерикальных сочинений, они сменяются сочинениями гуманистов — пародиями, фарсами, шванками, новеллами, романами³⁵. Последнее обстоятельство, как нам представляется, оживляет интерес к чтению, что не всегда может обеспечить религиозная литература.

На XVII в. приходится много свидетельств о появлении переводной литературы и в России. Большую роль в этой деятельности сыграли переводчики Посольского приказа — Ф. К. Гозвинский, оставивший нам такие переводные произведения, как басни Эзопа³⁶, «Тропник или малый путь к спасению папы Иннокентия» (1609 г.)³⁷, и Н. Спафарий («Книга о храме и священных тайнах» Симеона Фессалоникийского, «Хрисмологион» и др.). По словам А. Олеария, этой же деятельностью занимался и переводчик Посольского приказа Иоганн-Бёкер фон Дельден, и посол римского императора Адам Дорн³⁸. Благодаря усилиям этих людей иностранные книги широко распространились в России в XVII в. Об этом ярко свидетельствуют подсчеты Б. В. Сапунова. Проанализировав 17 описей личных библиотек, 10 монастырских и 66 церковных, он указывает следующие цифры. Книги иностранного происхождения находились: в личных библиотеках из 3410 — 1377 (40 %), в монастырских собраниях из 6387 — 770 (12 %), в церковных библиотеках из 1462 — 47 (3 %) ³⁹. Всего, по подсчетам А. И. Соболевского, в Московской Руси за период XV—XVII вв. было переведено 129 различных иностранных произведений⁴⁰. Между тем, это число несколько занижено. Так, в список, составленный Соболевским, не вошли некоторые произведения, известные нам сейчас в списках XVII в.: «Сочинение по артиллерийскому делу» Баунера (1685 г.), «Новые крепостные строения» Фонкугорна, «Дела Марсовы или искусство воинское» (1696 г.)⁴¹ и некоторые другие. Хотя есть основания говорить о том, что переводы появлялись и ранее, расцвет этой деятельности приходится на XVII столетие. Впрочем, распространились они, прежде всего, среди аристократии.

Государство в России до начала XVIII в. не вмешивалось в организацию народного образования, отдавая его на откуп Церкви. Впрочем, справедливости ради отметим, что и в Европе долгое время также не уделялось этому внимания. В. М. Меньшиков хотя и говорит об усилении роли государства в управлении

народной школой как о тенденции развития образования XVII—XVIII вв., тем не менее, приведенные примеры свидетельствуют о том, что это происходит лишь с XVIII столетия. Так, в XVII в. приняты уставы о всеобщем образовании только в Веймарском и Готском княжествах, а уже позднее, в XVIII столетии — в Пруссии и ряде других германских государств⁴². Поэтому вряд ли это можно считать решающим фактором.

Вместе с тем отметим: долгое время само государство в России особо не нуждалось в образованных людях. Существующая модель армии превращала в солдат крепостных крестьян, офицерский же корпус формировался по принципам местничества. И в том и в другом случае специальной подготовки не требовалось. Профессиональная часть армии была незначительна и, как правило, сама удовлетворяла потребности в кадрах за счет обучения на практике. Исключение, пожалуй, составляют только полки иноземного строя, но они обеспечивались западноевропейскими учебными заведениями.

С другой стороны, именно развитие системы государственного управления (приказов) в конечном итоге потребовало профессионально подготовленных кадров. При этом обратим внимание, что в первую очередь оказались востребованы специалисты для гражданской, а не военной службы. Государственные реформы царя Алексея Михайловича вызвали необходимость в образованных помощниках; требовались специалисты по греческой книжности и знатоки западной культуры, особенно располагавшие опытом борьбы с католицизмом⁴³. Впрочем, как мы полагаем, данная потребность возникла раньше, а вот осознание, что она должна удовлетворяться в результате государственной политики, произошло уже при Алексее Михайловиче.

Еще в XVI столетии Иван IV послал через доктора Г. Шлите грамоту Карлу V, в ответ на что шведский король позволил Г. Шлите набирать по всей империи людей, нужных для организации университета в Москве. Шлите набрал 123 человека (среди которых было около двух десятков профессоров и магистров для преподавания наук). В силу противодействия отдельных западноевропейских государств университет не был создан⁴⁴. Но важно подчеркнуть, что именно царю принадлежит идея создания первого в России университета. Известно, что в это же время получают

развитие международных проекты в области обучения. Например, в 1573 г. шведский король предложил царю: «...аще хочеши некоторых твоих подвластных детей дати учиться свейскому языку, и ты того дела, как мир будет вели о том деле договор учинити с нашими наместники выборскими, чтоб они освободили некоторых твоих сюды в нашу землю, которые умеют учити языка того»⁴⁵. В 1580 г. с аналогичным предложением выступил папа Григорий XIII⁴⁶. Третье предложение поступило в 1600 г. от Льва Сапеги, который в качестве одного из пунктов проекта русско-польского договора предложил предоставлять молодым людям возможности для взаимных поездок с целью обучения: «Свободно посылать в обе стороны для учения юношей, как московитов к нам, так и наших в Москву»⁴⁷. Имеющиеся источники не позволяют нам однозначно утверждать были ли услышаны эти предложения. Впрочем, поездки русских за границу с целью изучения языков стали, по-видимому, довольно распространенным явлением⁴⁸.

Что же касается собственных училищ, то при отсутствии возможности опереться на существующие учебные заведения, государство предпринимает усилия по их формированию. Вот лишь несколько фактов. С 1664 г. в Москве имелась государственная школа, предназначенная для обучения подьячих Приказа тайных дел. Ее организовал в Заиконоспасском монастыре С. Полоцкий⁴⁹. В 1681 г. на Печатном дворе создается школа «греческого чтения, языка и письма», которую возглавил иеромонах Тимофей, греки Мануил Левендатов и иеромонах Иоаким⁵⁰. В этих школах изучались грамматика, иностранные языки и риторика. В 1654 г. при Аптекарском приказе впервые было открыто специальное учебное заведение — «Школа русских лекарей», первый набор состоял из 30 учеников⁵¹. Имеющиеся сведения подчеркивают связь образования с нуждами государства.

Частные же школы, как правило, создавались иноземцами. Например, в 1601 г. возникла одна из первых лютеранских школ. Она погибла в Смутное время⁵². В 1621 г. лютеранская церковная община предприняла попытку организации другой школы. В ней изучались латинский и немецкий языки⁵³. Еще в 1632 г. при Чудовом монастыре возникла школа старца Иосифа, приехавшего в Москву из Александрии «учити на учителном дворе малых ребят греческому языку и грамматике»⁵⁴. В 1663 г. о своем пребывании

«in ALEXIANO Musaeo», т. е. в Алексеевской школе (по имени митрополита Алексия, основателя Чудова монастыря), пишет грек Паисий Лигарид⁵⁵. Впрочем, известны и примеры школ, создаваемых русскими людьми. Так, школа, реорганизованная на средства боярина Ф. М. Ртищева, возникает в 40-х гг. при Андреевском монастыре, на основе просветительского кружка — так называемого Ртищевского братства⁵⁶. В житии Ртищева читаем, что иноки, приглашенные в эту школу, были «изящны... во учении грамматики славенской и греческой, даже до риторики и философии хотящим тому учению внимати»⁵⁷. Обучали здесь и латинскому языку⁵⁸.

Обратим внимание, что во всех этих учебных заведениях преподавались дисциплины, востребованные гражданской службой. Что же касается обучения юриспруденции, которая на Западе, в первую очередь, удовлетворяла потребности государства, то, учитывая нерегулярное законодательство России и отсутствие опыта систематизации права (исключение составляют Судебники и Соборное уложение), юридическое образование с успехом заменялось практикой работы в приказах.

Отрывочность сведений о частных школах не позволяет нам подробно изучить организационные принципы данных учреждений. Впрочем, обратим внимание на несколько фактов. Помимо детей иностранцев в лютеранской школе учились и русские дети. Нередко в нее посылали учеников и различные ведомства. Так, например, в 1678 г. туда были направлены два мальчика для обучения «латинскому и цесарскому языку для аптекарского дела». В 1673 г. в школу было отдано «для обучения» 26 мещанских и подьяческих мальчиков⁵⁹. Согласно записи 1653 г., «гречанинину Арсению для училища детем» выдана «бумага книжная добрая»⁶⁰. Другой пример связан с Ртищевским училищем. Объем строительных работ в Андреевском монастыре «при всей своей щедрости, Ртищев не мог оплатить, и они финансировались государственной казной». Кроме того, известен случай пожалования училищному монастырю патриархом Никоном, а царь Алексей Михайлович, посещая Андреевский монастырь, «жаловал его от своих щедрот»⁶¹. Таким образом, можно утверждать, что частные школы зачастую выполняли «государственный заказ» и, по крайней мере, частично финансировались за счет государства и Церкви.

Знаменательным событием в истории российского образования становится формирование Славяно-греко-латинской академии в Москве. Как считается, она была построена по подобию Киево-Могилянской академии. Однако здесь решение проблемы не слишком однозначно. Попытаемся разобраться с этим вопросом подробнее⁶². Обратим внимание на обоснование создания академии. Ее формирование связано с «Академической привилегией», написанной С. Полоцким, которого по справедливости считают «западником», «латинствующим», «принесшим польско-украинские просветительские новшества в Московское царство»⁶³. В контексте сравнительного анализа российской и западной модели образования это обстоятельство вызывает дополнительный интерес.

Нужно сказать, что полной аналогии между этими учебными заведениями проводить не следует. Это связано с тем, что Киевская академия зародилась еще в Польском государстве, и в процессе ее создания видна определенная связь с западноевропейским путем развития. Например, она формируется на базе уже существовавшей школы (основанной в 1588 г. при Богоявленском монастыре⁶⁴), унаследовавшей образовательные традиции Киево-Печерской лавры. Московская же академия возникает фактически на пустом месте, если не считать определенной связи с Ртищевским братством при Андреевском монастыре, которая подчеркивается в документе о ее открытии⁶⁵. Впрочем, отметим, что Богоявленский монастырь принадлежит православной конфессии, что несколько отличает ее от большинства западноевропейских университетов.

Но вернемся к документу, учреждающему Московскую академию. В декларативной части Академической привилегии читаем, что она должна выполнять несколько основных функций. Первое — стремление «врученное нам... царствие право правити и должности царския совершати». Второе — «охранение восточный православныя Веры, и тоя о разширении промышленности». Третье — старание «о благочинном государстве управлении, и о защищении»⁶⁶. Таким образом, по своим целям данная академия ориентирована на выполнение функций государя, поскольку в православной традиции царь рассматривался не только как правитель, но и как защитник православия. Причем последняя функция считалась первейшей обязанностью монарха. «Подобает царю... подвизаться за благочестие, за порученную тебе от бога

паству»⁶⁷. Это же подчеркивается и в переписке Ивана Грозного и Андрея Курбского⁶⁸. Еще одна функция Московской академии указана не в декларативной, а в регулирующей части привилегии. В ней мы видим, что учебное заведение замысливалось как своеобразный фильтр от нежелательных людей в Московском государстве. Блюстителю Московской академии даже предоставлялось право давать разрешение на деятельность частных, домашних учителей. Кроме того, блюстителю и учителям академии предписывалось освидетельствовать въезжающих в Россию иностранцев и судить «каковыя за своя науки чести, или жалования, или достоинства годен». В случае если они признавались бы негодными «здесьняго пребывания, из царствующаго града выслати за пределы нашего царствия»⁶⁹. Мотивировалось это необходимостью пресекать вред православной вере. Хотя если вспомнить, что приезжающие иностранцы далеко не всегда соответствовали заявляемым качествам⁷⁰, необходимость такого фильтра не выглядит излишней. Но нам интересно, что здесь академии делегировалось полномочие органа государственной власти, что не совсем характерно для западных университетов.

Обратим внимание еще на один аспект, уже сближающий Московскую академию с западноевропейскими университетами. Заинтересованность московских властей в расширении количества образованных людей проявилась в том, что усердным ученикам давалась отсрочка от судебного преследования: «Аще же на которых учениках, того училища записанных, паче же наприлежно учащихся, объявится на их лицах долги отцовские, а заплатить им будет нечем, или иныя какия вины, и в тех винах разве убийственных, и иных великих дел, донеле же имут они во учении пребывати, суда на них самих не давати, ради препятия науки». Учителя же академии вообще выходили из-под юрисдикции приказов, их должен был судить Блюститель по «Академическому чину»⁷¹. Обратим внимание, что 26 сентября 1701 г. Петр Алексеевич подтверждает: «Киевскаго Богоявленскаго монастыря Игумену и Ректору... *по прежней и по сей жалованным грамотам* во всем точно поступать, а *студентов* той Киевской Академии, которые явятся кому в чем винны, унимать и смирять и по винам их *управу чинить*» (курсив мой. — Н. Ю.)⁷². Выделенный текст свидетельствует, что подобное положение вещей существо-

вало и до этого указа. Поэтому, несмотря на разницу в датах (упомянутый указ вышел позже Академической привилегии), мы все же предполагаем, что это положение было почерпнуто Московской академией из практики Киевской. Такой вывод мы делаем из того, что западноевропейские университеты обладали привилегией — «особая подсудность для школяров по выбору или перед учителями или местным епископом вместо общей подсудности городским судьям»⁷³. Киевская же академия, как уже отмечалось, формировалась в общих с Европой условиях.

В привилегии указывается и примерная тематика обучения. Во-первых, изучение языков («диалекты, Греческим, Славенским и Латинским»), что понятно уже из названия академии. Между тем программа обучения была достаточно обширна: науки духовные и гражданские начиная «от грамматики, пиитики, риторики, диалектики, философии разумительной, естественной и нравной, даже до богословии учащей вещей божественных»⁷⁴. При этом подчеркивается, что «науки преподаватися на обоих диалектах (по-видимому, на славянском и греческом. — *Н. Ю.*), Граматика и Питика, токмо на Греческом, Риторика же, Диалектика, Логика и Физика на обоих»⁷⁵. Также можно видеть и начала юридического образования — правосудие мирское и духовное⁷⁶. В 1684 г., в связи с приездом братьев Лихудов, упоминается о переводе школы из типографии и «и дано им в научение типографских учеников первого класса пять человек»⁷⁷. Таким образом, происходит слияние двух учебных заведений собственно Академии и типографской школы, что повлияло и на тематику обучения. Обратим внимание, что с переходом Киевских земель в подданство Московского государства, программа обучения в Киевской академии была расширена: «Государи Цари и великие Князи Петр и Иоанн Алексеевичи... жалованною Высочайшего своею грамматою *повелели* детям Российскаго народа всяких чинов и из иных стран... нетокмо Пиитики и Риторики, но и Философии и Богословии учений, рачения и ведения Славенороссийским и Еллиногреческим и Латинским языком преподавать с усердным тщанием» (курсив мой. — *Н. Ю.*)⁷⁸.

Цели Московской академии, с одной стороны, а также содержание образования, с другой, не позволяют нам полностью согласиться с мнением А. И. Авруса о том, что Славяно-греко-

латинская академия — это «узкоспециальное учебное заведение, готовившее кадры для распространения и защиты догматов православия»⁷⁹. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что она должна была стать «кузницей кадров» не только для Церкви, но и для государства. Здесь, как нам представляется, нельзя путать академию периода создания и начала деятельности и ее же в XVIII столетии, когда она постепенно становится именно духовным училищем. Впрочем, даже в XVIII столетии, как убедительно показывает А. В. Панибратцев, без выпускников данного образовательного учреждения невозможно представить становление иных форм народного образования в период Петровской модернизации⁸⁰.

Подтверждение указанной точки зрения мы находим и в самой Академической привилегии. В ней указывалось, что в случае успешного обучения, особенно освоения славянского, греческого, польского и латинского языков, ученикам обещалось «за их в науках тщание, за свидетельством училищ Блюстителя и Учителей... достойное мздовоздаяние». По завершении обучения им предполагалось пожалование «в приличные чины их разуму». В документе подчеркивалось, что «ни за какие дела кроме учения, и явственных на войнах и в иных государственных, нашия Государския части ко умножению, и государства к расширению соделаний» в государственные чины «не допускати». Впрочем, для лиц благородного происхождения делалось исключение⁸¹.

Обратим внимание на особенности финансирования Московской академии. В привилегии особо подчеркивалось «иже требуют ума, да приидут тамо, и ядят хлеб слова Божия, и пият вино разсуждения *без всякаго сребродаяния...*» (курсив мой. — Н. Ю.). Для этих целей академия наделялась монастырскими владениями: Спасский монастырь в Китай-городе, Даниловский монастырь на Москве-Реке, Андреевский монастырь и другие монастыри в различных уездах Центральной России. Также в собственность учебному заведению передавались и дворцовые земли. Более того, преподаватели Московской академии, отличившиеся прилежанием и долгой службой, «за оный их подъятый труд, ради их к старости упокоения», обнадуживались «особым достойным труда их жалованьем». Наконец, само строительство академии финансировалось за счет «царской казны»⁸². С перехо-

дом Киева под власть Московских государей, преподавательский состав Киевской академии также переводился на государственное содержание: «а Ректору и учителям тех школ их Царское Величество указали давать жалованье из казны Государственной в Киеве, всем обще денег по пятидесяти рублей, да ржи Московской меры, по пятидесяти четвертей на год». Им также гарантировалась защита со стороны государства: «...а буде кто того Братскаго монастыря Игумену и Ректору и учителям школьным... учнет чинить какия обиды и тем от их Царскаго Величества быть в опале, и за учиненныя все обиды по розыску иск доправлен на них будет вдвое»⁸³. Другими словами, предусматривалось двойное финансирование государства и Церкви, на последнее давалось согласие Патриарха. Мы уже обращали внимание на то, что, несмотря на финансовую помощь государства, западноевропейские университеты опирались на собственные ресурсы. Подобная специфика, как нам видится, подтверждает нашу мысль о назначении академии как учреждения, занимающегося подготовкой кадров именно для этих социальных институтов.

Впрочем, предусматривалась и возможность частного финансирования и по отношению к Московской академии. «К тому же нашему царскому на ону Академию наданию, — указывается в привилегии, — благоволим всякаго чина *людем, хотящим... на препитание и одежду ученикам, на сколько кто человек изволит...* своя надания придавати, и оным... не возбраняем». При этом подчеркивалось, «...дабы коликому числу человек ученикам кто даст... и тому бы числу за его пищею и одеждою всегда непременно... в том училище без всякаго нарушения учителя» (курсив мой. — *Н. Ю.*)⁸⁴. Посмотрим на выделенные фрагменты. Во-первых, обращается внимание на необходимость частной инициативы дарителя и то, что оплачивается не обучение студентов («без сребродания»), а их пропитание и одежда. Повидимому, это связано с тем, что доступ в академию обеспечивался «всякаго чина, сана и возраста людем»⁸⁵, и финансово состоятельным людям предоставлялась возможность оплачивать питание и одежду учеников. Кстати говоря, та же всеобщность видна в организации Киевской академии «для детей Шляхетных и Мещанских»⁸⁶, и, как нам представляется, в этом плане Московская академия унаследовала такое требование из практики

организации своей предшественницы. Однако сам учебный процесс должен был быть организован за счет церковной и государственной казны.

В условиях дуалистического финансирования сложно говорить об организационной самостоятельности вновь созданного учебного заведения. Исходя из этого в привилегии четко определяются требования к «Блустителю» (руководителю) и учителям Московской академии: «быти... благочестивым и от благочестивых родителей рожденным, и воспитанным во православной Христианской восточной вере... будут о себе имети о своем в восточной Христианской вере крепком утверждении от православных Патриархов достоверное свидетельство, такожде тии и в России да будут крепче в вере свидетельствовани». Запрещалось работать в академии представителям католического, лютеранского, кальвинистского вероисповедания и «иных ересей»⁸⁷. Для приезжающих из других государств также требовалось предоставление достоверных свидетельств «благочестивых людей»⁸⁸.

Что же касается Киевской академии, то польский король Михаил в 1670 г. своим указом подтвердил независимость данного учебного заведения: «повелел... Киево-могилянское училище на своих землях... и основаниях давних, паки возобновить, и в оном всякие... упражнения и науки... преподавать, и как предместники их находились, так и им спокойным и свободным без всяких препятствий быть... *никому властью своею касаться не дерзать*» (курсив мой. — Н. Ю.)⁸⁹. Более того, ограничения начинаются уже после перехода Киевских земель под власть Московских государей. В это время Ректору и учителям было указано «не отлучаться» от православной веры и не допускать в училище «противников веры греческой»⁹⁰.

Некоторые ограничения были наложены и на разработку учебных программ. В Московской академии, хотя предусматривалась возможность обучения «прочим всем свободным наукам», устанавливался запрет на проповедь иных конфессий и критику православной веры. За пропаганду предусматривалось отрешение от должности, а за «хуление веры» — сожжение (хотя признание вины смягчало ответственность до увольнения). Были установлены и иные запреты, касающиеся содержания образования: «...от церкви возбраняемых наук, наипаче же магии естественной, и

иных, таким не учить, и учителей таковых не имети»⁹¹. Это скорее напоминает нам ранние стадии формирования западноевропейских университетов, которые находились в ведении Церкви, с той лишь разницей, что здесь регулирующее воздействие идет от представителей светской власти и духовенства одновременно. Вспомним опять Киевскую академию. Выше мы уже говорили, что с присоединением Киева к Российскому государству произошло расширение программы обучения, однако использование в соответствующем указе термина «повелели» свидетельствует, что это было вторжением в учебный процесс до того самостоятельно училища.

Некоторые исследователи полагают, что создание Московской академии по подобию Киевской является опытом строительства негосударственной высшей школы в России⁹². Нам сложно согласиться с этим утверждением. Киевская академия возникла раньше и первоначально действительно существовала как негосударственное учебное заведение. Однако Московская академия не повторяет пути развития Киевской. Особенности функций данного вуза, его финансирование, регламентация деятельности, в том числе и учебного процесса, свидетельствуют, что Московская академия создавалась как **государственно-церковное учреждение, включенное в механизм государства**. Более того, после присоединения Киевских земель к Московскому царству, организация деятельности Киево-Могилянской академии претерпевает серьезные изменения, ее постепенно **приводят в соответствие с теми нормами права, которые были установлены для Славяно-греко-латинской академии**.

* * *

Завершая представленный обзор, обратим внимание на следующие моменты. После крещения Руси развитие российской системы образования продемонстрировало те же тенденции, которые наблюдались и в Западной Европе. Центрами обучения становятся монастыри и церковные приходы. Впрочем, вследствие объективных причин о широком распространении грамотности в России говорить не приходится. Еще один важный фактор касается того, что в России основными потребителями обра-

зованных людей становятся государство и Церковь, в то время как в Европе значительная их часть более востребована негосударственным сектором экономики. В результате в период зарождения и первоначального развития профессиональные учебные заведения в России формируются как **государственно-церковные учреждения**, в которых процесс обучения финансируется государством и Церковью. Они могли привлекать дополнительные средства, но сам учебный процесс обеспечивался государственным и церковным бюджетом. Это **открывает широкие возможности** для управления кадровыми процессами в самих училищах и регламентации учебного процесса и его содержания со стороны государства. Поэтому сложно говорить об организационной самостоятельности и автономии русских профессиональных учебных заведений, что было характерно для Западной Европы. Таким образом, к концу XVII столетия Россия избрала **собственный путь** развития профессионального обучения. Мы не даем оценку, плох он или хорош, но он сложился **под влиянием тех условий**, которые существовали в стране. Еще раз подчеркнем, что мы не претендуем на всестороннее рассмотрение проблем, безусловно, они нуждаются в дальнейшем изучении.

Примечания

- ¹ Письмо Иоанна Кобецеля о России XVI века // Журнал министерства народного просвещения. 1894. Сентябрь. С. 136.
- ² *Поздняков А. Н.* История педагогики и образования за рубежом и в России : учеб. пособие. Саратов, 2009. С. 13.
- ³ *Шафажинская Н. Е.* Русское монашество как историко-культурное явление : автореф. дис. ... д-ра культурологии. М., 2010. С. 25.
- ⁴ Житие и подвиги преподобного отца нашего Мартемиана Белозерского // Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартемиан Белозерские. СПб., 1994. С. 236.
- ⁵ Цит. по: *Рогов А. И.* Школа и просвещение // Очерки русской культуры XVI века. М., 1977. Ч. 2. С. 254.
- ⁶ *Соболевский А. И.* Образованность Московской Руси XV—XVII веков. СПб., 1894. С. 5.
- ⁷ Цит. по: *Знаменский П. В.* История Русской Церкви. URL: http://www.holytrinitymission.org/books/russian/history_russian_church_znamensky.htm (дата обращения: 26.09.2012).

- ⁸ Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. СПб., 1841. Т. 1. С. 147.
- ⁹ Российское законодательство X—XX веков : сб. док. : в 8 т. М., 1985. Т. 2. С. 292. (далее — РЗ).
- ¹⁰ См., напр.: *Рогов А. И.* Указ. соч. С. 251.
- ¹¹ РЗ. Т. 2. С. 290.
- ¹² *Соболевский А. И.* Указ. соч. С. 8.
- ¹³ Донесение д. Иоанна Фабра // Отечественные записки. СПб., 1826. Ч. 27. С. 63—64.
- ¹⁴ *Соболевский А. И.* Указ. соч. С. 8.
- ¹⁵ *Валянский С., Калюжный Д.* Европейские школы и университеты. URL: <http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=71960> (дата обращения: 24.09.2012).
- ¹⁶ Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). Собр. 1. Т. 1. № 288. С. 524.
- ¹⁷ *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры : в 3 т. М., 1994. Т. 2. Ч. 2. С. 208.
- ¹⁸ Подсчитано по: *Латкин В.* Материалы для истории земских соборов XVII столетия. СПб., 1884. С. 13—48.
- ¹⁹ См., напр.: *Кабанов А. Е.* Исторические корни отечественной интеллигенции в эпоху русского Предвозрождения конца XIV—XV веков : дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2001.
- ²⁰ См., напр.: *Столяров Д. А.* Проблемы формирования, становления и деятельности российской интеллигенции в XVI—XVII веках : дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2004.
- ²¹ См., напр.: *Попов А. В.* Генезис древнерусской военной интеллигенции // Интеллигенция и мир. 2010. № 1.
- ²² *Юркин Н. Г.* Приказные управленцы XVI—XVII вв.: уровень образования и морально-нравственные черты : дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2002.
- ²³ *Верже Ж.* История средневекового университета. URL: <http://sites.google.com/site/nechaevsite/pedpsycho/verzhe-zh> (дата обращения: 28.09.2012).
- ²⁴ *Модзалевский Л. Н.* Очерк истории воспитания и обучения с древнейших до наших времен. СПб., 2000. Ч. 1. С. 242.
- ²⁵ *Верже Ж.* Указ. соч.
- ²⁶ *Меньшиков В. М.* Развитие образования в Западной Европе в XVII—XVIII вв. URL: <http://www.portal-slovo.ru/pedagogy/41983.php> (дата обращения: 24.09.2012).
- ²⁷ См. подробнее: *Юркин Н. Г.* Указ. соч. С. 43—49.
- ²⁸ *Крижанич Ю.* Политика. М., 1965. С. 457—464.

- ²⁹ *Ключевский В. О.* Сочинения : в 9 т. М., 1988. Т. 2 : Курс русской истории. Ч. 2. С. 272.
- ³⁰ История книги. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/HB/07-1.htm> (дата обращения: 28.09.2012).
- ³¹ *Костюхина Л. М.* Из истории рукописного дела России XVII века // Археографический ежегодник, 1964 г. М., 1965. С. 58.
- ³² Сост. по: *Луппов С. П.* Книга в России в XVII веке. Л., 1970. С. 28 ; *Киселев Н. П.* О московском книгопечатании XVII века // Книга : исследование и материалы. М., 1960. Сб. 2. С. 130—133.
- ³³ *Луппов С. П.* Указ. соч. С. 28.
- ³⁴ *Поздеева И. В.* Москва — центр раннего русского книгопечатания : Московский печатный двор первой половины XVII в. // Культура средневековой Москвы. М., 2000. С. 284.
- ³⁵ История книги.
- ³⁶ Памятники литературы Древней Руси : XVII век. М., 1994. Кн. 2. С. 27—56, 594—595.
- ³⁷ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 381. Оп. 1. № 1808.
- ³⁸ *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию. М., 1996. С. 291.
- ³⁹ *Сапунов Б. В.* Античная литература в русских библиотеках XVII в. и Московское барокко // Русские библиотеки и их читатель : (Из истории русской культуры эпохи феодализма). Л., 1983. С. 71.
- ⁴⁰ *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. : библиограф. материалы. СПб., 1903. С. 52—232.
- ⁴¹ РГАДА. Ф. 381. Оп. 1. № 998—1000.
- ⁴² *Меньшиков В. М.* Указ. соч.
- ⁴³ *Сазонова Л. И.* Русская культура конца XVII в. перед выбором пути // Человек между Царством и Империей : сб. материалов междунар. конф. М., 2003. С. 185.
- ⁴⁴ *Малинин В. А.* Русь и Запад. Калуга, 2000. С. 416.
- ⁴⁵ *Савва В.* Несколько случаев изучения иностранных языков русскими людьми во второй половине XVI в. Харьков, 1913. С. 7.
- ⁴⁶ Цит. по: *Рогов А. И.* Указ. соч. С. 258.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ См. подробнее: *Юркин Н. Г.* Указ. соч. С. 43—49.
- ⁴⁹ *Лаврентьев А. В.* К истории создания училища в Московской бронной слободе в XVII веке // История СССР. 1991. № 3. С. 194.
- ⁵⁰ *Забелин И. Е.* Материалы для истории, статистики и археологии г. Москвы. М., 1884. Т. 1. С. 398, 400, 1042—1043, 1114.
- ⁵¹ *Симонов Р. А., Кузаков В. К., Кузьмин М. К.* Естественно-научные знания // Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 2. С. 65.

- ⁵² *Цветаев Д. М.* Первые немецкие школы в Москве и основание придворного немецко-русского театра. Варшава, 1889. С. 1.
- ⁵³ *Рогов А. И.* Указ. соч. С. 149.
- ⁵⁴ *Браиловский С. Н.* Один из пестрых XVII столетия. СПб., 1902. С. 18.
- ⁵⁵ *Рогов А. И.* Указ. соч. С. 150.
- ⁵⁶ *Румянцева В. С.* Андреевский училищный монастырь в Москве в XVII в. // *Культура средневековой Москвы : XVII век.* М., 1999. С. 298.
- ⁵⁷ *Житие милостивого мужа Федора Ртищева // Древняя Российская Вивлиофика, содержащая в себе: Собрание древностей Российских до истории, географии и генеалогии Российския касающиеся (далее — ДРВ).* М., 1791. Ч. 18. С. 401.
- ⁵⁸ *Сторожев В. Н.* К истории русского просвещения XVII в. Киев, 1890. С. 15.
- ⁵⁹ *Цветаев Д. М.* Указ. соч. С. 5—6, 20.
- ⁶⁰ Цит. по: *Рогов А. И.* Указ. соч. С. 150.
- ⁶¹ *Румянцева В. С.* Указ. соч. С. 295, 299.
- ⁶² Для удобства далее будем использовать сокращенные наименования данных учебных заведений — Киевская и Московская академии.
- ⁶³ *Киселева М. С.* Книжник и ученый: Симеон Полоцкий и Василий Татищев // *Человек между Царством и Империей.* С. 204—205.
- ⁶⁴ *Историческое известие о Киевской академии // ДРВ.* М., 1791. Ч. 16. С. 283.
- ⁶⁵ *Привилегия Московской Академии // ДРВ.* М., 1788. Ч. 6. С. 405.
- ⁶⁶ Там же. С. 398—399.
- ⁶⁷ *Полное собрание русских летописей.* М., 1965. Т. 13. С. 464.
- ⁶⁸ *Переписка Ивана Грозного с А. Курбским.* Л., 1981. С. 138—139.
- ⁶⁹ *Привилегия Московской Академии.* С. 409, 412.
- ⁷⁰ См. об этом подробнее: *Мулюкин А. С.* Приезд иностранцев в Московское государство : из истории русского права XVI и XVII веков. СПб., 1909 ; *Орленко С. И.* Выходцы из Западной Европы в России XVII века (правовой статус и реальное положение). М., 2004 ; и др.
- ⁷¹ *Привилегия Московской Академии.* С. 409.
- ⁷² *Историческое известие о Киевской академии.* С. 289.
- ⁷³ *Пиков Г. Г.* Из истории европейской культуры : учеб. пособие. Новосибирск, 2002. URL: <http://gkaf.narod.ru/pikov/09.html> (дата обращения: 24.09.2012).
- ⁷⁴ *Привилегия Московской Академии.* С. 401—402.
- ⁷⁵ *Историческое известие о Московской академии // ДРВ.* М., 1791. Ч. 16. С. 299.
- ⁷⁶ *Привилегия Московской Академии.* С. 401—402.
- ⁷⁷ *Историческое известие о Московской академии.* С. 298.

- ⁷⁸ Историческое известие о Киевской академии. С. 287—288.
- ⁷⁹ *Аврус А. И.* История российских университетов : очерки. М., 2001. С. 8.
- ⁸⁰ *Панибратцев А. В.* Философия в Московской славяно-греко-латинской академии (первая четверть XVIII века). М., 1997. С. 18—20.
- ⁸¹ Привилегия Московской Академии. С. 411—412.
- ⁸² Там же. С. 403—405, 411, 418.
- ⁸³ Историческое известие о Киевской академии. С. 288—289.
- ⁸⁴ Привилегия Московской Академии. С. 406.
- ⁸⁵ Там же. С. 408.
- ⁸⁶ Историческое известие о Киевской академии. С. 283.
- ⁸⁷ Привилегия Московской Академии. С. 405—406.
- ⁸⁸ Там же. С. 409.
- ⁸⁹ Историческое известие о Киевской академии. С. 287.
- ⁹⁰ Там же.
- ⁹¹ Привилегия Московской Академии. С. 402, 408.
- ⁹² *Капралова Е. В., Голованова В. Ф.* Политико-правовое регулирование высших учебных заведений в дореволюционной России // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 4. С. 269.

ББК 63.3(2)6-283.2

О. В. Золотарев

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: СОВЕТСКИЕ ГОДЫ

Советская эпоха характеризовалась весьма непростыми отношениями власти с интеллигенцией. Надо заметить, что на эти взаимоотношения серьезное влияние оказывали как обстоятельства частной жизни, так и политическая ситуация.

Особенно сложным взаимодействие власти и интеллигенции было в начальный период существования коммунистического режима. Во многом это объяснялось неоднородностью интеллигенции в политическом плане, соотношение группировок внутри интеллектуального слоя быстро менялось. К тому же немалая

© Золотарев О. В., 2012

Золотарев Олег Васильевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и экономической теории Коми государственного педагогического института. (8212) 21-44-81

часть мыслящей элиты (и не только элиты) негативно восприняла приход большевиков. В. И. Ленин в этой связи отмечал, что «главная масса интеллигенции старой России оказывается прямым противником Советской власти»¹. Интеллигенция не могла понять сущности новой власти и испытывала страх перед «грядущим хамом» — революционным народом. Положение усугублялось еще и тем, что у значительной части представителей правящей партии было развито «махаевское» отношение к интеллигенции, в ней видели практически один из эксплуататорских классов. Впрочем, руководство партии, в отличие от рядовых членов, прекрасно понимало, что без знаний и навыков буржуазных специалистов будет невозможно поднять хозяйство. Это заставляло думать об обеспечении хотя бы относительной лояльности интеллектуалов новой власти. Для этого важно было избежать консолидации различных слоев интеллигенции, требовалось обеспечить возможность замены нужных специалистов, если возникнет опасность их сопротивления или саботажа. Поэтому власти все же пытались бережно относиться к представителям умственного труда и старались обеспечить их поддержку созданием выгодных для специалистов материальных и правовых условий, полагая, что жизнь неминуемо приведет основную часть интеллигенции в союзники большевиков. Тем более что сделать это было несложно — численность интеллектуального слоя была в тот период относительно невелика.

Ситуация еще больше осложнилась в нэповский период. Переход к нэпу был воспринят частью интеллигенции как начало изменения Советской власти, ее дрейфа в сторону демократии (именно эти настроения породили течение сменовеховства). В то же время в процессе обеспечения народного хозяйства квалифицированными работниками столкнулись две важные проблемы: во-первых, отношение к старой интеллигенции (которое, несмотря на стремление сбросить ее, было в целом все же враждебным) и, во-вторых, потребность в большом числе специалистов, которая росла по мере развития народного хозяйства. Невозможность полностью удовлетворить нужду в кадрах путем привлечения дореволюционной интеллигенции вынудила власти (наряду с политической стороной этой проблемы) как пойти на определенный компромисс со старой интеллектуальной элитой, так и поставить

задачу воспитания новой, социалистической интеллигенции из крестьян и рабочих — интеллигенции, которая была призвана обслуживать нужды общества на новом этапе развития.

Таким образом, уже в первые послереволюционные годы в Советской России наблюдается четкое разделение интеллигенции по идеологическому признаку: на старую и новую. При этом старая интеллигенция, получившая свою подготовку еще до 1917 года, хоть и преобладала численно, но была в политическом плане пассивна: ее активная часть либо эмигрировала, либо погибла в ходе гражданской войны. Она даже и не думала о какой-либо оппозиции режиму, хотя в своем большинстве и не принимала новый строй. Негативное отношение к власти не мешало сотрудничеству с ней.

Потребность в интеллектуальном труде определила и весьма четкий дифференцированный подход в вопросах материального обеспечения интеллигенции: труд нужных властям технических специалистов уже в нэповский период начинает хорошо оплачиваться. Высококвалифицированные инженеры получают на производстве в 5—6 раз больше рабочего, а вот, например, учительские оклады — в 2—3 раза меньше заработной платы рабочего. Реальная зарплата ученых в этот период не дотягивает и до половины дореволюционной².

Таким образом, и в рядах старой интеллигенции, утратившей свое место в обществе, наметилось расслоение по социальному признаку. Произошло выделение «специалистов» («спецов»). Это были интеллектуалы, продолжавшие работать по своей профессии (в основном по технической специальности). Власть просто нуждалась в них как в незаменимых. Но их относительное благополучие было крайне неустойчивым: они осознавали, что власть их только терпит, пока не подготовлена достойная смена из числа преданных коммунистической идеологии новичков. «Спецам» противопоставили категорию «бывших» — это специалисты, актуальность которых была потеряна при смене общественного строя. К ним можно отнести и представителей враждебных для новой власти слоев, и тех, кто был переменами отброшен в число деклассированных элементов. Можно говорить о том, что в этот период «функции представителей интеллекту-

альных профессий свелись к функции носителей прежде всего технических знаний»³.

Что касается новой интеллигенции, то она пока была численно невелика, однако ее ряды быстро росли за счет части интеллектуалов, сформировавшихся еще до революции, для которых новый режим виделся привлекательнее старого. Кроме того, этот слой стал стремительно расширяться за счет выдвиженцев из молодежи, из рабочих и крестьян. Надо заметить, что студенчество основных технических и экономических институтов в тот период на 80—90 % формировалось из рабфаковцев, которые в плане пополнения рядов интеллигенции становятся основным источником. Это объяснялось тем, что новое поколение прочно усвоило марксистские ценности и взгляды (что для власти было чрезвычайно важно).

Подчеркнем, в первое десятилетие советского режима противопоставление старой и новой интеллигенции прослеживалось достаточно четко. Здесь критерием была партийность: новый интеллектуальный слой состоял из членов ВКП (б) и комсомола. Однако постепенно и из старой интеллигенции выделяется категория беспартийных, готовых сблизиться с новой интеллигенцией.

И все же именно новая интеллигенция в нэповский период численно быстро росла, что отвечало чаяниям власти. Но роль специалистов в развитии экономики оставалась решающей, и это вынуждало режим лояльно относиться к старой интеллигенции. Впрочем, обострялось и противостояние старой и новой интеллигенции: выдвиженцы отмечали в старых специалистах идеологическую отсталость, а старая видела худшую профессиональную подготовку новых интеллигентов.

Между тем, несмотря на все старания большевиков привлечь на свою сторону старых интеллектуалов, среди них по-прежнему сохранялось настороженное отношение к новой власти, что вызывало определенный скептицизм партийных руководителей. Большевицкие лидеры полагали, что исключительно рабоче-крестьянская интеллигенция в скором будущем может стать их надежной опорой, ее социальное происхождение будет гарантией не только близости рабочему классу, но и верности Советской власти. Но позднейшие события показали ошибочность подобных умозаключений, однако тогда, не сумев добиться

ясно выраженной поддержки у старой интеллигенции, большевики, создавая пролетариев умственного труда, думали, что новая интеллигенция постепенно вытеснит старую. Именно такими настроениями и была обусловлена волна репрессий в отношении старой, буржуазной интеллигенции в начале 1930-х годов.

Началось все с действий против бывших. Затем нажим власти на старую интеллигенцию распространился и на «спецов». Режим пытался ликвидировать особый интеллектуальный слой, настроенный критически к режиму, органически не принимавший новых ценностей. Власть видела, что ряды новых интеллектуалов значительно выросли, и полагала, что ликвидация старой интеллигенции уже не нанесет особого ущерба. Развернувшаяся кампания имела и иную цель: сделать хотя бы часть старого интеллектуального слоя полностью советским. Этим и объясняется ее поддержка лояльной власти старой беспартийной интеллигенции.

Но уже в середине 1930-х годов характер режима меняется. В начале 30-х происходит явный поворот в политике властей. Был взят курс на национально-государственное выживание Советского Союза, в рамках его проводилось широкое общественное и политическое реформирование страны. В действиях сталинской группировки все больше проглядывались национально-государственные, а не идеологические тенденции. Для сторонников сталинской линии опасность происходила уже отнюдь не от старой интеллигенции, а от новой номенклатуры и новой интеллигенции. Именно против этой группы и было направлено острие репрессий конца 1930-х годов.

Меняется и отношение к интеллигенции. Исчезает категория «лишенцев», устраняются привилегии рабочих и крестьян при поступлении на учебу, снимаются ограничения на прием интеллигенции в партию. Хотя можно говорить и об усилении идеологического контроля над деятельностью интеллигенции. Но в целом различия между старой и новой интеллигенцией практически исчезают. Это связано как с уходом старой интеллигенции от активной деятельности (просто в силу возраста), так и возрастанием лояльности интеллигенции в целом по отношению к режиму.

Важную роль сыграло и то обстоятельство, что постепенно партийные лидеры осознавали важность позиции интеллектуальных кругов в деле укрепления власти. И. В. Сталин подчеркивал:

«Ни один класс не может удержать власть и руководство государством, если не сумеет создать собственной интеллигенции, то есть людей, которые отошли от физического труда и живут умственным трудом». Он предостерегал от пренебрежительного отношения к интеллигенции: «У нас часто бывает так: работал рабочий у станка, потом пошел учиться, стал образованным человеком и к нему сразу пропало всякое уважение. Я считаю, что это дикость. При таких взглядах мы можем действительно загубить государство, загубить социализм»⁴. Сталин постоянно акцентировал внимание на том, что новая, социалистическая интеллигенция, которая неизбежно придет на смену буржуазным специалистам, не может не быть интеллигенцией рабочего класса, его классовым отрядом работников умственного труда.

Кроме того, осознание важности повышения культурного уровня народа для обеспечения успеха индустриализации привело к усиленному вниманию властей к развитию школы и образования. Задачу повышения образованности молодого поколения Сталин определил как «некоторый фундамент для того, чтобы сделать через некоторое время всех рабочих и крестьян интеллигентами... Тогда мы будем непобедимы»⁵. Данные тенденции вылились не только в простую и эффективную сталинскую образовательную реформу, но и в серьезное повышение уровня материальной обеспеченности советской интеллигенции. В итоге происходит формирование и значительный численный рост новых социальных групп с широким образованием. Идет и своеобразная статусная революция, усиление социального и идеологического расслоения, не исключавшие, впрочем, нормализации социального климата и придания устойчивости режиму⁶.

Война только усилила сближение партии и интеллигенции. Власть, преследуя свои цели, становилась все ближе старой интеллигенции. Последней импонировало обращение к патриотизму, возвращение к дореволюционным традициям, создание послевоенной Советской империи. Режим, ориентируясь на положение в Российской империи, сознательно и весьма последовательно поднимал престиж ученого и специалиста. Заработная плата инженерно-технических и научных работников начинает превышать доходы рабочих. К 1930-м годам даже оклады учительства становятся выше средней заработной платы по стране.

Наиболее значительно заработная плата интеллектуальных профессий превышает доходы рабочих в середине 1950-х годов. Именно 1940—50-е годы были самыми благополучными, по крайней мере, в материальном плане для советской интеллигенции, когда она во многом приблизилась к своему дореволюционному статусу⁷. Это становится немаловажным фактором того, что старая интеллигенция ставится одним из явных сторонников режима. Ведь она оказывалась более восприимчивой к повороту властей к великодержавности, нежели сформировавшаяся в традициях интернационализма советская интеллигенция 1920-х годов. Именно поэтому после окончания войны, в условиях начавшейся войны холодной, склонные к западному влиянию (вследствие своего интернационализма) новые интеллектуалы становятся главной жертвой кампании борьбы против космополитизма, что приводит к расколу в рядах новой интеллигенции. Одна ее часть поддержала антизападные настроения властей, другая не восприняла обращение к русским национальным ценностям и встала в глухую оппозицию к режиму.

Впрочем, наблюдавшаяся в последние сталинские годы некоторая устойчивость в интеллигентских кругах была похоронена Н. С. Хрущевым. Происходит определенное возвращение к интернационализму (возможно, данный поворот был вызван самой личностью нового лидера, сформировавшейся в 1920-х годах). Эти веяния были созвучны настроениям части новой интеллигенции, не разделявшей великодержавность сталинского режима. Появляется поколение «шестидесятников», которые, хотя и продолжали считать себя коммунистами, но все больше воспринимали западные ценности. Однако отношениям «шестидесятников» с властью сильно вредили зигзаги Хрущева, его колебания из крайности в крайность. Но, все же, именно «шестидесятники» были, пожалуй, единственной стратой общества, негативно воспринявшей его падение.

Роднит хрущевский период с 1920-ми годами и стремление к «выдвиженчеству». Возрождается практика определенных льгот для выходцев из рабоче-крестьянской среды при поступлении в вузы (что неизбежно вело к снижению уровня знаний будущих студентов), проявляется тенденция к ухудшению материального обеспечения интеллигенции. При Хрущеве начинается

активный процесс профанации высшего образования. Происходит резкий рост численности студенчества, который сочетается с серьезным ухудшением его качественного состава. Особо тяжелые последствия это имело для советской науки. Идет расширение штатов научно-исследовательских структур, в науку приходят люди, не имеющие ни необходимого багажа знаний, ни призвания к научной работе. Именно выходцы из «хрущевского призыва» в силу естественных процессов заняли к концу 1970-х — началу 80-х годов руководящие посты в научном сообществе. В конце концов, это привело к изменениям качественного состава интеллигенции далеко не в лучшую сторону. Способствовала нарастанию данных негативных тенденций и непродуманная хрущевская реформа образования.

Во многом данные явления были результатом возвращения при Хрущеве «полумахаевского» отношения власти к интеллигенции. Именно тогда вновь, как в первое десятилетие Советской власти, стало преобладать обесценивание интеллектуального труда, явно возродились тенденции к дискредитации интеллектуальной элиты. Хрущев сознательно и открыто унижает интеллигенцию в сравнении с рабочим классом. Социальный престиж квалифицированных работников начинает последовательно снижаться.

Еще одной особенностью хрущевского десятилетия становится феминизация целого ряда интеллектуальных профессий. Это относится в первую очередь к образованию и медицине.

При Н. С. Хрущеве идет и очередная волна «коренизации» и «национализации» интеллигентских кадров. Это тоже роднит хрущевскую эпоху с 1920-ми годами. Данная линия мало чем отличалась от политики «орабочивания» интеллигенции и реализовывалась теми же методами: путем предоставления различных льгот при поступлении в вузы. Этот процесс происходил во многом в ущерб качеству подготовки кадров.

Данные особенности подготовки высококвалифицированных кадров при Хрущеве были опять-таки связаны с пропагандистскими соображениями и имели немалые негативные последствия: наблюдается профанация интеллектуального труда, образования, снижение общественного престижа и статуса интеллигенции. Подобная линия проистекала из представления об интел-

лигенции как «классово-неполноценном» элементе общества, который именовался «прослойкой».

К тому же разоблачение «культы личности» если и привело к определенной переоценке ценностей, но в целом мало что изменило в отношении открывающихся перед интеллигенцией творческих перспектив. Явно негативный характер носили постоянные некомпетентные и грубые по форме попытки вмешательства Хрущева в дела культуры. Дискуссии вокруг журнала «Новый мир» и «дело Пастернака» весьма четко показали границы либерализации в отношениях между властью и интеллигенцией⁸ и вызвали серьезный кризис в сознании советских интеллектуалов, осознавших, что они не в состоянии открыто противостоять власти. Интеллигенция была просто вынуждена опять приспособиться к новому идеологическому курсу.

Сохранению подобной линии в 1970—80-е годы в немалой степени способствовала и весьма настороженная позиция по отношению к интеллигенции главного идеолога партии М. А. Суслова. Хрущевская политика была отвергнута, но возвращения к позднесталинскому периоду так и не произошло. В итоге деградация интеллектуального слоя в советском обществе, начавшаяся при Хрущеве, к началу 1980-х годов стала фактом. Регресс в интеллектуальной среде остановить не удавалось, хотя власть относилась к интеллигенции уже не враждебно, но равнодушно, пытаясь отмахнуться от идейных противоречий, довольствуясь внешней лояльностью. Однако разочарование несостоявшейся либерализацией породило столь скептические настроения среди интеллектуальных кругов, что создало условия для такого нового явления, как диссидентство.

Этот процесс можно охарактеризовать как определенное возвращение к нравственным ценностям, свойственным еще до-революционной интеллигенции, но уже в совершенно иной социальной обстановке. Дело в том, что немалая часть советской интеллигенции брежневского периода уже не воспринимала всерьез коммунистические идеалы, но продолжала оставаться на позднесталинских антизападных, патриотических позициях. Наиболее ярко эта линия выразилась в движении «писателей-деревенщиков», хотя большая часть интеллигенции, причем самая социально активная, состоящая из «шестидесятников» и их последовате-

лей, представляла западническое течение. Она постепенно встала на путь полного принятия западной точки зрения на мировой процесс, отрицая советский опыт. Надо заметить, что активная часть «шестидесятников» воспринимает брежневский режим уже как враждебный. Именно так появляется диссидентство. Впрочем, подавляющее большинство прозападной интеллигенции никак не показывает свою оппозиционность, оставаясь в политическом плане пассивным. «Шестидесятники» находят определенную опору во власти, формируя прослойку разного рода номенклатурных консультантов и советников (именно из них и вырастает «пятая колонна» времен перестройки). Вера в коммунистические идеи приобретает у прозападной интеллигенции ритуальный характер, многие «шестидесятники» цинично вступают в партийные ряды исключительно из карьерных соображений. Сама власть, нуждаясь в услугах интеллигенции, разворачивает приближенную к себе часть интеллектуалов подачками и наградами. В творческой среде формируются настроения иждивенчества и меркантилизма, исчезает достоинство и нравственная стойкость, способность отстаивать свои идеалы. Многие представители обласканной властью элитной интеллигенции постепенно теряют моральные качества, утрачивают высоконравственное культурное призвание, формируя «номенклатурную интеллигенцию», которая на словах горячо поддерживая коммунистическую идеологию, была готова ради материальных выгод быстро сменить свою позицию (что и произошло в начале 1990-х годов).

Подобный дрейф в сознании российской интеллигенции во многом ведет свое начало именно из противоречий, возникших в советском обществе в конце 50-х — 60-е годы. Речь идет о конфликте между возросшей ролью интеллигенции в общественном производстве, ведь наука становилась производительной силой, и падением социального статуса интеллигенции. Последнее было связано с заметно снизившимся уровнем материального обеспечения интеллигенции по сравнению с рабочим классом. Уже к началу 1970-х годов заработную плату ниже рабочих имеют почти все представители интеллектуальных профессий. Становится ясно, что высшее образование перестало быть тем ключом, который открывал дорогу к материальному благополучию. Слово «инженер» стало в брежневский период синонимом слова «ни-

ший», ведь доходы представителей инженерного корпуса были существенно меньше, чем у рабочих. В схожем положении находились и самые массовые интеллектуальные профессии — учителя и врачи⁹. Помимо этого, и общественные фонды потребления удовлетворяли в основном нужды представителей рабочего класса. В результате профессии умственного труда теряли свой былой статус, что вызывало вполне понятное недовольство интеллигенции и что было весьма тревожнее для властей — нежелание работать по вузовской специальности. Последствия не заставили ждать: происходит резкое увеличение слоя «рабочих-интеллигентов» — лиц с высшим образованием на рабочих должностях. Это явно говорило о нерациональном и неэффективном использовании научно-технического потенциала общества, ведь нередко единственной привлекательной чертой в положении советского интеллигента оставалась возможность заниматься хоть и скучно оплачиваемой, но не физической и грязной работой. Наблюдается и замедление научно-технического прогресса: этот процесс достиг своего апогея к 1980-м годам.

Анализируя создавшееся положение, следует все же помнить, что советская интеллигенция была в первую очередь интеллигенцией технической или, как ее чаще называли, научно-технической. Именно это обстоятельство заставило одного из поэтов воскликнуть: «Что-то физики в почете». Эта новая интеллигенция создала мощную экономику сверхдержавы, вывела Советский Союз в число ведущих стран, сделала примером для развивающихся народов.

Однако новые условия постиндустриального общества, когда был востребован массовый интеллектуальный труд, привели к значительному количественному росту интеллигенции. Фактически численность людей, занятых интеллектуальным трудом, к 1980-м годам достигла едва ли не четверти всего трудоспособного населения Советского Союза. Такой рост был явно гипертрофированным. Удельный вес интеллигенции в составе населения увеличился столь значительно, что подрывались возможности хоть какого-то ее внутреннего единства.

Конечно, во многом это стало результатом доступности образования. Подготовка специалистов и соответственно увеличение числа учебных заведений имели, помимо прочего, и еще одну

цель — лишить интеллигенцию своего относительно привилегированного положения. Темпы подготовки специалистов, особенно технического профиля, опережали истинные потребности общества и экономики. Нередко они были вызваны политическими соображениями. Но интеллигенция, пережив количественный рост, потеряла в качестве. В обществе теперь превалировало не противопоставление «невежество — культура», а «массовая культура — культура истинная». Подобные перемены не могли не сказаться на интеллигенции. Она распалась на массу тех, кто только в силу занятия интеллектуальным трудом может быть назван интеллигентом, и отдельных личностей — действительных интеллигентов.

Таким образом, с разрушением структуры интеллигенции размылся и термин «интеллигенция». Уже в конце советской эпохи вряд ли было возможно определять интеллигента по уровню образования. Нередко главным для установления интеллигентности становились порядочность, чувство собственного достоинства¹⁰, эти качества были определенной ценностью для немалой части общества. Вместе с тем, это говорило и об исчезновении интеллигенции в первоначальном понимании термина, что было вызвано отмиранием ее функции в обществе. Интеллигенция фактически оторвалась от реального дела социальных трансформаций, что неизбежно вело к усилению оппозиционных настроений в интеллектуальных кругах. К тому же образованная страда советского общества была и наиболее идеологизированной. Ее образование и статус напрямую связывались с идеологией, поэтому в глазах советских рабочих и крестьян значительная ее часть была заодно с режимом. Всё это вызывало определенную отчужденность интеллигенции как от власти (от которой она пыталась безуспешно дистанцироваться), так и от народа.

Перечисленные выше условия породили «либерально-демократическую интеллигенцию» — интеллигенцию времен перестройки, ведущую свое начало от хрущевских «шестидесятников». Именно она в немалой степени способствовала падению советского строя. Горбачевская гласность фактически сделала взгляды прозападной советской интеллигенции официальными. Значительная часть номенклатуры из «шестидесятников» объединяется с лагерем западников. Интеллигенты переходят к со-

трудничеству с режимом, пытаясь подтолкнуть его в требуемую сторону. Такой симбиоз власти и прозападной интеллигенции позволил распространить ее перестроечные настроения и на широкие слои населения. В конечном счете, к концу 1980-х годов перестроечное движение объединило в своих рядах различные слои интеллигенции: от диссидентов до представителей высшей партийной номенклатуры. Но решающую роль в нем играли все же «шестидесятники», прозападные взгляды которых привели к господству в демократическом движении идей «общечеловеческих ценностей», «возвращения в мировую цивилизацию», полного отрицания патриотизма и великодержавности.

Такое поведение интеллигенции явно свидетельствовало о том, что советская эпоха создала слой людей, которые в своей жизни руководствовались абстрактными гуманистическими идеалами, а не холодным расчетом.

В итоге поэтому именно интеллигенция наиболее пострадала от произошедших в стране перемен. В постсоветский период она полностью утратила свой статус: лишилась хотя бы относительного материального достатка, потеряла осознание своей значимости, оказалась не в состоянии вести привычный образ жизни. Последовавшее в 1990-е годы хаотичное развитие рыночных отношений окончательно превратило советскую интеллигенцию в артефакт ушедшей эпохи.

Примечания

¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 39. С. 132.

² См., напр.: Народное просвещение. 1926. № 1. С. 110 ; Пайнс Р. Россия при большевиках. М., 1997. С. 382.

³ Байрау Д. Интеллигенция и власть: советский опыт // Отечественная история. 1994. № 2. С. 125.

⁴ Сталин И. В. Сочинения. Т. 18. С. 164.

⁵ Там же. С. 166.

⁶ Левин М. Советский век. М., 2008. С. 11.

⁷ Зезина М. Р. Складывание командно-бюрократических методов руководства культурой // Режим личной власти Сталина : к истории формирования. М., 1989. С. 152 и др.

⁸ Байрау Д. Указ. соч. С. 130—131 и др.

⁹ Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987. С. 431.

¹⁰ *Лихачев Д. С.* О русской интеллигенции // Новый мир. 1993. № 2 ;
Солженицын А. И. Образованщина // Там же. 1991. № 5 ; и др.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

ББК 63.3(2)6-283.2

Э. Б. Ершова

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ И НАРОДА В ИСТОРИЧЕСКОМ РАКУРСЕ (мнения студенческой молодежи)

Преподавая историю России в вузе, всегда возникает желание выяснить, насколько молодые люди умеют размышлять не просто на заданные им вопросы по курсу, но и на несколько более широкие для них темы. Бакалаврам первого курса института национальной, мировой и региональной экономики Государственного университета управления было предложено ответить на вопросы по теме «Интеллигенция и народ России в историческом ракурсе»:

1. Что означают для вас понятия «интеллигенция» и «народ»?
2. Как, по-вашему, складывались их отношения в историческом ракурсе?
3. Как менялись их отношения в периоды войн, революций, кризисов политической и экономической систем?

В дискуссии приняли участие 70 бакалавров. Разговор получился интересным и потому заслуживает внимания. Для публикации предлагаются основные выводы, к которым студенты пришли в конце конференции. Не считая нужным как-то корректировать их ответы, привожу в этом материале, на мой взгляд, лучшие.

© Ершова Э. Б., 2012

Ершова Эльвира Борисовна — доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политологии Государственного университета управления, действительный член Академии гуманитарных наук, академик. elvira40@inbox.ru

1. Основная масса будущих выпускников считает, что интеллигенция — это крупная социально-культурная общность, социальный массив людей с активной общественной позицией, профессионально занимающихся творческим умственным трудом. Как особый социальный слой интеллигенция начала формироваться в России еще в феодальную эпоху преимущественно из среды дворянства и духовенства. Процесс формирования интеллигенции значительно ускорился в 40-е гг. XIX в. Самодержавие не могло уже предотвратить демократизацию образования. Среди учащейся молодежи все более увеличивалось число разночинцев — выходцев из разных сословий (духовенства, купечества, мещанства, чиновничества, крестьянства), в основном занимавшихся умственным трудом, которые и пополняли слой интеллигенции.

Термином «народ» в политическом смысле студенты обозначили основную простую непривилегированную массу населения в противоположность «интеллигенции», «элите» и «власти». Исторически отличительной чертой российской интеллигенции первокурсники считают «народолюбие», иногда доходившее до народопоклонства. Она всегда думала о народе, была способна на самоотречение во имя истины и воплощения поставленных целей. Определенная часть дворянства, разночинцев «сжигала» себя ради идей всеобщего равенства, ради отмены крепостного права, свободы, социальной справедливости. Обостренная любовь интеллигенции к народу во многом определяется истоками ее происхождения. «Эхом русского народа» называл себя А. С. Пушкин. Из недр народа вышел всеобъемлющий ум М. В. Ломоносова, а также многие известные писатели, художники, композиторы и представители научной, высоко технически образованной интеллигенции.

Взаимоотношения интеллигенции и народа никогда не были однозначными, ясными, прямолинейными. Русскому крестьянину власть царя порой была ближе и понятнее, чем призывы интеллигенции к борьбе за свободу. Например, в 60—70-е гг. XIX в. неудовлетворенность реформами у части радикально настроенной интеллигенции породила три основных идейных течения: *бунтарское*, провозглашавшее, что крестьяне готовы к революции, уничтожению государства — источника эксплуатации (М. А. Бакунин); *пропагандистское*, считавшее, что нести рево-

люционные и социалистические идеи должна интеллигенция, а не народ (П. Л. Лавров); *заговорщическое*, выступавшее за создание революционной организации, которая подготовит и осуществит захват власти без участия народа (П. Н. Ткачев). Напрасно интеллигенция надеялась, что ей удастся слиться с народом, что их идеалы совпадают. Ее «хождение в народ» провалилось, народ ее не понял. А когда народовольцы убили Александра II, полагая, что именно в этом состоит исполнение «народной воли», крестьянство однозначно осудило и отвернулось от них.

Во время первой русской революции в 1905—1907 гг. произошел раскол в рядах интеллигенции, в основе которого было разное отношение к формам и методам борьбы за справедливое переустройство общества в интересах народа. Одна часть интеллигенции придерживалась либеральных взглядов, видя выход в постепенном реформировании общества, другая склонялась к революционному переустройству страны, не отвергая таких крайних форм борьбы, как насилие. В поисках опоры, способной поддержать политику социальных преобразований, радикальная интеллигенция обращалась первоначально к крестьянству (народничество), затем к люмпен-пролетариату, накапливавшемуся в России в процессе модернизации, и наконец, к зарождавшемуся рабочему классу. Весь русский народ втянулся в борьбу против самодержавия, кульминационным пунктом которой стала революция 1905—1907 гг. Массовые народные выступления, революция не могли не сказаться на умонастроениях представителей культуры — русской интеллигенции. Последовавший после поражения революции период политической реакции ознаменовал отход большей части русской интеллигенции от революционных идей и от народа.

Во время буржуазно-демократической революции, в связи со свержением монархии в 1917 г., произошел духовный подъем, сплотивший общество. Большинство интеллигенции с воодушевлением встретило начало революции, которая, по ее мнению, должна смести все прогнившее и омертвевшее в жизни, в искусстве и открыть путь созидательной работе. Вдохновленная идеей служения народу, интеллигенция готова была трудиться для его просвещения и блага, считая, что должна сделать все от нее зависящее, чтобы спасти достоинство народа и помочь войти во владе-

ние тем, что ему принадлежало по праву. Была избрана комиссия по делам искусств во главе с М. Горьким. Пробуждение масс к активной творческой жизни отразилось в широком движении художественной самодеятельности: на фабриках и заводах открывались театральные студии, изостудии, литературные кружки, музыкальные студии. В сентябре 1917 г. был создан центр, координировавший творческие организации пролетариата, — Пролеткульт. Однако революционные иллюзии большей части интеллигенции развеялись в течение 1917 г. Нарастало разочарование во Временном правительстве, не оправдавшем надежд, возлагавшихся на него интеллигенцией.

Дальнейшее развитие революции, приведшее к власти большевиков, вызывало еще более негативное отношение части интеллигенции. Октябрьская революция в Петрограде и последовавший разгон Учредительного собрания были восприняты ею как узурпация власти. И вновь интеллигенция в очередной раз раскололась. В противовес ей свою активность проявил народ, чего интеллигенция не ожидала. Она считала себя единственной силой, способной дать народу свободу и счастье в жизни, за что народ должен был быть ей благодарен.

Послереволюционное время (20-е гг. XX в.), когда, казалось бы, произошло смягчение режима в связи с окончанием Гражданской войны и переходом к нэпу, было связано с репрессиями против интеллигенции, введением идеологической цензуры, закрытием небольшевистских печатных органов, «чисткой» в преподавательской и студенческой среде. В этих условиях народ не выступил в защиту интеллигенции, но активно пользовался ее достижениями.

В советский период происходила поддержка социальных низов, что способствовало привлечению части интеллигенции, вдохновленной идеей служения народу, к участию в системе образования, медицины, культуры и т. д. Власть, нуждавшаяся в интеллектуальных силах и стремившаяся расширить свою социальную опору в непролетарских массах, была готова на определенные компромиссы по отношению к старой, дореволюционной интеллигенции. И она была призвана к участию в просвещении и обучении народных масс, к подготовке рабоче-крестьянской интеллигенции, что создало союз всех слоев советского государства, который затем во всем блеске проявил себя во время Великой Отечественной войны.

В годы перестройки интеллигенция также отличалась своей неоднородностью. Широкие слои научной и художественной интеллигенции поддержали перестроечные процессы и сформировали идейно-политический авангард. Другая часть интеллигенции встала в оппозицию проводимому курсу. Идейные разногласия и политическое размежевание интеллигенции раскололи некогда единые творческие союзы. Нестабильность политической и экономической ситуации привела к новой волне эмиграции из страны, в том числе уезжали и представители интеллигенции, что вызывало неприязнь со стороны простого народа, хотя это и не выказывалось в открытую, но проявлялось на бытовом уровне.

Касаясь современной России, можно со всей ответственностью утверждать, что сегодня народ и интеллигенция (исключая олигархов и высокое чиновничество) находятся чаще всего в одних условиях. В периоды общественных коллизий она подвергается нападкам, и в то же время значительно усиливается ее влияние. В переломное время с наибольшей силой проявляются характерные и необходимые для интеллигенции черты: общественная тревога и озабоченность судьбами Отечества, стремление к нравственному сопереживанию делам народным. Сегодня, на рубеже тысячелетий, все четче проявляется объективная закономерность — повышение социальной значимости интеллигенции, необходимость ее ведущей роли как активного субъекта духовного производства. С этим связана духовная свобода современного цивилизованного общества, в котором представители интеллигенции призваны создавать не только для себя, но и для всего народа необходимую духовную и интеллектуальную атмосферу, всемерно способствовать развитию самосознания личности.

Итак, исторический опыт показывает, что у народа России всегда был духовный наставник, к нему тянулись, ему верили. Интеллигенция просвещала, вдохновляла, вселяла веру, надежду, любовь, говорила о таких нравственных чертах, как честность, добросовестность, правдолюбие, любовь к Родине. Она выстраивала идеи социального благосостояния, единения, спасения державы, определяла цель, которую нужно достичь. Российский писатель, поэт, летописец, художник всегда помнил, что он обречен на общественную исповедь: как исповедь перед народом и для народа он расценивал свое творение — всё сделанное и содеян-

ное. Вместе с тем, этот исторический опыт подсказывает, что интеллигенции необходимо быть осторожной в надеждах на народ, быть мудрее, честнее перед ним, не подделываться под него. В этом залог честных, гармоничных отношений между интеллигенцией и народом, которые отвечают интересам прогрессивного развития российского общества, интересам дальнейшей интеграции отечественной культуры в культуру мировую.

2. Позиция других участников конференции несколько отлична от представленных взглядов. Они говорили о том, что если рассматривать интеллигенцию с научной точки зрения, то можно сказать, что интеллигенция — это сложное, многогранное и противоречивое явление российского народа и его культуры.

Дискуссия о сущности этой социальной группы идет с момента ее возникновения. Слово «интеллигенция», которое впервые приобрело современное значение именно в русском языке, своим происхождением обязано латинскому существительному *intelligentia* — понимание, разумение, способность разъяснить идеи и предметы, различные явления.

Интеллигент — это человек, обладающий специальными знаниями, образованием и, самое главное, развитым духовным и нравственным потенциалом, культурой, которые он готов передать народу.

Общественно-политическая жизнь XX в. была наполнена острой борьбой и нарастанием социальной напряженности. Социальные и культурные противоречия, которые накапливались в России, раскалывали общество на «верхи» и «низы», имущих и неимущих. Раскол происходил и в рядах интеллигенции. В основе этого раскола — отношение к формам и методам борьбы за справедливое переустройство жизни в целом, и в том числе для народа, который, как она считала, не способен бороться и создать себе человеческие условия существования. Одна часть интеллигенции придерживалась либеральных взглядов на эту проблему, видя выход в постепенном реформировании общества, другая склонялась к революционному переустройству страны, не отвергая крайних форм борьбы, таких как насилие.

Посредническая прослойка русской культуры, воплощавшая ее либерально-прогрессивную ориентацию, оказалась слишком слабой, чтобы создать общественную систему взаимодействия и взаимопонимания между всеми слоями населения.

Весь русский народ на рубеже XIX—XX вв. втянулся в борьбу против самодержавия, кульминационным пунктом которой вначале стала революция 1905—1907 гг., а затем и революции 1917 г. Массовые народные выступления не могли не сказаться на умонастроениях представителей русской культуры, русской интеллигенции. Последовавший после поражения революции период политической реакции ознаменовал отход большей части русской интеллигенции от революционных идей. Разочарование разгромом революции привело интеллигенцию к поискам идеалов в религиозно-философской сфере.

Свержение монархии в феврале 1917 г. вызвало громадный духовный подъем, сплотивший интеллигенцию и народ. Вдохновленная идеей служения народу, интеллигенция готова была трудиться для его просвещения и блага.

В первые годы после революции интеллигенция в России, а затем в СССР делилась на две категории: старую и новую. Старая интеллигенция, сложившаяся до революции, поначалу численно преобладала и составляла основную массу квалифицированных кадров. Ее политически активная часть либо погибла в годы Гражданской войны, либо ушла вольно или вынужденно в эмиграцию. Те, кто остался на родине, в основном были политически пассивны. До революции они могли иметь разные взгляды, от умеренно левых до правых; одни из них не приняли революцию с самого начала, другие поначалу ее приветствовали.

Если коснуться противоположного интеллигенции понятия «народ», то здесь тоже есть о чем подумать.

Народ и интеллигенция — это проблема, теоретический вопрос для нас, ощущающих и осознающих себя русскими. Это страшная, испепеляющая нашу душу боль, это грех, крест и искупление России. Обсуждать такую тему всегда очень тяжело, потому что неизменно возникает чувство несоизмеримости между беспримерной трагичностью нашего исторического пути и нашей всегдашней суетной болтовней о нем, о той почве, на которой эти понятия настолько связаны между собой, насколько и противостоят друг другу.

В истории эта контрверсия проявлялась в форме извечно-го конфликта между народными массами, действующими согласно социальным инстинктам, и отдельными сильными индивиду-

альностями, чьи поступки определяются главным образом сознательно исповедуемыми философскими, религиозными и этическими принципами. Если сказать коротко, то данное противоречие есть противоречие социума и личности, человеческого абстрактно-всеобщего и конкретно-всеобщего. На Западе личность давно признана главной ценностью и целью развития, социум же и все формы общественной жизни поставлены в служебное к ней отношение. Западная цивилизация основана на убеждении, что абстрактное, не сознающее себя целое, каким является народ, не в состоянии ни выразить непосредственно свои интересы, ни взять на себя ответственность за свою судьбу.

В общем, только русская интеллигенция страдала комплексом вины перед народом в такой степени, что торопилась отдать ему долг всеми возможными способами — от сборников устного народного творчества и фольклорных ансамблей до революции.

Таким образом, можно сказать, что русский интеллигент помимо наличия интеллекта еще обладает, как уже было сказано — комплексом вины перед народом. Эта вина гнала в XIX веке «народников» в деревенское захолустье с целью просвещения темного народа и оказания ему посильной помощи. Но это не помогло тогда, хотя с течением времени в России сменилось всё: рухнул царизм, за ним развитой социализм, ему на смену пришел период первоначального накопления капитала и попытки привить российскому народу индивидуализм, систему борьбы «каждый сам за себя», но последние события свидетельствуют, что этот лозунг тоже не проходит и в России не годится, ибо остается сочувствие интеллигенции народу и стремление опять-таки его защищать перед властью.

3. Еще одна точка зрения была высказана следующим образом: народ — это основная масса общества. Очень часто его характеризует такое понятие, как безликость, означающее, что народ воспринимается как толпа, которая провозглашает интересы большинства, даже если у конкретных представителей «народа» есть собственное видение реальности. Интеллигенция рассматривается как сословие высокообразованных людей, имеющих четкие нравственные качества, и за время своего существования она всегда стремилась просвещать народ, помогать ему искать путь к улучшению его жизни.

Отношение данных групп общества в историческом ракурсе имеет сложный и неоднозначный характер.

С одной стороны, интеллигенция является движущей силой общества, а значит — и народа. Ведь новое явление, идея, прежде чем попасть в массы, должны пройти разработку, апробирование и развитие в рядах интеллигенции. Примером может служить внедрение образования в народные слои, развитие культуры.

С другой стороны, народ часто используется интеллигенцией как опора в продвижении своих идей. Для меня на сегодняшний день самым ярким примером является минувшая предвыборная гонка кандидатов в президенты, когда каждый из них, опираясь на своих избирателей, среди которых было немало простого народа, вещал о своих намерениях.

Но очень часто народ и интеллигенция становятся противоборствующими лагерями и в военное время, и в мирный период. Это происходит, когда представители интеллигенции пытаются сломать существующий миропорядок. Так, идеи Джордано Бруно о космогонии явились столь неожиданными для общества, что его приговорили к сожжению. Противоборство в обществе также может быть вызвано тем, что среди народа появляется человек, представляющий его «лицо» и претендующий на высокие позиции. Так, этим лицом народа стал в XVIII в. Емельян Пугачев, но тогда еще не было интеллигенции как сословия, и он стал для образованной части населения скорее «пугалом», чем идейным вдохновителем против самодержавия, которое при Екатерине II было очень сильным.

Исторически взаимоотношения интеллигенции и народа складывались всегда неоднозначно. Одной из самых ярких картин противоборства двух представленных классов является в России Гражданская война 1918—1920 гг. «Красные» и «белые» здесь выступали соответственно как «народ» и «интеллигенция». Не секрет, что среди белогвардейцев было большое количество опытных талантливых офицеров (Деникин, Колчак, Алексеев), подавляющее большинство младших офицеров и юнкеров, которых можно назвать военной интеллигенцией, хотя и среди большевиков тоже было много представителей интеллигенции. Но каждая сторона отстаивала свои идеалы, свою Россию, свой народ, а народ шел и за теми, и за другими, выбирая для себя то,

чего ждал от жизни в будущем — более человеческого, более светлого. И большинство народа поддержало новую революционную власть, обещавшую это светлое будущее.

Можно привести много примеров о поддержке или разногласии интеллигенции и народа в разные кризисные периоды, но это не радикальное расхождение, потому что в условиях, когда беда грозит Родине, все общество становится единым и тогда нет различий ни по сословному, ни по классовому признаку. И это главное в нашей стране.

Подводя итоги обсуждения, будущие бакалавры отметили, что сегодняшняя задача интеллигенции — вступать в диалог с фанатиками идеи и стремиться превратить войну идей в диалог идей. Некоторые из них привели пример — в Италии в свое время с этими мыслями с некоторым успехом выступал философ и социолог Норберто Боббио. Он понимал проблему ценностей как борьбу идеи свободы с идеей справедливости и, вступая в диалог с партиями социалистической и либеральной ориентации, но не становясь членом ни той, ни другой партии, стремился добиться более корректных методов диалога.

У нас в России подобные высказывания были в программе Александра Гордона «Гражданин Гордон» (Гражданин Гордон. 12.02.12. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=oj1ey1AOoLE>), которую ребята смотрели с огромным интересом. В этой программе два противоборствующих лагеря пытались прийти к общему решению по актуальной общественно-политической проблеме. Ведущий Александр Гордон выступал в роли некоего члена гражданского общества, не примыкающего ни к одной из групп и пытавшегося также найти решение проблемы взаимоотношений в обществе разных социальных слоев в наше непростое время.

Рассматривая представленные бакалаврами три взгляда на заданную тему, хочется отметить, что есть среди ребят думающие люди, интересующиеся историей не вообще и в целом, но и отдельными и важными проблемами прошлого и современности.

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

ББК 63.3(2)533-283.2

Г. Н. Кочешков, Е. Л. Сараева

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АППАРАТ КОНЦЕПЦИИ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ: МЕТОДИКА ИВАНОВА-РАЗУМНИКА

Историческое познание, будучи коммуникативным по своей природе, необходимо требует разработки методики конструирования понятий, чтобы обеспечить взаимопонимание исследователями развиваемых ими идей. Особую значимость приобретает эта задача в областях исторического знания, требующих идентификации сложных социокультурных процессов, восприятие которых зависит от идейно-аксиологических позиций ученых. К такой сфере познания можно отнести историю русской интеллигенции. Столетняя дискуссия об этом историко-культурном феномене в значительной степени связана с понятием интеллигенции. Существование различных определений интеллигенции актуализирует задачу выработки технологии формирования понятий. Одна из таких методик построения понятий создана Р. В. Ивановым-Разумником (1878—1946) — русским историком, социологом, литературоведом.

© Кочешков Г. Н., Сараева Е. Л., 2012

Кочешков Геннадий Николаевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Ярославского государственного университета им. К. Д. Ушинского. els5656@yandex.ru

Сараева Елена Леонидовна — доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Ярославского государственного университета им. К. Д. Ушинского. els5656@yandex.ru

Вслед за своим учителем Лаппо-Данилевским Иванов-Разумник считал важнейшей научной задачей разработку системы исторических понятий. Его главный труд «История русской общественной мысли» (первое издание осуществлено в 1906 г.) открывается введением, определяющим его цель, раскрывающим методику создания понятийного аппарата, сущностные черты используемых терминов — основных элементов авторского дискурса. Вводную часть работы Иванова-Разумника можно назвать «ключом» к его исследованию. Во введении основное внимание уделено конструированию понятий интеллигенции и мещанства. Выделяя их сущностные черты, историк определил комплекс терминов и идей, образующих в своей взаимосвязи его дискурс.

Иванов-Разумник создал схему «правильного построения» понятия. Структура понятия в его текстах включает обозначение *основных признаков* явления. Он не предлагал априори воспринимать указываемые признаки объекта, а считал нужным объяснить на теоретическом уровне и исторических примерах их сущностные свойства. Необходимо выделять маркеры исторического явления, его «знамена», передающие его «сущность», «дух», считал Иванов-Разумник¹. Он признавал возможным выделение отрицательного признака, не характерного для изучаемого явления. Однако определение, построенное на отрицательном признаке, не является достаточным. Необходимо «выяснить положительные, неотъемлемые черты внутреннего содержания этого понятия»². Иванов-Разумник, соглашаясь с мнением П. Л. Лаврова, считал, что слова могли иметь в разные исторические эпохи свое специфическое содержание, поэтому необходимо их дешифровать, раскрывать смысл, вкладываемый в термины современниками: «Ищите за словом его содержание. Изучайте условия данного времени и данной общественной формы»³. Важно изучить историю термина, выявить изменения его содержания, необходима кристаллизация его основных признаков. Следует знать все значения понятий, бытовавших в то или иное историческое время и в разных текстах. Кроме того, нужно учитывать, что в разговорной речи и общественном сознании термин мог иметь другое содержание, нежели в научном сочинении.

Одним из возможных приемов построения понятия, считал Иванов-Разумник, может быть **номиналистический метод**⁴: введе-

ние словесных обозначений, относящихся ко множеству сходных единичных вещей или мыслительных образований. Выявление знаковых черт культуры, ее составляющих, противоречивых явлений требует, по мысли Иванова-Разумника, использования *определенного принципа классификации*⁵. Формально-логический подход важен для понимания структуры изучаемого явления или процесса⁶.

Понятийный компонент дискурса Иванова-Разумника составили такие *основные* термины, как «*интеллигенция*», «*мещанство*», «*духовное мещанство*», «*индивидуализм*», «*ультраиндивидуализм*», «*антииндивидуализм*», «*социологический индивидуализм*», «*этический индивидуализм*», «*личность*», «*социализм*», «*индивидуалистический социализм*», «*общественность*», «*личность*», «*индивидуальность*».

Иванов-Разумник считал возможным формализовать понятие «интеллигенция», если определить качества этого историко-социального феномена. Он выбрал два ракурса характеристики интеллигенции — **этический и социологический**: «*Интеллигенция есть этически — антимещанская, социологически — всеобщая, внеклассовая, преемственная группа, характеризующаяся творчеством новых форм и идеалов и активным проведением их в жизнь в направлении к физическому и умственному, общественному и индивидуальному освобождению личности*»⁷. В данную конструкцию входят как признаки-маркеры интеллигенции, так и границы социального пространства, ее порождающего. Применяя номиналистический метод построения понятия, Иванов-Разумник конкретизировал термин «интеллигенция» как словесное обозначение суммы лиц, стоящих на известном уровне развития индивидуальности. Индивидуальность — сущностная черта интеллигента — является «паролем, ключевым словом». «...Хотя интеллигенция и есть социальная группа, но она в то же время есть группа абстрактная: само построение понятия этой группы является типично номиналистическим». Полагаем, что понятие интеллигенции в текстах Иванова-Разумника — рефлекслирующее суждение, мыслительный конструкт, вычленяющий типичные черты реального исторического явления. По Иванову-Разумнику, интеллигенция — не конкретная историческая группа, имевшая известный социальный состав, уставы, программы, действовавшая в определенном месте и времени, выработавшая свои формы коммуника-

ции, а теоретическое обозначение людей, объединенных жизненными ориентирами, идеей освобождения личности. Современное интеллигентоведение признает возможность формализовать интеллигенцию как «социальное целое», «общность»⁸.

Социологический ракурс позволял Иванову-Разумнику определить социальное пространство, рождавшее интеллигенцию. Он не связывал ее происхождение с классовыми и сословными интересами. В отличие от классов и сословий, четко фиксирующих демаркации между ними, интеллигенция, по мнению Иванова-Разумника, не имеет социальных границ. Характерными признаками *русской* интеллигенции Иванов-Разумник считал *всесословность* и *внеклассовость*, отличающими ее от религиозных и политических общественных групп (сословных или классовых)⁹. Важным в определении интеллигенции он подчеркивал **преемственность**: «...Интеллигенция есть группа преемственная, или, говоря языком математики, она есть функция непрерывная»¹⁰. Ее непрерывное развитие обеспечивается разработкой общих идей и борьбой за освобождение личности.

Иванов-Разумник искал критерии, позволявшие отличить интеллигента от образованного человека. С его точки зрения, теория «критически мыслящих личностей» П. Л. Лаврова давала ответ на вопрос о сущностных чертах интеллигенции. Лавров не использовал термин интеллигенция, однако, считал Иванов-Разумник, «критически мыслящие личности» представляли собой интеллигенцию, следовательно, размышления об этом типе личности можно транслировать на интеллигенцию. Что же, по мнению Лаврова, отличало «критически мыслящую личность» от «культурного» человека? Иванов-Разумник, излагая идеи Лаврова, привел его «формулу», позволявшую «указать на вполне определенный признак, характеризующий интеллигенцию» — это «культурный» человек, «*перерабатывающий* орудием мысли старую культуру в новую цивилизацию», которого можно назвать «критически мыслящей личностью». Следовательно, заключает Иванов-Разумник, чертами интеллигенции — критически мыслящих личностей — являются, во-первых, *творчество* (это необходимое, но недостаточное условие), во-вторых, *направление творчества*, в-третьих, *активность* в достижении цели. Обобщая эти составляющие деятельности интеллигенции, Иванов-

Разумник, воспроизводя мысль Лаврова, основным ее признаком считал «творчество новых форм и идеалов, но творчество, направленное к определенной цели и активное в достижении ее» — освобождение личности¹¹. Культурные люди, даже если они занимаются творчеством, не преследующим цели освобождения человека и не представляющим собой борьбу за его права, согласно Лаврову и Иванову-Разумнику, не могут быть отнесены к интеллигенции. Лавров не воспринимал образованных, культурных людей в качестве интеллигентов, если их деятельность была ориентирована на личностные интересы, не вела к переосмыслению культурного опыта общества: «...официальные дипломы не дают ей (русской молодежи) еще права считать себя принадлежавшей к интеллигенции, которая воплощает русскую идейную жизнь»¹². Людей, обладавших дипломами о высшем образовании, но занимавшихся предпринимательством, работавших в государственных учреждениях, Лавров и Иванов-Разумник относили к «дикарям высшей культуры», «духовным мещанам»¹³. Даже занятия литературой, наукой и искусством, по мысли Лаврова, не могут рассматриваться как творчество интеллигенции, если они не служат прогрессу — «распространению и укреплению цивилизации своего времени». Иванов-Разумник считал неоспоримой, «незыблемой» мысль о том, что невозможно «отождествлять “культурного человека” и “критически мыслящую личность”»: первое понятие шире второго, и далеко не всякий “культурный” и образованный человек является представителем интеллигенции»¹⁴.

Иванов-Разумник применил **функциональный подход** к определению интеллигенции, вычленив в качестве главного ее признака содержание и направленность деятельности, роль в жизни общества — *творчество новой культуры во имя интеллектуально-нравственного развития личности*. Родовой признак интеллигенции, по Иванову-Разумнику, — *творчество*, направленное на *освобождение личности, развитие ее индивидуальности, борьба за широту, глубину и яркость человеческого «я»*. Цель деятельности интеллигенции — *человек*. Эта социально-этическая ориентация интеллигентов, утверждал Иванов-Разумник, отличает их от мещанства. *Активная деятельность с целью освобождения человека*, по мысли П. Л. Лаврова, а вслед за ним и Иванова-Разумника, — черта критически мыслящих личностей, а значит и

интеллигенции. Введение Ивановым-Разумником в определение интеллигенции такого компонента, как формирование культуры личности на основе общечеловеческих ценностей, свидетельствует о значимости для него и аксиологического, этического подхода к анализу этого исторического явления.

Русскую интеллигенцию отличает от мещанства «оригинальность духовной жизни», «стремление к торжеству индивидуализма», иными словами, «антимещанство». «Антимещанство» — это отрицательное определение интеллигенции, которое, по мысли Иванова-Разумника, можно использовать для «отграничения и ограничения понятия интеллигенции»¹⁵.

Включало ли в себя понятие интеллигенции, созданное Ивановым-Разумником, *идеологический компонент*? Полагаем, что определение, данное историком, имело оценочное суждение, идеологическую составляющую — это утверждение о том, что интеллигенция должна вести борьбу за освобождение личности. Несомненно, этот взгляд на интеллигенцию сужал круг людей, которые могли быть с ней идентифицированы. Большинство исследователей не выдвигали такой ограничитель, как обязательное участие в борьбе за развитие личности. Ученые не восприняли мысль Иванова-Разумника о том, что интеллигенты — это исключительно лица, деятельность которых направлена на освобождение человека.

Понятие интеллигенции, разработанное Ивановым-Разумником, выявляло специфику его системы ценностей и идей — синтез гуманистических, общечеловеческих ценностей с установкой, характерной для мыслителей левой ориентации, — участвовать в борьбе за освобождение человека. Поскольку обязательным признаком интеллигенции служит творчество, направленное на развитие личности, то круг интеллигентов Ивановым-Разумником ограничивался преимущественно деятелями мысли, обеспечивавшими процесс цивилизации общества — поиск истины, утверждение справедливости, развитие личности. Значимость разработки Ивановым-Разумником понятия интеллигенции заключалась, во-первых, в утверждении, что использование термина без четкого выяснения его содержания не соответствует требованию научности исследования; во-вторых, в доказательстве неприемлемости широкого (все культурное общество) и узкого («интеллигенщина» — участники революционных кружков) тол-

кования этого концепта; в-третьих, в поиске сущностных черт интеллигенции как особой группы, которая не может быть вписана в сословную и классовую структуру общества. Достоинство *социологического подхода* к исследованию интеллигенции, предложенного Ивановым-Разумником, представляется в выявлении пути ее формирования в российском обществе, расколотом на слабо взаимодействующие сословия и классы, а также в определении связи (или отсутствия таковой) интеллигентов с интересами своего социального слоя. Другие ученые признавали верной мысль Иванова-Разумника о внесословном и внеклассовом характере интеллигенции, ее разрыве с политическими и социальными интересами среды, ее порождавшей. Достоинство *этического модуса* характеристики интеллигенции Ивановым-Разумником — в определении ее базисных духовных ценностей. Считаем, что раскол общества, вызванный ориентацией разных кругов на принципиально отличающиеся друг от друга системы ценностей, обусловил становление нового типа личности, ценящей свободу, достоинство, индивидуальность человека. Формирование интеллигенции можно рассматривать как процесс и результат рождения новой культуры личности. Полагаем, что концепция интеллигенции, созданная Ивановым-Разумником, отразила культурный раскол общества, определенный им как противоречия между интеллигенцией и мещанством.

Однако поставленная задача дать предельно ясную характеристику интеллигенции, осмысления ее сущностных черт привела к созданию схемы, в которую не укладывались многие реальные исторические явления, связанные с деятельностью интеллигенции, что вызвало критику другими мыслителями подходов Иванова-Разумника к определению интеллигенции. Авторская субъективность проявилась в выдвигании таких признаков интеллигенции, как творчество, направленное на освобождение личности, борьба с мещанством. Характеристика Ивановым-Разумником интеллигенции как социальной группы, творчество которой содействует решению задачи развития личности, не вполне удовлетворила исследователей, поэтому в русской мысли продолжилась дискуссия об интеллигенции. Высокий уровень формализации интеллигенции как социальной группы, предложенный Ивановым-Разумником, с одной стороны, позволяет ис-

пользовать это понятие в рамках другого дискурса, что свидетельствует о плодотворности дедуктивного анализа этого исторического явления, а с другой, задает относительно строгие границы его изучения, отсекая промежуточные факты.

Анализ деятельности интеллигенции, полагал Иванов-Разумник, обязывает дать характеристику ее антиподу — мещанству. Он пояснил, что слово «мещанство» имеет *два основных значения* — «*объект*», представляющий социально-экономическую группировку, и «*атрибут*» — черта ее духовного мира. Определяя мещанство в сравнении с интеллигенцией, Иванов-Разумник рассматривал их как «два взаимно отграничивающих и ограничивающих друг друга понятия». Более того, утверждал он, «интеллигенция и мещанство — это две силы, действующие в диаметрально противоположных направлениях, две непримиримо враждебные силы: мещанство — это та среда, в неустанной борьбе с которой происходил процесс развития русской интеллигенции»¹⁶. Применяя метод «от противного», он утверждал, что если мещанство — противоположность интеллигенции, то, следовательно, оно «должно характеризоваться отсутствием творчества, отсутствием активности; новые идеалы, новые формы, активное проведение их — всё, что не свойственно мещанству. Старые трафаретные формы — вот что дорого мещанству, вот что является его знаменем»¹⁷. По Иванову-Разумнику, интеллигенция в каждом новом поколении создает новую цивилизацию, а мещанство держится за старые формы.

Теоретический ракурс анализа обуславливал создание мыслительных конструкций интеллигенции и мещанства с четко определенными признаками. Однако в реальной действительности, признавал Иванов-Разумник, существовали переходные типы личности, имевшие черты интеллигентности и мещанства.

Концепт «*индивидуализм*» имеет ключевое значение для понимания мировоззренческого комплекса Иванова-Разумника. Историк считал, что необходимо дать свое определение понятия «индивидуализм», так как оно употребляется «в самых разнообразных и в самых противоречивых смыслах»¹⁸. Место этого концепта в его дискурсе обусловлено представлением историка о содержании прогресса в истории. В центр истории он ставил *личность*. Прогресс в истории он мыслил как «самоосвобождение личности», «проведение в жизнь новых форм и идеалов»¹⁹. *Лич-*

ность, по Иванову-Разумнику, — это «яркий индивидуализм». Задачу развития личности в России способна решить только интеллигенция. Центральной ее идеей является развитие *индивидуальности личности*²⁰. Понятие «индивидуализм» Иванов-Разумник определял как примат личности: «*Индивидуализм есть примат личности — вот самое широкое, общее определение...*»²¹

Аксиологическую основу концепции Иванова-Разумника составляла гуманистическая система ценностей, а ее матрицу — личность. Он исходил из мысли, что потребности и стремления личности выше интересов отдельной социальной группы, общества, политической власти. Ученый усвоил идею немецкого философа *Канта* о том, что целью человека является он сам и никогда ни для кого не может быть средством. *Признание личности «первой и главной ценностью»* есть, с точки зрения Иванова-Разумника, проявление, черта, *основное содержание индивидуализма*. Ценность личности должна стать *критерием* оценки социального поведения, исторических фактов и явлений: «...индивидуализм есть признание, что благо реальной человеческой личности должно служить критерием наших поступков, нашего мировоззрения»²².

На основе критерия свободы и блага личности Иванов-Разумник создал свою классификацию мировоззрений, концепций, разделенных им на две группы — *индивидуалистические* и *антииндивидуалистические*: «Каждое мировоззрение неизбежно является или индивидуализмом, или антииндивидуализмом, в зависимости от того, господствует в нем человеческая личность над другими его элементами, или человеческая личность является подчиненной какому-нибудь иному элементу мировоззрения. Или — или: *tertium non datur*»^{23,24}. Все мыслители, утверждал Иванов-Разумник, определяли свое отношение к личности, обществу, государству. «Взаимоотношение личности и общества — центральная проблема всякого мировоззрения, теодия его; то или иное решение этой проблемы будет служить нам ариадниной нитью при изучении истории русской интеллигенции, истории русского сознания»²⁵, — так обозначал основную социологическую проблему Иванов-Разумник. С его точки зрения, в русской мысли есть три подхода к решению этой проблемы. Мыслители либо подчиняли личность социальной и политической системе, либо

отстаивали ее право на свободное самовыражение и заявляли о примате личности над обществом, либо обосновывали необходимость признания самостоятельной ценности личности и значимости уважения интересов общества.

Теоретическое решение Ивановым-Разумником проблемы взаимоотношений личности и общества заключалось в утверждении, что ничто не должно подчиняться личности, личность — не идол, требующий поклонения, важно уважать, признавать права и интересы и других «элементов» общественного и политического организма: «Однако было бы ошибкой полагать, что индивидуалистическое мировоззрение характеризуется подавлением всех других элементов элементом личности: индивидуализм есть *примат* личности, в ее органическом сочетании со всеми прочими элементами мировоззрения, но никак не деспотическое подчинение всего другого человеческой личности как какому-то самодержавному идолу; индивидуализм — не идолопоклонство»²⁶.

Идеологии, доказывающие право личности подчинить себе общество и государство, настаивающие не на согласовании интересов человека, социума и администрации, а подвластности всех индивиду, Иванов-Разумник определил так: «Когда мы будем встречаться с таким идолопоклонствующим индивидуализмом, то будем обозначать его термином *ультраиндивидуализм*...»²⁷ Характеризуя «*ультраиндивидуализм*», он выделил такую его черту, как признание только блага личности, во имя которой существуют социум и государство. Благо личности — критерий оценки всех социально-политических явлений: «...мировоззрение, считающее существенным только благо личности, мировоззрение антиобщественное, признающее личность не только первым, но и самодовлеющим элементом, — это мировоззрение может служить ярким примером *ультраиндивидуализма*...»²⁸

Концепт «*антииндивидуализм*» Иванов-Разумник ввел для определения идеологий, ориентирующих человека на требования государства или общества, даже если это служение обязывает отказаться от своих взглядов и потребностей: «...когда мы будем встречаться с подчинением и порабощением человеческой личности кому бы то и чему бы то ни было, то будем говорить об *антииндивидуализме* подобного воззрения»²⁹. Главный критерий оценки исторических явлений, согласно этой идеологии, — *благо*

общества: «Мировоззрение, признающее, что благо общества есть главный критерий нашей деятельности, что человеческая личность есть только “палец от ноги” общественного организма и не заслуживает никакого внимания, мировоззрение это является типично *анти-индивидуализмом*...»³⁰

Иванов-Разумник не разделял ни идеи «ультраиндивидуализма», ни догматы «антииндивидуализма». По его убеждению, ни один элемент сложного социально-политического организма не может довлеть над иными его компонентами, отрицая самостоятельное значение «другого». «Ультраиндивидуализм» и «антииндивидуализм», по его мнению, являются теориями, утверждающими значимость только одного начала (или—или), отрицая толерантность, компромисс, баланс интересов. Эти теории предполагают строительство отношений в системе на основе принципов «подчинения», с одной стороны, и «повиновения» — с другой.

Иванов-Разумник пояснял, что *истинный «индивидуализм»*, признавая *высшей ценностью личность*, предполагает *взаимодействие человека и общества*, в ходе которого идет развитие и личности, и социума: «...истинным *индивидуализмом* будет то мировоззрение, которое, ставя личность превыше всего — “выше общества, выше человечества”, как это делал Белинский к концу жизни, — в то же самое время принимает и признает, что общество есть не ограничение, а, напротив, восполнение человеческой личности, что принятие принципа примата личности не противоречит отрицанию самодовлеющего значения личности...»³¹

Понятие «*социализм*» было для Иванова-Разумника одним из базовых в его теории развития общества. По его мнению, социализм должен быть основан на идее индивидуализма: «...обычное противопоставление индивидуализма и социализма не имеет, согласно нашей терминологии, ни малейшего смысла, если только не понимать под социализмом примат общества; однако общепринятое понимание социализма совершенно иное, и мы будем его держаться: социализм как мировоззрение, отнюдь не противоположен индивидуализму и “индивидуалистический социализм” не есть contradiction in adjecto³² — социализм есть только социально-экономическая форма, этическое содержание которой может составлять индивидуализм»³³. Разделяя идеи «*индивидуалистического социализма*», Иванов-Разумник не воспринимал

версию социализма, согласно которой общество определяет цели движения, идеалы, стандарты, обязательные для каждого его представителя, когда человек является лишь звеном в социальной системе, диктующей ему образцы поведения и ментальные установки. Социалистическая теория, провозглашающая «примат общества», была чужда Иванову-Разумнику. Он критически оценивал большевизм, навязавший России идею диктатуры как режима подавления инакомыслия и утверждения своей социально-политической системы, не приемлющей свободу личности и ее права выбора жизненных ориентиров. Большевистская версия социализма, не признававшего ценности индивидуализма, была глубоко чужда Иванову-Разумнику.

Термин «*общественность*» в концепции Иванова-Разумника означал «принцип примата общества»³⁴.

Понятие «*личность*» Иванов-Разумник употреблял не в метафизическом, а в эмпирическом значении: «...мы всюду говорили о “реальной личности”, подчеркивая тем, что в дальнейшем будем понимать личность исключительно эмпирически»³⁵. В рефлексии Иванова-Разумника, личность — широко развитая индивидуальность, способная к творческой деятельности. Определяя личность через индивидуальность, Иванов-Разумник выделил ее признаки. В его понимании яркая личность проявляется в «*индивидуальности*», имеющей «сумму *всех* типично общечеловеческих черт при неизбежной яркости и характерности *некоторых* из этих черт»³⁶. Индивидуальность — одна из базовых дефиниций, позволяющих осмыслить бинарную оппозицию «интеллигенция — мещанство». Характеристика дефиниций стала одним из методов конструирования изучаемых явлений.

Иванов-Разумник воспринимал некоторые идеи А. И. Герцена, П. Л. Лаврова, Н. К. Михайловского. Ключевые в культурных кодах этих предшественников понятия личности, индивидуальности, мещанства были критически осмыслены Ивановым-Разумником и использованы в тексте в авторской интерпретации. Так, он высказал свою точку зрения на индивидуальность, не согласившись с Михайловским. Иванов-Разумник воспроизвел два представления на индивидуальность, существовавшие в общественном сознании второй половины XIX — начала XX в.: «Индивидуальность можно понимать, во-первых, как сумму всех типич-

но общечеловеческих черт — в этом случае индивидуальность захватывает собой всю *широту* человеческой личности; во-вторых, индивидуальность можно понимать как особую характерность некоторых черт личности — в этом случае индивидуальность определяется яркостью и *глубиной* человеческой личности»³⁷. Иванов-Разумник считал ошибочным мнение Михайловского об индивидуальности исключительно как «совокупности всех черт, свойственных человеческому организму вообще». По Михайловскому, человек должен стремиться к идеалу личности, соединяющей все способности: «Все способности, какие только имеет человек, как известная ступень органического развития, должны быть соединены в каждом из нас, в каждом представителе вида... Чем более будем мы приближаться к этому идеалу, тем более будет исчезать разнообразие наших личных положений»³⁸. Иванов-Разумник воспринимал утверждение Михайловского о несовместимости яркого проявления личностных качеств человека с совокупностью общечеловеческих его свойств как «главную, центральную ошибку» в его «стройном и гармоническом мировоззрении». Он настаивал на праве человека быть яркой индивидуальностью. Его понятие индивидуализма — «примат индивидуальности»³⁹.

Выделяя различные компоненты в понятии индивидуализма, Иванов-Разумник использовал термины «социологический индивидуализм» и «этический индивидуализм». «**Социологический индивидуализм**» он определял как примат личности над обществом⁴⁰. Формулу «**этического индивидуализма**», по мнению Иванова-Разумника, дал Кант «в знаменитых словах: человек есть цель в себе самом (an sich) и ни в коем случае, никому и никогда не может служить только средством. “Человек — самоцель” — такова эта сокращенная формула, которой мы будем пользоваться ниже; человек ни для кого и ни для чего не может быть средством, и только средством — таково это общее значение принимаемого нами принципа примата личности; в этом заключается содержание этического индивидуализма, в этом решение индивидуализма как этической проблемы»⁴¹.

Для характеристики эстетической позиции некоторых деятелей искусства Иванов-Разумник ввел в свой дискурс термин «**эстетический индивидуализм**» в значении одного из проявлений

индивидуализма в сфере искусства, обозначающего «примат личности художника» в контексте теории искусства для искусства⁴².

Таким образом, исторические исследования Иванова-Разумника имеют продуманную технологию осуществления научного дискурса. Разработка понятийного аппарата, ставшего кодом его концепции, — несомненное достоинство исследования Иванова-Разумника. Выделение «центральных понятий» и пограничных терминов, анализ их смыслового наполнения послужили «ариадниной нитью», позволявшей интерпретировать представления русских мыслителей по проблеме «личность, общество, государство». Созданная система терминов, основанная на ясно определенных критериях, ценностях и смыслах, дала возможность выявить содержание идей интеллектуалов и тонкие грани различий в их рефлексиях, добиться ясности своих подходов и оценок. И. Е. Задорожнюк и Э. Г. Лаврик, признавая значимость созданного Ивановым-Разумником терминологического комплекса, в то же время отмечали, что «в трактовках своих основополагающих понятий он не избежал метафоричности и чрезмерной идеологизации истории»⁴³. Считаем справедливым это замечание, имея в виду концепты «интеллигенция» (идеологизация выразилась в требовании к интеллигентам бороться за освобождение личности) и «мещанство».

Оценка понятийного аппарата Иванова-Разумника отчасти зависит от возможности включения его идей и терминов в другие концепции и исследования, посвященные осмыслению аналогичных или схожих исторических явлений. Продуманность технологии разработки терминов, анализ общих и различных черт явлений, обозначаемых этими понятиями, — сильные стороны исследовательского труда Иванова-Разумника, имеющего свой дискурс, проясненный автором для читателя. Очевидно, опыт историка по созданию понятийного аппарата отличается научностью, сохраняет актуальность для исторического познания. Многие компоненты дискурса Иванова-Разумника, несомненно, должны войти в исследовательский аппарат современных историков.

Примечания

¹ *Иванов-Разумник Р. В.* История русской общественной мысли : в 3 т. М., 1997.

- ² Там же. Т. 1. С. 23.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же. С. 7.
- ⁵ Там же. С. 5.
- ⁶ Там же. С. 5—6.
- ⁷ Там же. С. 25.
- ⁸ *Филипповская Т. В.* Перспективный тупик или новое качество интеллигенции? // *Интеллигенция и мир.* 2010. № 4. С. 7.
- ⁹ *Иванов-Разумник Р. В.* Указ. соч. С. 19.
- ¹⁰ Там же. С. 18.
- ¹¹ Там же. С. 24.
- ¹² Цит. по: *Иванов-Разумник Р. В.* Указ. соч. Т. 1. С. 22.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же. С. 23.
- ¹⁶ Там же. С. 31.
- ¹⁷ Там же. С. 30.
- ¹⁸ Там же. С. 32.
- ¹⁹ Там же. С. 31.
- ²⁰ Там же. С. 32.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же.
- ²³ Третьего не дано.
- ²⁴ *Иванов-Разумник Р. В.* Указ. соч. Т. 1. С. 32.
- ²⁵ Там же. С. 34.
- ²⁶ Там же. С. 32.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же. С. 33.
- ²⁹ Там же. С. 32—33.
- ³⁰ Там же. С. 33.
- ³¹ Там же.
- ³² Противоречие в определении.
- ³³ *Иванов-Разумник Р. В.* Указ. соч. Т. 1. С. 33.
- ³⁴ Там же. С. 34.
- ³⁵ Там же. С. 35.
- ³⁶ Там же. С. 37.
- ³⁷ Там же. С. 36.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же. С. 37.
- ⁴⁰ Там же. С. 34. Идеи социологического индивидуализма разрабатывали П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский, С. Н. Южаков, С. Н. Кривенко,

отчасти Н. И. Кареев. Единицей социологического анализа они считали не класс или группу, а личность. Согласно Иванову-Разумнику, примат личности включает момент и противоположения общественности (*Задорожнюк И. Е., Лаврик Э. Г. Примечания // Иванов-Разумник Р. В. Указ. соч. Т. 1. С. 399*).

⁴¹ *Иванов-Разумник Р. В. Указ. соч. Т. 1. С. 34.*

⁴² Там же.

⁴³ *Задорожнюк И. Е., Лаврик Э. Г. «Да будет воля моя...» // Иванов-Разумник Р. В. Указ. соч. Т. 3. С. 13.*

ББК 63.3(4Фра)61

Д. А. Смирнов

ФРАНЦУЗСКИЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ РАЗМЫШЛЕНИЙ ВАЛЬТЕРА БЕНЬЯМИНА 1920-х — НАЧАЛА 1930-х ГОДОВ

Глубокий интерес к Франции, результаты интенсивных исследований ее истории и анализа актуальных событий в политической, общественной и культурной жизни этой страны оказали значительное влияние на формирование и перемены в идейном мире немецкого мыслителя Вальтера Беньямина. «Французский» след можно обнаружить в его размышлениях на разные темы наряду с собственно «немецким», а также, условно говоря, «советским», оставленным не только поездкой в столицу «нового мира», но и вообще увлечением коммунистическими идеями, которые развивались в Европе во многом под влиянием процессов, разворачивавшихся в Советской России.

© Смирнов Д. А., 2012

Смирнов Дмитрий Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИИ интеллигентоведения, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Ивановского государственного университета. d-smirnov@mail.ru

Интересно, что именно фактическое обращение Бенямина к французским интеллектуалам в стремлении объяснить свое повышенное внимание к интеллигенции Советской России в предисловии к переводу отрывков из очерка «Москва», планировавшихся к публикации в газете «Humanité» в июне 1927 г., но так и не увидевших свет, позволяет понять, как тесно были переплетены в это время траектории интеллектуального развития крупнейших европейских стран. Можно сказать, что в этом тексте он рассматривал свое внимание к советской интеллигенции как характерное для широкого социального пространства, охватывавшего не только его друзей и коллег в Германии, но скорее целое поколение интеллектуалов Европы.

На рубеже 1910—20-х гг. именно они пытались осмыслить развернувшиеся на континенте процессы и найти возможности активного участия в них, а затем на рубеже 1920—30-х гг. вынуждены были констатировать свое поражение: «Я принадлежу к поколению, которому сегодня между тридцатью и сорока. Интеллигенция этого поколения, пожалуй, надолго стала последней, которая получила совершенно неполитическое воспитание. Война встретила их выдвинувшиеся слишком далеко влево элементы в лагере более или менее радикального пацифизма. История Германии послевоенного времени в некоторой степени является одновременно историей приобретения революционного образования этим первоначально левым флюгелем интеллигенции... Все более и более в Германии ощущается — что в этом процессе особенно важно — сомнительность свободного писателя как такового и мало-помалу ясно понимается, что писатель (как вообще интеллектуал в широком смысле) осознанно или нет, хочет он или нет, работает по поручению класса и сохраняет свой мандат класса. То, что экономический базис существования интеллектуала становится все уже, в последнее время ускорило это прояснение... Среди этих обстоятельств сочувствие немецкой интеллигенции к России является не только абстрактной симпатией, ее ведет реальный интерес. Она хочет понять: Как выглядит интеллигенция в стране, в которой пролетариат дает ей поручение? Как пролетариат конструирует условия ее жизни, и как они проявляются в окружающем мире? Что она должна ждать от пролетарского правительства?»¹ В этой связи можно предположить, что взгляд Бе-

ньямина на французский интеллектуальный контекст определялся поиском такого же «левого флюгеля интеллигенции, приобретенного революционным образованием» во Франции.

Промежуточный итог этих изысканий был подведен Бенямином в эссе «Сюрреализм», представленном как «последний моментальный снимок европейской интеллигенции», но во многом обращенном именно к французскому интеллектуальному контексту. Если учитывать время его написания (опубликован в 1929 г.), то это действительно был докризисный «последний снимок», хотя работа над ним продолжалась на протяжении нескольких лет.

Мысли, высказанные Бенямином в предисловии к предполагавшейся публикации в «Humanité», были созвучны его интересу к сюрреализму, поскольку в июне 1927 г. в письме Гуго фон Гофмансталу, где он писал о намерении опубликовать отрывки из «Москвы», Бенямин с удивлением признавал: «В то время как я с моими заботами и интересами чувствую себя совершенно изолированно в Германии среди людей моего поколения, во Франции есть отдельные явления — писатели Жирардо и, особенно, Арагон — как движение сюрреализма, в которых я вижу то, чем я и занимаюсь»².

Не менее значимо уже тогда Бенямин оценивал собственный интерес к сюрреализму и для своих конкретных работ. В письме Гершому Шолему он назвал эссе «экраном» для работы над исследованием парижских пассажей³. Впоследствии и сам Шолем подчеркивал это значение для формирования взглядов друга: «То, что в духовной дисциплине он пытался раскрыть и укротить, приобрело для него значение именно в противоположных формах беспредельного увлечения взрывами бессознательного и вдохновило его собственное воображение. Его безмерность вызывала у него более глубокую привязанность, чем осмысленные проделки литературного экспрессионизма, в котором он распознал моменты бесчестности и блефа. Сюрреализм был для него как бы первым мостиком к позитивной оценке психоанализа, но он не питал иллюзий относительно слабостей в методе обеих школ... Здесь произошло нечто похожее на его встречу с тем, что он назвал крайним коммунизмом. Бенямин не был легко впадающим в экстаз, но экстазы революционной утопии и сюрреалистического погружения в бессознательное

были для него как бы ключом к открытию своего собственного мира, для которого он искал совершенно иные, строгие и дисциплинированные формы выражения»⁴.

Об осознании Бенямином положения сюрреализма в интеллектуальном пространстве Франции и всего континента свидетельствуют архивные материалы мыслителя. В заметках к своей работе он указывал: «Сегодня сюрреализм представляет авангард европейской интеллигенции, не по своему успеху, но по своему положению. Когда левую европейскую интеллигенцию рассматривали как корпорацию, то ее предельно уязвимое положение между анархистской фрондой и революционной дисциплиной, кризис европейской идеи свободы нигде не находили более сильное выражение, чем в сюрреализме»⁵.

При этом в самом эссе Бенямин уже гораздо увереннее констатировал, что это течение «все ближе подходит к коммунистическому разрешению» вопроса о предпосылках революции: «А это означает: пессимизм по всей линии. Окончательно и бесповоротно. Недоверие к судьбе литературы, недоверие к судьбе свободы, недоверие к судьбе европейского человечества, но, прежде всего, недоверие, недоверие и еще раз недоверие по отношению к любому взаимопониманию: между классами, между народами, между индивидами»⁶.

Такой взгляд на предпосылки революции означает, по мнению Бенямина, «не что иное, как удаление из политики моральной метафоры и обнаружение в пространстве политического действия стопроцентно образного пространства». Но «недоверчивый» взгляд сюрреалистов противоречит господствующим тенденциям развития французского интеллектуального контекста, поскольку «это образное пространство больше нельзя измерять созерцательно»: «Если двойная задача революционной интеллигенции состоит в том, чтобы свергнуть интеллектуальное господство буржуазии и добиться контакта с пролетарскими массами, то от второй части этой задачи она почти полностью отказалась, потому что разрешить ее созерцательно более невозможно. И все же это почти никому не мешает вновь и вновь ставить ее чисто умозрительно и при этом взывать к пролетарским поэтам, мыслителям и художникам... В действительности речь идет скорее не о том, чтобы художника буржуазного происхождения сделать ма-

стером “пролетарского искусства”, а о том, чтобы возложить на него функцию на важных участках этого образного пространства, пусть даже ценой потери его художественного воздействия»⁷.

Написанное накануне кризиса эссе «Сюрреализм» анализировало развитие социально-политических процессов в Европе в условиях, когда возможен выбор и существующая альтернативность позволяет рассуждать о многообразии возможных функций в рамках пространства политического действия. Поэтому Бенямин ограничился лишь констатацией факта отсутствия в европейском интеллектуальном пространстве идей, вокруг которых могли группироваться силы, способные выявить негативные тенденции в этих процессах. Только сюрреалисты, как обоснованно констатировал Бенямин и как показало время, предлагали своевременные предкризисному моменту идеи, открывали «мир всесторонней и интегральной актуальности»: «Лишь когда в мирском озарении плотское и образное пространство проникнут друг в друга так глубоко, что всякое революционное напряжение станет телесной коллективной иннервацией, а все телесные иннервации коллектива станут революционной разрядкой, — действительность превзойдет саму себя настолько, насколько этого требует “Коммунистический манифест”. На сегодняшний день сюрреалисты — единственные, кто постиг веление момента. Один за другим они обменивают игру своей мимики на циферблат будильника, звонящего шестьдесят секунд в минуту»⁸.

Свою оценку состоянию французского интеллектуального контекста после начала социально-экономического и политического кризиса в Европе мыслитель предложил в статье «О современном общественном положении французского писателя», опубликованной в 1934 г. в «Журнале социальных исследований». Он констатировал продолжение кризиса французской интеллигенции на протяжении двух десятилетий (с начала Первой мировой войны). Пессимистичную картину интеллектуального ландшафта Бенямин увидел уже в книгах Мориса Барреса, называемого им «романтическим нигилистом», «влияние которого на интеллигенцию предвоенных лет было решающим»: «Это одинаковый нигилизм основополагающего образа мыслей, одинаковый идеализм жестов и одинаковый конформизм, образующий результат из нигилизма и идеализма»⁹. Показательно в этом плане и название романа Барре-

са «Les Déracinés» («Лишенные корней»), по мнению Беньямина, «достигшего наиболее глубокого воздействия»¹⁰.

Конформизм, которому подвержены французские интеллектуалы, возник из страха, и буржуазия стремилась, по мысли Беньямина, использовать этот страх в своих целях, представляя свои интересы как общечеловеческие ценности и предлагая интеллигенции встать на их защиту. Ситуация отягощалась тем, что отбор среди интеллектуалов производили правящие круги, стоявшие на стороне буржуазии. Прежде интеллигенция боролась за буржуазные ценности, теперь она должна защищать свое право бороться за них и представлять¹¹. Интеллектуальный ландшафт формировался во взаимосвязи с «ландшафтом общественного устройства империализма, в котором позиция интеллектуалов становилась все сложнее»¹². Однако та часть французской интеллигенции, которая не согласна с этим, стремилась к решению кризиса, «пытаясь достичь иллюзорной цели, встать над классами». По мысли Беньямина, это была «свобода люмпен-пролетариата»: «Интеллектуал допускает мимикрию пролетарской экзистенции, ничуть не соединяясь для этого с рабочим классом»¹³.

Богатый фактический материал для доказательства этой гипотезы мыслителю дают суждения французских писателей по поводу актуальных политических событий и места интеллигенции в них. Так, полемизируя с Жюльеном Бенда в связи с его памфлетом «Trahison des clercs» («Предательство гуманитариев»), Беньямин критически высказался об исходной мысли этой работы, которую он увидел в тезисе, что «с тех пор, как существуют интеллектуалы, у них было всемирно-историческое дело, всеобщие и абстрактные человеческие ценности: поучать свободе и праву и человечности». Политизацию произведений, актуальные высказывания и действия эта миссия исключала, хотя «горькая необходимость действительного, максимы реальной политики раньше также представлялись “clercs”, но с пафосом моральных предписаний какой-нибудь Макиавелли ни разу не хотел их представить»¹⁴.

Такая позиция, по мнению Беньямина, совершенно необоснованна и продиктована «двойной моралью: силы для государств и народов, христианского гуманизма для интеллигенции». В стремлении найти почву для этой позиции Бенда, констатировал мыслитель, проявил непонимание, поскольку не объяснил истин-

ной, экономической, причины упадка свободной интеллигенции. В свою очередь это привело к тому, что «он, кажется, не видит большую пагубность сдерживания интеллигенции политическими предрассудками классов и народов в стремлении вырваться из политических абстракций и снова приблизить действительность, добравшись до истины»¹⁵. Это и погружает ее в утопический идеализм: «Нетрудно открыть в этой крайне утопичной Европе переделанную и словно выше человеческого роста монастырскую келью, в которой уединяются “гуманитарии”, чтобы ткать над текстом наставления, не беспокоясь о мысли, что он, если вообще, то будет оглашен только перед пустыми партами... “Гуманитарий”, которого Бенда так заклинающе призывает встретить кризис, достаточно быстро раскрывается в своей настоящей природе, по которой он оказывается не чем иным, как вызванным заклинаниями проявлением одного затворника, средневекового клирика в его келье»¹⁶. Такое повторение старого убеждало Беньямина не только в несостоятельности позиции гуманитариев, интеллектуалов, указывавших на себя как на абсолютных авторитетов, но и в том, что они не извлекают уроки из событий прошлого, когда они оказывались отнюдь не в выигрыше.

В начале 1930-х гг. идея обособленности положения интеллигенции от политических дискуссий в качестве носителя «общечеловеческих ценностей» представлялась Беньямину особенно опасной на фоне радикализации идеологической борьбы: «Для массы пишущих все же считается правилом: чем посредственней автор, тем больше его желание как “сочинителя” романов уклоняться от своей настоящей ответственности как писателя»¹⁷. Сам Беньямин мог наблюдать пагубность радикализации и на примере Германии, и на примере Советской России. А неспособность европейской интеллигенции воспрепятствовать утверждению в этих странах режимов, подавлявших свободы, а впоследствии открыто уничтожавших несогласных, утвердила Беньямина в его оценках: об интеллигенции в лучшем случае в этих странах могли просто забыть.

Впрочем, французский интеллектуальный контекст позволял сохранять оптимизм. Здесь Беньямин обнаружил не утраченный потенциал для эффективного участия в политическом действии. В своей неопубликованной работе «Автор как производитель», также относящейся к 1934 г., Беньямин согласился с мне-

нием Арагона, к тому времени уже отошедшего от сюрреализма, но заявлявшего, что «революционный интеллеktуал скоро появится, и прежде всего, как предатель своего первоначального класса». Однако Бенъямин призвал острее взглянуть на проблему поиска интеллеktуалом своего места в революционных процессах «как производителя», то есть «увидевшего пути самоорганизации работников духовной и умственной сферы в процессах производства». В свою очередь, самовосприятие интеллигенции как особой группы «людей духовного и умственного труда» в революционных процессах было для мыслителя ошибочным, поскольку «революционная борьба разыгрывается не между капитализмом и духом, но между капитализмом и пролетариатом»¹⁸.

Если анализируя социально-политические процессы в Германии, Вальтер Бенъямин особенно критиковал создававшую настроение «меланхолии» и правого, и левого уклона необязательность политических партий и движений, отказ учитывать последствия своего влияния на социальные группы, интересы которых они предполагали защищать, а интеллеktуальный контекст Советской России поразил Бенъямина бескомпромиссностью большевистской идеологии при явных контрреволюционных тенденциях в общественной жизни, то во французском интеллеktуальном контексте его критику вызывал конформизм, проявлявший себя в форме стремления защищать «высшие ценности», причем часто сочетавшийся и вовсе с аполитичностью и отсутствием активности по отношению к происходящему в обществе. Бенъямин увидел во Франции желание интеллеktуалов обособиться от развернувшихся в Европе процессов, вооружившись лозунгами о своей особой миссии. На этом фоне лишь сюрреализм представлялся ему «миром всесторонней и интегральной актуальности».

Примечания

¹ Подготовленный Бенъямином текст предисловия приводится среди архивных материалов в примечаниях издателей к его «Собранию сочинений»: *Anmerkungen der Herausgeber // Benjamin W. Gesammelte Schriften : in 7 Bänden. Frankfurt a. Main, 1972—1989. Bd. 6. S. 781—782.* Далее в сносках используется принятая в работах о Бенъямине сокра-

- ценная форма ссылок на работы, включенные в «Собрание сочинений» (Gesammelte Schriften — GS), с указанием тома и страницы.
- ² *Benjamin W.* Brief an Hugo von Hofmannstahl, Pardigon, 5.6.1927 // *Benjamin W.* Gesammelte Briefe: in 6 Bänden. Frankfurt a. Main, 1995—2000. Bd. 3. S. 259.
- ³ *Benjamin W.* Brief an Gerschom Scholem, Berlin, 15.3.1929 // *Ibid.* S. 453.
- ⁴ Zit. nach: Anmerkungen der Herausgeber // GS. Bd. 2. S. 1019—1020.
- ⁵ Anmerkungen der Herausgeber // *Ibid.* S. 1035.
- ⁶ *Benjamin W.* Der Sürrealismus. Die letzte Momentaufnahme der europäischen Intelligenz // *Ibid.* S. 308.
- ⁷ *Ibid.* 308—309.
- ⁸ *Ibid.* S. 309, 310.
- ⁹ *Benjamin W.* Zum gegenwärtigen gesellschaftlichen Standort des französischen Schriftstellers // GS. Bd. 2. S. 778.
- ¹⁰ *Ibid.* S. 779.
- ¹¹ *Ibid.* S. 788.
- ¹² *Ibid.* S. 777.
- ¹³ *Ibid.* S. 789.
- ¹⁴ *Ibid.* S. 782.
- ¹⁵ *Ibid.* S. 782—783.
- ¹⁶ *Ibid.* S. 784.
- ¹⁷ *Ibid.* S. 791.
- ¹⁸ *Benjamin W.* Der Autor als Produzent // GS. Bd. 2. S. 701.

ББК 83.3(4)Вел

О. В. Тимашева, К. Г. Шишкин

ГРЭМ ГРИН И ИВЛИН ВО¹
(Штрихи к портрету писателей в молодости)

© Тимашева О. В., Шишкин К. Г., 2012

Тимашева Оксана Владимировна — доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии Московского городского педагогического университета, Института иностранных языков. Timacheva@list.ru

Шишкин Константин Георгиевич — главный библиограф Государственной публичной научно-технической библиотеки, аспирант кафедры английской филологии Московского городского педагогического университета, Института иностранных языков. Timacheva@list.ru.

Сегодня, когда в России стала широко известна литература Серебряного века, никто не удивляется тесным связям русских писателей и поэтов этого периода. В меньшей степени нам известны связи английских писателей прошлого столетия, однако удивительные пересечения судеб были и у тех, кого мы знаем, казалось бы, как одиноко стоящие фигуры. Речь в статье пойдет о юности и молодых годах двух выдающихся мастеров прозы Англии — Грэма Грина (1904—1991) и Ивлины Во (1903—1966). Оба они — большие и сложные художники, и тот, и другой нашли свою манеру выражения и контактов с читателем. Грэм Грин — создатель противоречивого художественного мира, трагического, психологически заостренного, облеченного в форму философской, детективной прозы. Ивлин Во — интеллигент с диккенсовским чувством юмора, не выносящий глупости и вульгарности, значительный сатирик XX века.

В начале тридцатых годов прошлого столетия, обучаясь в Оксфорде, оба автора не прошли мимо так называемых Оксфордских поэтов — группы, в которую входили Д. Льюис, С. Спендер, Л. Макснис, современники говорили о них как о трио под руководством У. Х. Одена. Этим поэтам не нравилась «поэзия молчания, изгнания, мастерства» Дж. Джойса, их интересовала политика, они предпочитали массового читателя, которому нужны факты, репортажная достоверность и вместо стиха политическое послание в форме притчи. Для того времени это было ново и необычно, их стихи привлекли разных читателей. Но все изменилось после войны в Испании, в которой Оден и Спендер приняли участие. Впереди была Вторая мировая война, она еще точнее расставила точки над *i*. Грязная действительность лишь на мгновение может найти высокое энтузиастическое выражение в поэзии.

Не так ли было в те же времена в России, когда возникла группа поэтов РАППа, на чьи пролетарские кадры призывали опираться вновь входящих в литературу советских писателей? У большевиков всегда существовал прием заставить выбрать между «за» и «против», «сейчас» или «никогда». Недаром потом появилось и окрепло выражение «Великое никогда», предпочитаемое низменному «сейчас». Компания консолидации поэтов России и иже с ними политиков вынуждала многих принять примат цели над содержанием. В Англии дело обстояло иначе. Никто никого

ни к чему не понуждал. К Оксфордским поэтам прислушивались, но потом их сторонились.

В те же годы и несколько раньше, в основном в двадцатые годы, в моде у студенческой молодежи были также и поэты-георгианцы. Свое название они, по мнению некоторых, взяли у Вергилия, автора «Георгик» (песен о труде на земле). Вергилий обладал умением поэтически образно воплощать технические предписания о работе на поле и в саду. По мнению других, георгианцы имели в виду короля Георга V, только что взошедшего на престол. В группу входило около сорока поэтов, первым из которых был Уолтер де Ла Мар. Он отчасти следовал традициям романтической «школы лэйкистов». Георгианцы создали культ Луны над водой, ночного божества. Когда они пишут, их пейзажи «тонут в серебристом сиянии луны». Напомним, что во Франции символистами на темы Луны тоже было написано немало стихотворений, еще в XIX веке, например, Полем Верленом: *Лунный свет, Зловредная луна, Все луна плыла, плыла, Луна мерцает*. Его Лунный свет по-своему «сдублировал» и Клод Дебюсси. Пейзаж лирический и печальный, присутствие женщины, легкие всплески воды, отсветы, отблески луны чувятся-слышатся в музыкальной поэме о лунном свете музыканта-импрессиониста. Уолтер де Ла Мар написал о Луне знаменитое стихотворение «Серебро»: «Серебряные туфельки луны / Скользят во мраке сонной тишины, / И серебристые плоды висят, / И серебром покрыт фруктовый сад, / И сделанные словно из слюды / Окошки ловят лунные следы; / Солома отливает серебром, / И дремлет пес с серебряным хвостом». Но Уолтер де Ла Мар также автор многих стихотворных сочинений для детей, он же писал и об «Алисе в стране чудес», причем писал с той степенью достоверности, которой доверяет лучшая переводчица Л. Кэррола — Н. М. Демурова. Поэт понимает и чувствует чудесное: «Только бессмыслицы хорошо ложатся на музыку» (Л. Кэррол). Однако стихотворение «Серебро», написанное в символистском духе, в целом не так бессмысленно, как музыкально.

В молодые годы Грэма Грина Уолтер де Ла Мар был любимым его поэтом. Судьба свела их, и Грин был очень рад знакомству с этим литератором, которого встретил в Лондоне в доме у своего лечащего врача, весьма своеобразного психиатра или, скорее, психоаналитика (новая специальность в те времена)

К. Ричмонда, тесно связанного с литературными кругами. Грин с гордостью говорит об этом поэте как о своем друге, вернувшись в школу, где он учился, в Беркамстеде.

В 1925 году он выпускает свой первый сборник стихотворений «Журчащий апрель» (*Babbling April*), который сегодня стал редкостью. Приведем из нее в качестве примера один катрен из стихотворения «Атмосфера», пронизанного юношеским романтизмом. Не случайно, что в тексте упоминается сборник детских стихов «Павлиний пирог» (*Peacock Pie*, 1913) У. де Ла Мара — кумира начинающего поэта: «...И вот еще тот зимний вечер, / Подслеповатое мерцание огней, / Картежный милый разговор и ожиданье встречи, / «Три карты пик» и «две червей». / Я здесь, и нет меня. / Сижу, в «Пирог павлиний» погрузившись...»² Позднее Грин-прозаик совсем зачеркнет в себе Грина-стихотворца, но поэтическое начало живет во всех его произведениях — романах, эссе и даже детективах разных лет. В зрелые годы он чрезвычайно малым тиражом все же опубликовал два поэтических сборника, укрепив свою славу парадоксального человека, как его часто именуют западные литераторы и журналисты. Когда в 1925 году первые стихи увидели свет, юный Грин напишет де Ла Мару письмо: «Дорогой мистер де Ла Мар, надеюсь, с моей стороны, будет не слишком самонадеянно послать вам мою первую книгу. Вы, наверное, забыли, кто я такой. Но я смею напомнить вам о себе упоминанием о нашем *земляничном чаепитии* в Беркамстеде»³.

Земляничное чаепитие специально подчеркнуто, видимо, потому что у Уолтера де Ла Мара есть немало стихотворных строк, написанных о вкусном: «Дженни ест с аппетитом / Салат с мармеладом, / Грудинку с бисквитом, / Бифштекс с шоколадом, / Пирожное, груши, / Конфеты, компот, / Лишь только подай, / Уплывают к ней в рот». О беседах за чаем с поэтом писали и другие авторы, например, у известного врача и друга де Ла Мара есть книга «Чаепитие с Уолтером де Ла Маром» (1957). Чаепитие здесь обозначено как ритуал и одновременно как лейтмотив книги. С фразы «я и моя семья были на чаепитии у де Ла Мара» начинается несколько эпизодов в книге.

Детство и юность Г. Грина приходятся на 10—20-е гг. XX века. Он учился в старинной Беркамстедской школе, в графстве Харфордшир на юго-востоке Англии, директором которой был его

отец Чарльз Грин. Отличная библиотека школы, а также семейства Гринов немало способствовали увлечению подростка чтением в детские и юношеские годы. Спасаясь от школьной рутины и избегая общения с третирующими его одноклассниками, Грин любил уединяться с романом в руках. Временами, прогуливая школу, он представлял себя одним из персонажей шотландского писателя Джона Бьюкена, биографа, историка и дипломата (1875—1940), который скрывался от преследующих его «противников» в живописной вересковой пустоши.

Самый известный роман Д. Бьюкена — «Тридцать девять ступеней» (1915) стал популярным не только благодаря тексту, но также и трем его экранизациям. Главный герой этого произведения некто Ричард Ханна напоминает разведчика-шпиона Джеймса Бонда Яна Флеминга (1908—1964) из серии его романов об этом герое. Ричард Хана, приехав из Канады в Англию, сразу же попадает в сложную ситуацию: его обвиняют в убийстве человека, с которым он только что познакомился. Ханна и не догадывается, что убитый был секретным агентом. Начало и завязка этого романа напоминают множество подобных историй самых различных авторов. Однако Бьюкен был первым, кто написал всемирно знаменитую шпионскую историю. Переплетение фактов и вымысла о британской разведке происходит со дня ее рождения. Британцы были охвачены ажиотажем шпиономании. Врагом в романе Бьюкена тоже был коварный немец.

Многие в Англии считали, что враги, то есть «немцы», повсюду. Они скрывались под личиной официантов и парикмахеров, воровали секреты и готовились к войне. Некоторые из них меняли свои имена на более англизированные. Так, по воспоминаниям И. Во, один мальчик по имени Кайзер вдруг стал Кингсли, а учитель-голландец казался шпионом. Закрытая школа Хит Маунт, в которой учился И. Во, не была исполнена той злобы к носителям немецкого языка, которая царила в метрополии повсеместно. Но это было исключение. Британская общественность требовала от правительства действий, и в итоге появилось секретное Бюро, затем превратившееся в отдел разведки МИ-5, а еще позднее в МИ-6.

Грэм Грин с юных лет «нырнул в чтение», которое специально питало и тонизировало его. В круг его любимых авторов

входили в первую очередь современники — знаменитые английские писатели-неоромантики: Р. Л. Стивенсон, Дж. Конрад, Р. Хаггард, Р. Киплинг, А. Конан-Дойль, любящие сюжеты с запутанной интригой. Они впервые используют психоанализ, продвигают вперед жанр исторического романа, завораживают авантюрой. Банальность современной жизни, однообразие делячества заставляют авторов отправлять своих героев в путешествия истинные и мнимые. Так, например, Р. Киплинг (1865—1936) путешествует по-настоящему, Р. Л. Стивенсон (1850—1894) чаще в мечтах. Один живописует хорошо знакомую Индию и солдатский быт, другой мастерски воображает поездку на Остров сокровищ за кладом пирата Флинта. И тот, и другой рассказывают об авантюристах, к которым они относятся по-разному. Впоследствии, размышляя о литературе, Грэм Грин ставит имя Стивенсона в ряд наиболее влиятельных своих учителей. Такой жест кажется, на первый взгляд, неожиданным и даже произвольным. Грин — новейший психолог, предпочитающий для наблюдений теневую сторону душевного мира, а Стивенсон — создатель такой «легкой» книги, как «Остров сокровищ».

Однако узлы многих проблем на английской почве оказываются связанными именно с этим писателем, говорившим: «Великое дело быть в движении, непосредственно ощутить потребности и тяготы жизни, спуститься с перины цивилизации и ощутить земную твердь». Стоит добавить, что мать Грина, Мэрион, была двоюродной сестрой классика приключенческой литературы, то есть Р. Л. Стивенсона. В «Воспоминаниях о самом себе» (1880) последний сказал, что его в первую очередь волнует проблема современного героя. Нет людей совершенно дурных, полагал он, — у каждого есть свои достоинства и недостатки. Абориген «Страны кровати» Стивенсон был «вечным странником» по душевной потребности и по жестокой необходимости. Противодействие духовной инерции, потребность самостоятельности, бунт против нравственного шаблона и бытовой условности послужили толчком для исканий Стивенсона. Это импонировало современникам и, конечно, самому Грину, пришедшему к мысли о необходимости отстаивать принцип мужественного оптимизма.

Писатель столкнулся с серьезными историческими потрясениями XX века и встретил их как человек одухотворенный, да-

же романтически настроенный, но он видел все холодным взглядом реалиста своей эпохи. В школьные годы Г. Грин совершил несколько неудачных попыток самоубийства. Юному писателю пришлось испытать необычные чувства, более характерные для мира взрослых. Его, как сына директора школы, считали наушником, тайным блюстителем школьного распорядка. Первые друзья обманывали его, и он всю жизнь не мог понять и постичь смысл этого предательства в юные годы. Ему хотелось на глазах у всех умереть. Как это часто бывает в молодости, воля к самоубийству у него была следствием мнительного и беспричинно угрюмого безволия, а беззастенчивость — результатом дикой застенчивости. Он играл в «русскую рулетку», тайком беря револьвер, принадлежавший старшему брату. В этой игре участник имел пять шансов против одного фатального промаха. Примером, подтолкнувшим Грина к такому безумному поступку, стали «блуждавшие со скукой» русские офицеры, с которыми он был знаком по газетам и художественной литературе.

Не исключено, что какое-то влияние на него оказал и Р. Л. Стивенсон, написавший два цикла рассказов, опубликованных в 1878 году, — «Клуб самоубийц» и «Алмаз раджи», объединенных общим замыслом и одним героем — принцем Флоризелем, таинственным героем Богемии. «Клуб самоубийц» — ироническое название эстетических кружков и групп, предшествующих декадентским содружествам «конца века». «Клуб самоубийц» — это собрание избранных, которое посещают молодые люди, чувствительные юноши со всеми признаками острого ума. Таким был и молодой Грин. Кстати, для юного Во револьвер был своего рода магическим и недосыгаемым предметом, которым и Грин, по воспоминаниям писателя, так никогда и не воспользовался. Сам Во тоже однажды попытался покончить жизнь самоубийством, заплыв очень далеко, но у него достало сил и желания вернуться.

В Оксфорде, где после школы учились Грин и Во, нравы богатых студентов отличались эксцентричностью. Один молодой аристократ организовал Железнодорожный клуб, главным развлечением которого были поездки по Англии в снятом специально для этой цели вагоне-ресторане, куда на время путешествия приглашались лучшие лондонские повара. Один из приятелей И. Во, четырнадцатый потомок баронского рода, был пианистом

и композитором и имел «Роллс-ройс» со встроенным в него пианино. Элегантная золотая молодежь Оксфорда веселилась и вела вызывающе паразитический образ жизни.

Однако вернемся еще к школе. В распорядок дня Беркамстедской школы Грина входила обязательная холодная ванна по утрам. То, что это неременная часть английского воспитания, русские знают на примере А. С. Пушкина, который кратким северным летом должен был сидеть по полчаса в прохладном прудике Михайловского, отмахиваясь от комаров. Поклонники В. Набокова помнят его воспоминания об унылых утренних паломничествах в ванные заведения при колледже и последующих частых простудах. Отсутствие тепла в спальне известно читателям из романов Диккенса и Марселя Пруста. Для Ивлиина Во утренняя, не всегда горячая, ванна, наоборот, была удовольствием. Некоторым юношам, современникам и друзьям Грина, о входящих в моду путешествиях на Север, тем более к полюсу, даже думать было холодно.

Но начиналась новая эпоха. В начале XX века с территории Европы одновременно отправились большие научные экспедиции для проведения международной программы научных исследований в Антарктике и Антарктиде. Южный полюс привлекал великие державы своими неизведанными возможностями. Капитан Кук трижды пересекал Южный полярный круг, но только русским мореплавателям удалось приблизиться к берегам таинственного и труднодоступного континента. Двадцатый век был поистине трагичным для многих путешественников, оставивших путевые заметки. Грин их читал и даже написал несколько строчек о книге шотландского исследователя Антарктиды Уильяма Спирса Брюса «Полярное исследование» (1911). Будущий писатель, к счастью, оказался под сильным впечатлением убежденности, целеустремленности, непреклонного мужества полярных исследователей, которые сдерживали мысли о самоубийстве и направляли силы в сторону борьбы — пока что с самими собой, а потом и с врагами его родины.

В период учебы в Оксфорде Грин четыре недели состоял членом компартии. Его политические позиции этого периода Дж. Оруэлл определил как «умеренную левизну с коммунистическим налетом». В университет Грин поступил в 1922 году. В его багаже из литературной продукции были только неопубликованные

юношеские стихи, которым он придавал все меньше значения. Но склонность к поэзии и способность размышлять помогли ему приблизиться к работе журналиста. С 10 марта 1926 года он несколько лет работал помощником редактора газеты «Таймс». Журналистика пробудила в Грине вкус к текущим событиям, к оперативности исполнения и газетному лаконизму. Однако поняв, что он сможет зарабатывать на жизнь, только сочиняя романы, он ушел из газеты, но продолжал писать разные статьи и рецензии на фильмы.

В отличие от Г. Грина, И. Во стихов не писал ни в школьные, ни в студенческие годы. Он вообще не проявлял склонностей к литературным занятиям, хотя любил проводить много времени в школьной библиотеке. «Я никогда не думал об английской литературе только как о школьном предмете, требующем анализа и хронологической систематизации, но как об источнике естественной радости», — вспоминал потом он в своей автобиографии «Недоучка» (1964), которая должна была стать первым томом автобиографической трилогии. Ивлины Во часто упрекали в снобизме, свойственном золотой молодежи. Однако его семья не принадлежала к британской знати.

Отец Ивлины — Артур Во был типичным, умеренным и респектабельным викторианским буржуа. Долгие годы он занимал пост одного из директоров издательской фирмы «Чепмен энд холл» и, кроме того, был известен как литературный критик и эссеист. Еще не успев окончить Оксфордский университет, он уже преподавал в двух частных школах и пытался сотрудничать в «Дейли экспресс» как репортер. Ивлины Во очень интересовало искусство, в особенности прерафаэлиты. Он сам был рисовальщиком и гравером. В период Гражданской войны в Испании И. Во критикует английское общество справа и иногда в прессе высказывается в поддержку Франко и Муссолини: авторитетный командующий и сильная власть вызывают его симпатии.

Как для Грина, так и для Ивлины Во в идеале новому веку противостояли старые добрые времена, их детство, вспоминая о котором, они восхищаются впервые увиденным морем или снегопадом. Быт и нравы английской частной привилегированной школы Хита Маунта и Шербона раздражали И. Во: бесконечные спортивные соревнования и военная муштра. В этих школах не столько заботились о широте и глубине образования, сколько о

крепости тела и воинственности духа тех, кому было предназначено защищать Империю: недаром выпускники закрытых школ, попадая в армию, сразу же получали офицерский чин. Оказавшись в частной школе в качестве учителя, Во обнаружил у своих коллег полное пренебрежение к образованию. В письме матери 1925 года он искренне удивляется, что у них в школе нет никакого расписания занятий, просто директор входит в учительскую и говорит: «В таком-то классе без дела сидят несколько мальчишек. Это кажется первоклассники, впрочем, может, они из четвертого класса. Хорошо бы, кто-нибудь пошел и позанимался с ними математикой, латынью или чем-нибудь еще».

Судьбы двух писателей связаны с судьбой XX века неразрывно. Родившись почти в один год, они приняли на себя многие невзгоды этого сложного столетия. Мало кто знает о том, что задолго до знакомства в Оксфорде, эти люди находились совсем рядом друг с другом, когда Ивлин иногда приезжал в Беркамстед. Странно, что никто из них не запомнил первую встречу. Как считал Во, Грин, как бы это ни показалось противоречивым, вел уединенный образ жизни, и оба юноши ни разу не побывали в гостях друг у друга. Грин свысока смотрел на Во и других студентов как на недостаточно взрослых и ведущих себя вызывающе. И конечно, он не участвовал в их пирушках. Дневник Во, который он вел в Оксфорде, возможно, пролил бы свет на этот важный период, однако он не сохранился, или был уничтожен самим автором, о чем он пишет в 1924 году в следующем письме: «Мой дневник, относящийся к данному периоду, был уничтожен»⁴.

Ивлин с детства собирал практически все, что можно было собирать: монеты, марки, различных насекомых и дикие растения, и даже военные реликвии с фронта — все это привлекало будущего писателя. Спокойный характер И. Во и его мироощущение с детства формировались под влиянием английских ценностей. Желание жить за городом Ивлин перенял от своей матери. В школьные годы дома, в хорошо натопленной обеденной комнате, где шторы были задернуты, его частенько ждало «высокое чаепитие» — вечернее чаепитие с обильными закусками. Хотя в военные годы лишений и экономии доводилось пить и «патриотический чай» с пирогами, сделанными из картофеля. Не только Оруэлл в своем эссе «Чашка отменного чая» (1946), но также и

Во, чуть позже, посчитал нужным поделиться своим опытом по выбору и завариванию чая: «Мы регулярно брали четверть фунтовые чайные упаковки в магазинчике на Пикадилли и смаковали их с особым почтением, дискутируя о их вкусовых достоинствах. После мы стали так обсуждать вина. Мы тщательно подходили к процессу заваривания чая, и нагрев чайник на пару, мы сначала клали туда заварку и лишь спустя некоторое время заливали ее кипятком, избегая добавления молока и сахара».

Во так объясняет то, что у него не сохранились дружеские отношения со школьными одноклассниками: «Никто из них не писал умоляющих писем — наиболее распространенной формы общения между старыми школьными товарищами». Хотя именно благодаря переписке контакт между Во и Грином был длительным и плодотворным. Из биографии этих английских писателей нам известно, что их объединяет многое: принятие католичества в сознательном возрасте, ранняя первая женитьба обоих, а также тяга к путешествиям. Способов общения для первой трети XX века, несмотря на технические достижения, было не так уж много, и письма, написанные на гербовой бумаге колледжа, которые развозили университетские курьеры на велосипедах, по-прежнему оставались важнейшим из них. Даже в 1923 году телефонный звонок казался И. Во эксцентричной формой общения.

Парадокс, но «Железный пират» (1890) М. Пембертона, английского писателя и редактора журнала для мальчиков «Chums», не занимал внимания юного Во. Истории о морских приключениях и пиратах больше волновали Грина. В результате им был написан роман «Человек внутри» (1929), приключенческая и психологическая составляющие которого органично дополняют друг друга, вызывая в памяти тесные ассоциации с неоромантиками. С самого начала творческой деятельности Ивлина Во преследовало острое чувство конца эпохи, слома не только традиционного веками существовавшего образа жизни, но и крушения эстетических и моральных ценностей. После публикации романа «Мерзкая плоть» (1930), живописующего «дни и ночи» британской золотой молодежи, И. Во стал модным писателем, завсегдатаем светских салонов, чему способствовало его язвительное остроумие, умение комически изображать окружающих. Не всегда безобидные шутки Во затем пересказывались и

обсуждались в аристократических британских клубах. Самым близким другом Во на протяжении многих лет был единственный сын Уинстона Черчилля — Рэндольф.

Бурное начало нового столетия и богатые традиции английской культуры не могли не повлиять на будущих писателей и друзей — Г. Грина и И. Во, творчество которых неразрывно связано с их детскими воспоминаниями, но, повзрослев, они все чаще обращались к своему прошлому, словно пытаясь понять произошедшие с ними и с их страной перемены.

Примечания

¹ Грэм Грин — английский писатель XX в. Родился в семье директора привилегированной школы, был четвертым из шестерых детей. По окончании университета работал журналистом, в том числе в «Таймс». В 1926 г. принял католичество в противовес господствующей в Великобритании англиканской церкви. Тема религии в современном мире — одна из ведущих в его творчестве. С 1941 по 1944 г. служил в британской разведке. Самый известный роман «Тихий американец» появился в 1955 г. В 1960—70-х гг. Грин в качестве репортера побывал во многих горячих точках, что также отразилось в его творчестве («Комедианты», 1966; «Человеческий фактор», 1978) Неоднократно посещал Россию, где у него было много друзей — писателей, издателей, журналистов. Последние годы Г. Грин провел в Швейцарии (Вевер), там и умер. В России его книги публиковались в журналах, отдельными изданиями, отдельным томом в серии «Мастера прозы», издано собрание сочинений в шести томах.

Ивлин Во — английский писатель XX в. Родился в семье известного издателя, редактора и эссеиста. Его родной брат Алек был также писателем. После окончания университета работал журналистом и получил профессию краснодеревщика (хобби). Во время Второй мировой войны служил в морской пехоте, имел звание капитана, со спецзаданием побывал в Югославии в 1944 г. Известен своими сатирическими романами «Упадок и разрушение» (1928), «Мерзкая плоть» (1930), «Пригоршня праха» (1934), «Незабвенная» (1947). Тема религии в современном мире, тоже существенная для Ивлины Во, затронута в романе «Возвращение в Брайсхед» (1945). Умер Ивлин Во в Лондоне. В России публиковался в журналах и отдельными изданиями, в том числе в серии «Мастера прозы», издано собрание сочинений в пяти томах.

² *Greene G. Babbling April : poems. Oxford, 1925. P. 3.*

- ³ *Greene R.* *Graham Greene : a Life in Letters* / Ed. by R. Greene. London, 2008. P. 14.
- ⁴ *Armory M.* *The Letters of Evelyn Waugh* / Ed. by M. Amory. London, 2009. P. 9.

ББК 63.3(2)521.1-283.2

С. С. Костриков

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ КЛАСС МОСКВЫ КАК ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ ФОРМИРОВАНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ XIX ВЕКА

Хорошо и всесторонне изучивший жизнь, деятельность, менталитет и нравы московского купечества, П. А. Бурьшкин выделил пять наиболее известных династий Москвы, оказавших существенное влияние на формирование предпринимательского класса. Это — Морозовы, Бахрушины, Найдёновы, Третьяковы, Щукины. По словам автора, они «из рода в род сохраняли значительное влияние, либо в промышленности, либо в торговле, постоянно участвовали в общественной — профессиональной и городской деятельности и своей жертвенностью или созданием культурно-просветительных учреждений обессмертили свое имя»¹.

В отличие от других известных купеческих фамилий Найдёновы происходили не из купцов, а из мастеровых, еще не-

© Костриков С. С., 2012

Костриков Станислав Сергеевич — аспирант кафедры истории и политологии Государственного университета управления (Москва). 8-499-371-81-63.

давно бывших крепостными крестьянами. Они были выходцами из с. Батыева Суздальского уезда, принадлежавшего шелковым купцам-фабрикантам Колосовым, на предприятии которых и работали родоначальники будущей династии московских купцов.

Наиболее известный ее представитель, Николай Александрович Найдёнов, кроме многих других заслуг, прославился тем, что одним из первых занялся историей купечества, собиранием и изданием исторических документов по этому вопросу. Среди его многочисленных трудов есть и мемуарное издание «Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном». В нем он подробно рассмотрел и историю своего рода, привел ряд исторических документов (например, писцовые и переписные книги).

Как пишет сам Найдёнов, первое упоминание о его предках относится к 1710 г., где в ревизской сказке значится «*выборный Василий Михайлов сын Найдён*». Поскольку других людей среди крестьян с таким именем не было, Н. А. Найдёнов называет его «первым из своего рода»². А должность *выборного* (т. е. избранного представителя от крестьянского общества для помощи старосте, защиты и согласования интересов крестьянского мира) означала, что предок Найдёнова был человеком уважаемым и социально активным, раз крестьяне с. Батыева избрали его своим представителем.

Само село принадлежало еще в XVII в. вотчинникам стольникам Матюшкиным. В 1762 г. капитан П. И. Матюшкин продал его вместе с крестьянами московскому первой гильдии купцу П. В. Колосову. Ему же Матюшкин продал и землю за Земляным городом в Москве на берегу р. Яузы, «на коей мы живем», подчеркивает Н. А. Найдёнов³.

Приобретя принадлежавшую П. И. Матюшкину часть села, Колосов «устроил там шелковую фабрику, обративши крестьян в фабричных мастеров, а землю, находившуюся на берегу Яузы в Москве, употребил для помещения на ней заведения для крашения шелка»⁴.

Туда же были переселены Найдёновы в 1764 или 1765 г. Из повествования вытекает, что одни из них были приписаны к мещанскому сословию, а другие — к купеческому. Когда они вышли из крепостной кабалы и каким образом — не вполне понятно. Н. А. Найдёнов пишет, что на основании положения комитета министров от 29 февраля 1816 г., его дед Егор Иванович увольняется

из мастеровых фабрики купцов Колосовых — «по желанию содержателей оной, для избрания другого рода жизни». В апреле 1816 г. он подает прошение в Московский магистрат о переводе его из мастеровых в купеческое сословие⁵. Согласно определению Московского магистрата 2-го департамента от 20 апреля того же года, он был записан «с семейством» домом Московского градского общества в московское купечество, «по 3-й гильдии по Лужников девичьих слободе»⁶. К началу XIX в. Е. И. Найдёнов уже был свободным и достаточно состоятельным, т. к. мог себе позволять разные «барские забавы», среди которых были и разведение учебных канареек (ими интересовался сам генерал-губернатор), и охота с легавыми собаками. О положении деда в тогдашнем московском обществе говорит и то, что крестными при крещении его детей были люди дворянского и купеческого происхождения.

Основным делом Найдёновых в начале XIX в. было крашение шелка и «набивка изделий из волокнистых веществ», для чего были устроены соответствующие помещения и приспособления. С 1826 г. семейным делом стало крашение хлопчатобумажной пряжи, вытеснившей шелк. Как пишет Н. А. Найдёнов в своих мемуарах, «дело крашения бумажной пряжи шло в то время весьма хорошо, конкуренции не было; отдававшими в крашение пряжу были все главные ткацкие фабриканты, как братья Крестовниковы (по имеющимся записям счета с Крестовниковыми за крашение бумажной пряжи составляли в конце 1820-х годов около 35 000 руб. в год, что по тому времени представлялось суммой весьма значительной), Алексей Алекс. Мазурин, Гаврила Никит. Урусов, братья Солдатенковы и разные другие»⁷.

Отношения с этими купцами носили не только деловой, но и дружеский характер. Поскольку дело передавалось от отца к сыну, от брата к брату и т. п., то и связи между купеческими семьями носили многолетний характер, все друг друга знали, часто роднились между собой.

В 1830 г. к крашению пряжи прибавилась набивка (т. е. нанесение рисунка на полотно) бумажных тканей и кашемировых платков. Потом добавились крашение и обработка плиса и полубархата, а также крашение без обработки популярных тогда тканей — нанки, демикотона, кашемира и миткаля. В разное время деятельность менялась. От набивки отказались, зато стали сами про-

изводить платки и шали. Постепенно вводили в производство механизмы. В целом до середины XIX в. Найдёновы были достаточно успешными предпринимателями, хотя и не очень богатыми.

В 1821 г. после смерти родителя дело унаследовали сыновья Е. И. Найдёнова. В архиве имеются документы о том, что «московский купеческий сын Александр Егоров Найденов с братом просят о допущении его к объявлению наследственного по 3-й гильдии капитала»⁸. Прошение было подано в дом Московского градского общества в связи со смертью Е. И. Найдёнова. Согласно выписке из журнала дома Московского градского общества от 30 декабря 1821 г., «А. Е. Найденов с братом были допущены с 1822 г. к объявлению купцом 3-й гильдии»⁹.

Н. А. Найдёнов пишет, что дед его был неграмотным, а вот отец много времени потратил на собственное образование. После окончания приходского училища, он «находил недостаточным полученное им таким путем образование; несмотря на скудость тогдашних средств, он для достижения своей цели старался сблизиться с средой образованной, при содействии которой и приобрел общие сведения по различным отраслям знаний...»¹⁰. Отец умел правильно и обстоятельно писать и вести деловые бумаги, изучил французский язык и «с раннего возраста получал «Московские ведомости» и «Русский вестник» (собиравшиеся им и хранившиеся в целости)». У него была библиотека русских и иностранных книг «серьезного содержания». Он ходил в театр, увлекался политикой, вел записи интересных событий¹¹.

При этом, несмотря на определенный достаток, жили купцы Найдёновы весьма скромно, избегая лишних трат. Тем не менее, на праздники детей возили в театр, на гулянья и т. п. Н. А. Найдёнов вспоминает, что видел игру многих выдающихся актеров своего времени — Мочалова, Каратыгина, Щепкина, Бантышева¹².

Отец часто брал маленького Николая на пешие прогулки по Москве и окрестностям. Ходили, например, смотреть, как закладывался фундамент для храма Христа-Спасителя. По дороге отец рассказывал о том, что было ранее в том или ином месте города, что переменялось, о том, какие исторические события связаны с разными московскими уголками. В дальнейшем, когда Н. А. Найдёнов уже был известным в деловом мире человеком и заметным общественным деятелем, он занялся созданием фотоальбома, в

котором собрал изображения всех московских храмов, соборов, монастырей, церквей и часовен. Вполне возможно, что на это его побудили прогулки с отцом по старой Москве.

А. Е. Найдёнов стремился дать детям «возможное по мере средств образование, что в то время далеко не составляло такого явления, которое теперь считается обыкновенным»¹³.

Его дети получили начальное образование дома, а среднее — в мужском и женском училищах при Петропавловской лютеранской церкви. После окончания училища Н. А. Найдёнов некоторое время занимался самообразованием, изучал английский язык. Но вскоре, в связи с необходимостью, с 1849 г. он занялся делами семейного бизнеса, однако, как и отец, никогда не останавливался в изучении нового и продолжал уделять много внимания самообразованию.

Всё это дает нам представление о том, что в московской купеческой среде помимо купцов старой закваски, известных нам по литературным произведениям, т. е. таких, которых мало что интересовало кроме прибылей и обычных купеческих развлечений, а также тех, кто видел идеал существования лишь в дворянском образе жизни, появляются люди, стремящиеся к образованию, знаниям, культуре. В этом Александр Егорович Найдёнов, отец Н. А. Найдёнова, был вовсе не одинок.

Следует отметить, что в начале XIX в. меняется отношение купечества к образованию. Если в предыдущие годы приходилось чуть ли не силой собирать купеческих сыновей для отдачи их в школы и коммерческие училища, где помимо общего образования они получали знания и навыки в торгово-промышленной сфере, то теперь купцы разных городов сами способствовали открытию новых учебных заведений в этой области и содержали их на свои средства. Так, в Москве в 1804 и 1806 гг. открылись сразу два коммерческих училища — Московское коммерческое и Практическая академия коммерческих наук¹⁴.

На наш взгляд, А. Е. Найдёнов, а потом и Н. А. Найдёнов и подобные им представители передового московского купечества являли в первой половине XIX в. тот пример, когда из торгово-промышленного сословия начинает формироваться предпринимательский класс и буржуазная интеллигенция. Они постепенно осознают свое экономическое и социокультурное значение для разви-

тия России. В них, как в настоящих предпринимателях, было стремление к новому, жажда знаний, которые не только способствовали развитию дела, но и оказывали влияние на становление их как личностей, граждан своей страны. В то же время из своих социальных глубин они несли с собой упорство в достижении цели, настойчивость и терпение, бережливость, христианскую (прежде всего — старообрядческую) духовность, уважение к своему и чужому труду, стремление работать и жертвовать на благо общества. По сути, будучи людьми творческими, они могли оценить способности и творчество других людей. Отсюда — развивавшееся меценатство в высоком понимании этого слова, благотворительность, материальное и моральное содействие развитию науки, культуры, образования и просвещению широких масс населения.

Примечания

- ¹ Бурьшкин П. А. Москва купеческая. М., 1990. С. 111.
- ² Найдёнов Н. А. Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. М., 2007. С. 22.
- ³ Там же. С. 24.
- ⁴ Там же. С. 25.
- ⁵ Центральный исторический архив Москвы (далее — ЦИАМ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 438. Л. 1.
- ⁶ Там же. Л. 1об.
- ⁷ Найдёнов Н. А. Указ. соч. С. 59—60.
- ⁸ ЦИАМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1209. Л. 1.
- ⁹ Там же. Л. 2.
- ¹⁰ Найдёнов Н. А. Указ. соч. С. 31.
- ¹¹ Там же. С. 32.
- ¹² Там же. С. 85.
- ¹³ Там же. С. 32.
- ¹⁴ См. подробнее: Костриков С. П. Становление управленческого образования в России, XVIII — начало XX в. М., 2010.

Н. Н. Васильев

**ФЕНОМЕН И СУДЬБА КИБЕРНЕТИКИ
В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА**

В наше время сложно встретить человека, который хорошо представляет себе, что такое кибернетика. А еще несколько десятилетий назад об этой «перспективной фундаментальной науке» знал практически любой образованный человек. Такая удивительная метаморфоза побуждает разобраться в ее причинах и осмыслить историческую судьбу и уроки развития этой науки.

Кибернетика как научное направление возникла в середине прошлого века в результате синтетического методологического обобщения и осмысления широкого спектра научных и технологических достижений. Основателем кибернетики является выдающийся американский математик Норберт Винер, выпустивший в 1948 году одноименную книгу¹, а через два года — еще одну².

Появление новой науки произошло на фоне очень важных особенностей мировой общественной обстановки, сложившихся в послевоенное время, таких как ощущение научно-технической революции, эйфория научно-технического прогресса, романтизация и героизация научной деятельности.

При этом кибернетика сразу же попала в фокус общественного внимания, став своего рода олицетворением научно-технического прогресса. Этому способствовали не только реальные достижения, но и заявки на революционные перспективы, сделанные основателями и приверженцами новой науки. С самого начала было настойчиво обозначено стремление широкого внедрения в общественно-значимые стороны деятельности и вхождение в сферу методологической и мировоззренческой проблематики.

© Васильев Н. Н., 2012

Васильев Николай Николаевич — заместитель директора по информационным технологиям ОАО «Саратовский полиграфкомбинат». vnn@overta.ru

В СССР и других социалистических странах судьба кибернетики на начальном этапе была осложнена категорическим неприятием со стороны научных кругов, близких к правящей элите. С ней боролись как с буржуазной лженаукой, придуманной для подрыва основ коммунистического научного мировоззрения. Такое отношение было следствием сочетания слабой философской подготовки и больших методологических амбиций последователей кибернетики, с одной стороны, и косностью, догматичностью мышления апологетов коммунистического мировоззрения, с другой.

Правда, этот темный период сравнительно быстро сменился всеобщим признанием, восторгом и триумфальным распространением по академической, университетской и отраслевой науке. Произошло это, как только правоверным философам удалось объяснить обществу, что кибернетика, несмотря на происки отдельных коварных западных ученых, вовсе не подрывает основы диалектического материализма, а даже, что до этого трудно было себе представить, где-то его обогащает и способствует творческому развитию.

Далее в нашем Отечестве кибернетика стала пользоваться всеобщим позитивным общественным вниманием, также как во всем остальном мире и даже более. Развернулась широкая популяризация кибернетики — статьи и лекции для самой широкой публики, книжки для школьников и т. д., что сыграло в итоге очень печальную роль.

Популяризация привела к сосредоточению на наиболее легко воспринимаемых для обывателей вопросах, задачах, проблемах. Большой размах имело всенародное (и даже всемирное) обсуждение вопроса «Может ли машина мыслить?» при практически полном непонимании того, что значит «мыслить», и не совсем полным понимании того, что такое «машина»³.

В массовом сознании установилась устойчивая ассоциация кибернетики с вычислительными машинами, способами их применения. Как показал ход дальнейшего научного и технологического развития, это совершенно отдельная наука об универсальном информационном инструменте, который широко применим в решении задач, связанных с кибернетикой, а также во всех областях научной и практической человеческой деятельности, но не имеет прямого отношения к предмету кибернетики.

Произошло отвлечение внимания общественности и, самое главное, научных работников от центральных идей и целей кибернетики — от познания и моделирования принципов и способов различных видов целесообразной деятельности. Такое сочетание общественных обстоятельств и внутренних особенностей развития кибернетики привело к печальному ее концу и забвению.

В научной сфере кибернетическая проблематика «расползлась» по отдельным частным наукам. Собственно кибернетических научных результатов было немного, к тому же они, как правило, локализовывались в сравнительно узких областях (например, распознавание графических образов) и не создали общего научного поля. Каждая из наук, в которой применялась кибернетическая методология, по нужным им «кусочкам» растаскивала научное содержание кибернетики в свои частные научные области. После этого нужда в общей и самостоятельной методологической науке кибернетике стала неочевидной, и она плавно ушла из научной и образовательной сфер.

Параллельно происходило исключительно динамичное, совершенно самостоятельное и очень продуктивное развитие компьютерной науки, техники и технологии (информатики), для которых кибернетическая «колыбель» стала совсем практически не нужной.

В последней четверти прошлого века серьезные изменения происходили и в общественном сознании. Исчезло романтическое восприятие науки, общественный престиж переместился на технологии, ориентированные на потребление и повышение «качества жизни».

В конечном итоге кибернетика стала неким научным антиквариатом, что достойно большого сожаления, поскольку при этом, как говорится, вместе с водой выплеснули и ребенка. Такое завершение блистательно начавшейся истории дает основание подумать о соответствующих выводах и уроках.

При изучении судьбы кибернетики как интеллектуального социокультурного феномена середины XX века обнаруживаются очень существенные вопросы нравственного, этического характера. Они возникают в связи с тем, что при историческом рассмотрении этого феномена проявляется существенное влияние отдельных слоев (групп) интеллигенции, таких как научные работники, преподаватели, представители властных структур и др.,

на результативность и эффективность науки, отдельные стороны и направления развития общества, судьбы конкретных людей.

В контексте изучаемого явления усматриваются следующие «центры ответственности»:

- 1) создатели, апологеты и последователи науки (кибернетики);
- 2) представители властных структур, отвечающие за общественную и государственную поддержку и развитие науки;
- 3) общественные деятели, журналисты, популяризаторы науки, непосредственно участвующие в создании, формировании общественного мнения о науке, ее общественного имиджа, эстетической и этической «окраски».

Для каждого из этих центров характерны различные причины, проявления и меры ответственности.

Имея в виду первый из указанных центров, прежде всего, отметим, что при создании, развитии, поддержке новой науки ученые не должны забывать, что на ее судьбе обязательно скажется то, насколько правильно выбран и определен предмет науки, насколько зрелыми (по содержанию, не обязательно по форме) являются ее центральные идеи. Перефразируя Экзюпери, надо быть ответственным за науку, которую «приручили».

«Отцы» кибернетики, начиная с Н. Винера, свою ответственность в этом отношении не проявили. Сама основополагающая книга «Кибернетика или управление и связь в животном и машине» содержала массу незрелых обобщений и недостаточно проработанных идей. И в последующем бурном развитии кибернетики явно было не до таких «мелочей».

В качестве примеров «незрелых» мыслей Н. Винера⁴ можно отметить связь кибернетики со статистической физикой (этому посвящена значительная часть основной книги Н. Винера) и «пограничный» характер кибернетики. Последнее обстоятельство мотивировалось тем, что кибернетика якобы формировалась на стыке наук. На самом деле она была не заполнением некоего «промежутка между науками», а синтетическим обобщением результатов разных наук, то есть она изначально возникла как некоторая методология и в силу этого должна располагаться уровнем выше тех, якобы «стыкующихся» смежных наук. В ней проявлялось (может быть, не совсем последовательно и не совсем уверенно) не просто собирательное, а именно синтетическое в идейном плане начало.

А вообще, по большому счету, во всей кибернетике Винера была всего одна по-настоящему глубокая и масштабная идея о том, что процессы управления, регулирования, обучения и другие процессы целесообразного поведения в совершенно разнородных по своей природе объектах, таких как машина, животное, человек, общество, могут быть единообразно описаны и исследованы общими методами.

Как сейчас можно видеть, очень негативную роль в судьбе кибернетики сыграло то обстоятельство, что даже при наличии достаточно длительного благоприятного для ее развития периода не было выработано общепринятых представлений о ее предмете и методах. В плане предмета наиболее печальное влияние оказала путаница кибернетики с информатикой.

Информатика как наука о принципах работы компьютеров и способах их применения — это совершенно не кибернетика и совершенно отдельная наука и даже научное направление.

Компьютерная техника — это универсальный, очень мощный инструмент обработки информации, но только инструмент. Литературу, например научную, с текстовым редактором обычно не путают, а вот кибернетику с информатикой путали очень часто. И это досадное заблуждение оказалось очень живучим даже в академических кругах⁵. Информатика, как наука более сильная и практически более значимая, этой подмены почти не заметила, а для кибернетики она стала одной из причин ухода в небытие.

Встречалась путаница кибернетики и с теорией управления техническими объектами, и с менеджментом (организационным управлением), но эти ошибки не имели столь печальных последствий.

Несмотря на важную роль вопросов, связанных с предметом науки, ученые-кибернетики, действуя во многих случаях практически осознанно (по современным понятиям из маркетинговых соображений), не только не проясняли, не уточняли положение новой науки в системе научного знания, но искусственно затягивали ее в философскую и социальную сферы⁶. Это дало очень обильную пищу для врагов кибернетики, особенно в социалистических странах, в которых она в своем развитии столкнулась с идеологическим давлением. Здесь гипертрофированная роль идеологии в конечном счете нанесла значительный ущерб науке, ее результатам, людям, занимающимся наукой. Представи-

тели властных структур, действовавших на этом «поле», также мало осознавали свою ответственность и больше призывали к ответственности последователей кибернетики.

Хотя и там, где не было идеологических барьеров, философские амбиции кибернетики не принесли ей пользы, поскольку отвлекали от реальной проблематики, служили катализаторами ее диссоциации в других науках и, в конечном итоге, исчезновения с научной сцены.

Популяризация и общественная поддержка новой науки показала также много примеров не вполне ответственного поведения. Занимающиеся этой деятельностью ученые, публицисты, общественные деятели более всего ориентировались на моду, совсем не глубоко знали предмет, о котором говорили. Принцип негативного влияния на судьбу науки при этом во многом аналогичен тому, что был отмечен выше для «философских амбиций». В результате можно констатировать, что массовая популяризация неокрепшей науки, а также сильная привязка ее к общественному мнению и общественно-политической конъюнктуре — медвежья услуга для кибернетики.

В изучаемом явлении можно выделить и вопросы ответственности второго порядка, имея в виду то, что историческое рассмотрение вопросов и проблем должно быть добросовестным, не предвзятым, не идеологизированным. Иначе получается несправедливая оценка ролей отдельных людей и слоев общества, клевета. В связи с кибернетикой таким вопросом является оценка причин, характера и масштабов гонений на нее. Здесь часто бывают искажения, основанные на поверхностном и тенденциозном рассмотрении проблемы. В постсоветское время очень модно клеймить позором партийных и государственных деятелей. Оснований к тому достаточно, но проявляемое в этом направлении усердие иногда бывает не очень соразмерным и адекватным. При более детальном рассмотрении этого периода развития кибернетики, с учетом исторического и общественного контекста, выявляется ряд интересных обстоятельств.

В 30—50-е годы прошлого века в СССР партийное и государственное давление на науку различных отраслей было очень сильным, что в принципе, учитывая особенности социалистического общественного строя, в значительной степени естественно. Такому давлению, принимающему в ряде случаев репрессивный характер,

подвергались и общественные и естественные науки⁷. Кроме широко известных (по крайней мере, на поверхностном уровне) гонений на генетику и кибернетику, можно напомнить, что поруганию и поношению подвергались общая теория относительности А. Эйнштейна, отдельные направления квантовой физики, космогония, геология и др. Были «наезды» на логику (формальную)⁸, и даже очень серьезные, от которых эту древнюю науку спас лично Сталин.

Партийное руководство наукой выражалось в постоянной борьбе с теми или иными искажениями (или опасностями таких искажений) марксистско-ленинской философии. Вот эта постоянная борьба и была основной причиной давления на науку. При этом на начальных этапах практически по любому направлению это давление было совсем не кровожадным, но если по ходу дела критике научных вопросов сопутствовали политические кампании или к делу примешивались личные интересы партийных деятелей, то результаты «критики» могли быть весьма печальными.

В этом плане гонения на генетику практически уникальны, и не только по масштабам, длительности и жестокости, но и по тому, что они были ярко персонифицированы и в основе своей имели практически только личные мотивы отдельных людей. Люди эти, однако, были незаурядные. С одной стороны, талантливый авантюрист — «крестьянский сын» Т. Д. Лысенко, основной жизненной идеей которого было «выбиться в люди», с другой стороны, всемогущий «вождь и учитель» Сталин, у которого были свои, хоть и весьма смутные, но очень для него важные представления о наследовании внешних воздействий. Используя благосклонность вождя, Лысенко организовывал разгром научной генетики, чтобы забраться на пьедестал власти и ликвидировать конкурентов, действительно выдающихся ученых с мировым именем вместе с их последователями, — академиков Н. И. Вавилова, Н. В. Цицина и др.⁹ Гонения на генетику активно поддерживались академической средой, которую, впрочем, сам «народный академик» активно формировал при покровительстве Сталина. Партийное участие было здесь вторично — это административный ресурс, задействованный Лысенко, и идеология служила лишь прикрытием. Итоги этой борьбы печальны — наука генетика, только начавшая интенсивное развитие на передовом мировом уровне, была фактически ликвидирована.

Интересные особенности имеет и партийное давление на физику. Критика некоторых разделов этой науки была временами очень ожесточенной, хотя в результате практически никто из физиков не пострадал. Это произошло благодаря тому, что большинство серьезных физиков так или иначе работали на оборону, и в первую очередь на программу создания ядерного оружия, которую курировал Л. П. Берия; высокий покровитель хорошо защитил науку от идеологического бедствия¹⁰.

Как же на фоне этого выглядели гонения на кибернетику? Их источником была плановая и систематическая работа по борьбе с отклонениями от кристально чистого учения марксистской философии и против космополитизма. Инициировали ее в этом направлении приближенные к партийной элите философские круги. Академическая научная среда тоже поучаствовала, но вяло, не активно и без выявления конкретных врагов. Гонители были почти безликой силой, не выдвинувшей ярких лидеров, кровно заинтересованных в борьбе «не на жизнь, а на смерть» (вспомним хотя бы инкогнито Материалиста¹¹). Ругали кибернетику, чтобы быть в русле партийной политики и не отклоняться от генеральной линии. Кибернетика, можно сказать, почти случайно «попала под раздачу» в ходе вышеупомянутой плановой и систематической работы. При этом сами кибернетики, начиная с Н. Винера, очень серьезно провоцировали наших идеологов своими «несвоевременными мыслями» об электронном управлении не только предприятиями, но и государствами.

За весь недолгий период этих гонений не обнаруживается никаких следов сколь-нибудь серьезных репрессий по отношению к кибернетикам.

Определенную, хотя и менее значительную роль, чем в случае с физикой, сыграло заступничество и твердая принципиальная позиция достаточно влиятельных людей (конечно, не таких могущественных, как Берия, но всё же) — в частности, академиком А. И. Берга и А. А. Ляпунова, М. А. Лаврентьева, министра машиностроения и приборостроения СССР П. И. Паршина¹².

Позитивным оказалось и повальное заблуждение, по которому кибернетику практически отождествляли с компьютеростроением и применением компьютеров. Эти научные и технические направления имели серьезную партийную и правитель-

ственную поддержку, как очень важные для обороноспособности, и интенсивно развивались на очень высоком уровне¹³.

С учетом сказанного можно представить общую картину «гонений». основополагающая книга Н. Винера сразу после выхода была запрещена и разместилась в спецхране, а всякие публичные мероприятия на эту тему начались значительно позже. Первые публикации, направленные против кибернетики, появились в «Литературной газете» от 5 апреля 1952 года¹⁴ и в журнале «Техника — молодежи» № 8 за 1952 год¹⁵.

Апогеем публичных гонений стал 1953 год, когда в журнале «Вопросы философии» вышла статья «Кому служит кибернетика», подписанная неким Материалистом¹⁶. Были и другие, хотя весьма немногочисленные публикации¹⁷. При этом надо отметить, что критика была достаточно вразумительной и направленной именно против непомерных и некорректных философских и социальных популяризованных кибернетики. Хотя сейчас принято говорить, что ни Колбановский, ни Быховский книги Н. Винера не читали, но складывается впечатление, что они зачастую кибернетическую проблематику понимали лучше многих кибернетиков.

Вот, к примеру, небольшие выдержки из статьи Материалиста: «Применение подобных вычислительных машин имеет огромное значение для самых различных областей хозяйственного строительства... требующих затраты высококвалифицированного труда в течение многих месяцев. Вычислительные машины облегчают и сокращают этот труд до минимума. С таким же успехом эти машины используются и во всех сложных экономических и статистических вычислениях. <...> Благодаря вычислительным машинам современная математика может решать в короткие сроки задачи, считавшиеся раньше из-за большого числа необходимых вычислений неразрешимыми»¹⁸. Здесь, собственно, никакой критики нет потому, что Материалист в отличие от большинства кибернетиков понимает, что компьютерная техника и кибернетика — это разные вещи. Критика начинается далее, при переходе к спорным, но относящимся к кибернетике непосредственно вопросам: «Отбросив это коренное качественное различие между механизмом и организмом как якобы несущественное, теоретики новой науки определяют счетные машины как саморегулирующиеся механизмы, как “мыслящие машины”,

как “гигантские мозги” и утверждают, что деятельность вычислительных машин дает ключ к познанию как биологических, так и социальных явлений, чем и надлежит заняться кибернетике.

Нетрудно установить, что эти претензии кибернетиков отбрасывают науку на двести лет назад, к взглядам французского материалиста XVIII века Ламетри»¹⁹.

В контексте кибернетической истории интересна также статья в «Кратком философском словаре» 1954 года. В ней сказано: «Кибернетика — реакционная лженаука, возникшая в США после второй мировой войны и получившая широкое распространение и в других капиталистических странах; форма современного механицизма»²⁰. Что удивительно, статья эта была написана Е. А. Шкабарой, заместительницей главного конструктора первой советской вычислительной машины С. А. Лебедева²¹.

Ученые, занимающиеся исследованиями и разработками по кибернетической тематике, в этот период тоже не сидели сложа руки и активно отстаивали свое научное направление, прежде всего, на многочисленных семинарах в академических институтах и вузах. У наиболее авторитетных ученых складывалось даже определенное взаимопонимание с партийным руководством, и в результате в 1955 году в журнале «Вопросы философии» была опубликована первая позитивная статья о кибернетике²². В том же году при допечатке тиража «Философского словаря» статья «Кибернетика» была из него исключена.

В последующий период кибернетическая проблематика на страницах как «Вопросов философии», так и других научных журналов заняла достойное позитивное место. Через некоторое время стали выходить и книги по кибернетике, в частности, перевод винеровской «кибернетики» вышел в 1958 году.

Подытоживая картину «гонений» на кибернетику, еще раз отметим, что в области технических приложений кибернетических идей вообще не было ни гонений, ни даже сколь-нибудь заметного давления, и в 50—60-е годы отечественная вычислительная техника развивалась в благоприятных условиях и очень эффективно. Расхожее мнение о том, что из-за гонений на кибернетику мы получили катастрофическое отставание в развитии компьютерной техники и информационных технологий, совершенно не соответствует действительности.

Наши компьютеры, также как и наши автомобили, в конечном итоге оказались хуже зарубежных вовсе не из-за мифических гонений, а из-за нарушения связи производства с потребителями и отсутствия конкуренции, являющихся органическим пороком социалистической плановой системы хозяйствования. Пока компьютеры были уникальными изделиями, они у нас были не хуже, а даже лучше иностранных, но как только они стали массовым товаром, то всё резко переменялось в худшую сторону, так как в нашей стране производство было практически лишено важнейшего стимула развития — погони за потребителем.

Для понимания степени ответственности идеологов и философов в контексте развития кибернетики хотелось бы обратить внимание на то, что партийная борьба против разных «буржуазных» наук и за чистоту марксистской философии была формой общественного и научного консерватизма, а это явление тоже в свою очередь сложное и неоднозначное.

Консерватизм общества (и научного сообщества в частности) играет не только отрицательную, но и положительную роль — он служит стабилизирующим фактором развития. С кибернетической точки зрения консерватизм является отрицательной обратной связью, которая, как известно, совершенно необходима для стабильного протекания любых процессов, в том числе и общественных. Без этого фактора или при его значительном ослаблении развитие (общественное, научное) становится нестабильным, возникают негативные и даже катастрофические явления в отдельных сторонах жизни общества. Другое дело, что во всем должна быть мера и излишняя сила «стабилизирующего фактора» замедляет развитие, приводит к значительным интеллектуальным потерям²³. По сути, партийные и идеологические работники делали, в принципе, нужное дело, но в условиях тоталитарной однопартийной общественной системы они были склонны преувеличивать свою роль и создавали консерватизм чрезмерный, гипертрофированный (с кибернетической точки зрения — перерегулирование).

С другой стороны, пониженный уровень научного и общественного консерватизма может очень негативно сказываться на уровне развития науки и других институтов общества.

В частности, в современный период в философии и других общественных науках (истории, социологии и др.) уровень кон-

серватизма очень снижен, и в результате в ряде случаев получается не развитие, а деградация, рецидивы мракобесия, недобросовестности, примитивизма.

Одна из причин ненормального уровня консерватизма (как заниженного, так и завышенного) — это чрезмерная, слишком жесткая корреляция общественного мнения (являющегося носителем консерватизма) с политической конъюнктурой.

В естественных науках и связанных с ними научных сообществах такая корреляция, как правило, не очень сильна, и основа консерватизма находится в сфере самой науки, а не в сфере политики. И это тоже в определенном смысле естественно, так как общественные (гуманитарные) науки по своей природе несут идеологическую нагрузку и являются элементами, а может быть, даже и основой идеологии (той или иной). В силу этого они практически автоматически попадают в сферу влияния и контроля политических сил.

Мудрость общества и научного сообщества состоит, в частности, в выборе близкого к оптимальному уровня консерватизма и в том, чтобы, понимая его природу, не отучиться воспринимать и поддерживать новое и прогрессивное, держа в активном и работоспособном состоянии каналы, по которым это новое может прийти в общественную практику.

Таким образом, в незавидной судьбе кибернетики, прежде всего, виновата сама кибернетика (те ученые, которые работали в этой сфере). Любая более полноценно сформированная наука в таких условиях, в каких развивалась кибернетика, выжила бы вполне нормально.

Несмотря на достаточно печальные исторические уроки, есть глубокий интеллектуальный и прагматический смысл в возрождении в обновленном виде кибернетики, которая могла бы играть важную методологическую роль как координирующее и синтезирующее звено всякого прагматически ориентированного научного и технологического знания.

Рассмотренные вопросы могут иметь не только историческое, но и актуальное значение. В частности, модное в настоящее время научно-техническое направление — нанотехнология может частично повторить судьбу кибернетики.

Примечания

- ¹ Wiener N. Cybernetics or Control and Communications in the Animal and the Machine. New York : The Technology Press and John Wiley & Sons, 1948. (Русский перевод второго издания: *Винер Н.* Кибернетика или управление и связь в животном и машине. М., 1968).
- ² Wiener N. The Human Use of Human Beings, Cybernetics and Society. Boston : Houghton Mifflin Co., 1950. (Русский перевод: *Винер Н.* Кибернетика и общество. М., 1958).
- ³ *Тьюринг А.* Может ли машина мыслить. М., 1960.
- ⁴ После такой достаточно резкой формулировки надо оговориться, что это не проявление неуважения к действительно выдающемуся ученому, которым является Н. Винер. Подобные суждения стали возможны только с высоты прошедшего времени, позволившего нам более явно увидеть многие нюансы и взаимосвязи, которые вряд ли были очевидны более чем полвека назад.
- ⁵ Куда «исчезла» кибернетика? // Наука в Сибири. 2007. № 37 (2622). 27 сент. URL: <http://www-sbras.nsc.ru/HBC/article.phtml?nid=432&id=9>.
- ⁶ *Винер Н.* Кибернетика и общество.
- ⁷ Репрессированная наука. Л., 1991 ; Репрессированная наука. СПб., 1994. Вып. 2.
- ⁸ *Тугаринов В. П., Майстров Л. Е.* Против идеализма в математической логике // Вопросы философии. 1950. № 3. С. 331—339.
- ⁹ *Бабков В. В.* Как ковалась победа над генетикой // Человек. 1998. № 6. С. 82—90.
- ¹⁰ *Илизаров С. С.* Берия и теория относительности // Исторический архив. 1994. № 3. С. 215—223.
- ¹¹ *Материалист.* Кому служит кибернетика? // Вопросы философии. 1953. № 5. С. 210—219.
- ¹² *Трубицын А.* Сталин и кибернетика. URL: <http://tainy.net/12030-stalin-i-kibernetika.html> (дата обращения: 19.10.2010).
- ¹³ *Поспелов Д. А.* Становление информатики в России // Очерки истории информатики в России. Новосибирск, 1998.
- ¹⁴ *Ярошевский М.* Кибернетика — «наука» мракобесов // Литературная газета. 1952. № 42 (2915). 5 апр. С. 4.
- ¹⁵ *Гладков К.* Кибернетика или тоска по механическим солдатам // Техника — молодежи. 1952. № 8. С. 34—38.
- ¹⁶ Им оказался психолог и философ, работавший на кафедре философии АОН при ЦК КПСС, профессор В. Н. Колбановский, в 1932—1937 годах директор Института психологии АН СССР (см.: *Фет Я. И.* Рассказы о кибернетике. Новосибирск, 2007. С. 138).

- ¹⁷ *Быховский Б. Э.* Наука современных рабовладельцев // Наука и жизнь. 1953. № 6. С. 42—44.
- ¹⁸ *Материалист.* Указ. соч. С. 211—212.
- ¹⁹ Там же. С. 213.
- ²⁰ Краткий философский словарь / под ред. *М. Розенталя, П. Юдина.* 4-е изд. М., 1954. С. 236—237.
- ²¹ *Пихорович В.* К истории кибернетики в СССР : очерк первый. URL: <http://propaganda-journal.net/1034.html> (дата обращения: 24.05.2009).
- ²² *Соболев С. Л., Китов А. И., Ляпунов А. А.* Основные черты кибернетики // Вопросы философии. 1955. № 4.
- ²³ *Шноль С. Э.* Научное мировоззрение и восприятие новых научных истин // Природа научного открытия : философско-методологический анализ. М., 1986. С. 87—100.

ББК 63.3(4Укр)63-283.2

А. В. Лысенков

**УКРАИНСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
О ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ УКРАИНЫ
(1999—2009 гг.)**

Внешняя политика Украины как нового независимого государства, пребывающего в процессе демократического транзита, на протяжении более двух десятилетий характеризуется высокой насыщенностью. В данном контексте украинские интеллектуалы, изучающие страну непосредственно изнутри, являются важнейшими субъектами профессионального формирования и артикуляции смыслов существования государства, его общего и частного развития в рамках многих сфер, включая внешнюю политику. Этим объясняется актуальность изучения научных изысканий и идей украинских интеллектуалов в отношении постсоветского пространства во внешней политике Украины.

© Лысенков А. В., 2012

Лысенков Александр Валерьевич — аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Иванковского государственного университета. kunstkamera2009@yandex.ru

В период с 1999 по 2009 г. Украина пережила реализацию двух внешнеполитических курсов. В рамках президентства Л. Кучмы (1999—2004 гг.) в основе внешнеполитической деятельности лежала стратегия многовекторности. При президенте В. Ющенко (2004—2009 гг.) руководством страны был выбран прозападный курс внешней политики.

Политика многовекторности (или двухвекторности) заключалась в поддержании Украиной баланса между западным (отношения с США, Евросоюзом, НАТО и отдельными членами данных организаций) и восточным (отношения со странами СНГ, участие в постсоветской интеграции) направлениями, баланса собственных интересов между ними. Эта политика базировалась на взаимодополняемости данных векторов, которые обладали индивидуальными выгодами¹.

Многовекторность имела поддержку среди украинских интеллектуалов, которая сводилась к ее естественности и логичности для страны в силу того, что приоритеты Украины (Россия и Запад) детерминируются внешними и внутренними (историческими, цивилизационными и культурными) факторами. При этом ставка на одну геополитическую силу (США, Россия, ЕС) приводила бы к внутреннему дисбалансу в Украине и потере государственности в связи с сосредоточением стратегических политических интересов на Западе, а экономических — на Востоке². Критика многовекторности сводилась к ее непредсказуемости, неопределенности, услужливости перед Россией (вместо целенаправленной и реальной интеграции на Запад и обретения подлинной независимости от РФ)³.

В рамках многовекторности постсоветское направление не являлось приоритетным для администрации Л. Кучмы (за исключением сотрудничества с РФ). Однако стратегия многовекторности предполагала обязательное и активное присутствие Украины на постсоветском пространстве (ПСР). В результате Украина принимала участие с разной степенью интенсивности в делах СНГ и других межгосударственных интеграционных процессах ГУУАМ⁴, ЕЭП⁵, активно развивала двусторонние отношения (главным образом с Белоруссией, Молдавией, Грузией, Азербайджаном, Туркменией, Узбекистаном, помимо РФ). При президенте Л. Кучме ПСР являлось направлением и полем возможностей, альтернативным западному вектору.

В связи с этим ПСП представляло собой актуальный предмет исследования украинских интеллектуалов: проблемы и состояние двустороннего и многостороннего сотрудничества Украины со странами СНГ активно анализировались и осмысливались⁶. Несмотря на критику политики многовекторности, украинские интеллектуалы обосновывали важность связей Украины с государствами — участниками СНГ и укрепления ее политико-экономических позиций на ПСП. Главный раздел во мнениях среди экспертов и ученых проходил по целесообразности и форме участия Украины в СНГ и ЕЭП (т. е. глубине отношений с Россией), ГУУАМ, которая не противоречила бы западной интеграции страны.

В результате, в период президентства Л. Кучмы сформировались основные, на наш взгляд, подходы украинских интеллектуалов к внешней политике Украины и месту постсоветского пространства в ее рамках. Поскольку ПСП официально никогда не являлось приоритетом внешнеполитического курса Украины при Л. Кучме и В. Ющенко, ценность этого направления для страны в оценках украинских интеллектуалов зависит от их отношения к западному вектору. По этой причине мы рассматриваем ПСП в рамках исследовательских подходов к общей внешнеполитической стратегии Украины и их трактовок западной интеграции.

В данном контексте условно можно выделить следующие подходы: строгий евро-атлантический (поддержка вступления в НАТО, акцент на угрозах независимости Украины со стороны России), мягкий евро-атлантический (поддержка возможного членства в НАТО, основное внимание уделено развитию отношений с РФ) и многовекторный (безальтернативность политики многовекторности, внеблоковость и нейтралитет Украины по отношению к системам коллективной безопасности — НАТО и ОДКБ). Данные подходы были развиты в течение президентского срока В. Ющенко.

«Оранжевые» на высшем уровне отказались от многовекторной политики Л. Кучмы. Баланс взаимоотношений с Западом и Востоком был нарушен. Однозначным приоритетом Украины стала западная интеграция: приближение к членству в ЕС, вступление в НАТО⁷. Из альтернативы западному вектору ПСП трансформировалось в инструмент достижения членства в ЕС и НАТО.

Тем не менее, Украина по-прежнему продолжала активно действовать на ПСП (возглавила попытки по укреплению ГУАМ, участвовала в саммитах СНГ, развивала союзнические отношения с Грузией, усилила контакты с Молдавией и Туркменистаном), но изменились акценты и методы этой деятельности. «Оранжевые» попытались реализовать политику демократизации постсоветского пространства с жестким прагматизмом в двусторонних отношениях.

Рассмотрим подробнее содержание указанных подходов в отношении постсоветского пространства в 2005—2009 гг.

Представителей рассматриваемых подходов объединяет ряд общих черт. Ими безоговорочно поддерживается тезис геополитического и цивилизационного выбора Украины в пользу Европы (европейская интеграция как таковая) и важность последующего членства в ЕС. Украинские интеллектуалы указывают на необходимость развития и поддержания двустороннего сотрудничества с Россией как важнейшим стратегическим партнером, теплых отношений с остальными государствами ПСП. Вызывает одобрение в целом стремление Украины к достижению лидерства в рамках Черноморского бассейна. Подчеркивается важность максимальной реализации энерготранзитного потенциала страны и ГУАМ, урегулирования молдавско-приднестровского конфликта на основе сохранения целостности Молдавии.

Вместе с тем в геополитическом мышлении украинских интеллектуалов имеются и другие аспекты. Подтверждается объектность Украины в международных делах: ее несамостоятельность и зависимость в треугольнике «США — ЕС — Россия». Также доказывается, что Украина проводит чужие внешнеполитические и геополитические стратегии (США, ЕС, России и даже Молдавии), не предлагая и не воплощая собственные, что противоречит национальным интересам. Руководство страны и политические элиты обвиняются в неверном выборе целей и задач внешней политики, неспособности сформулировать национальные интересы на мировой арене, отсутствии верного стратегического и геополитического мышления. В связи с этим украинские интеллектуалы признают провал В. Ющенко в выполнении основных задач его внешнеполитического курса (приближение Украины к членству в ЕС и НАТО) и задач на ПСП (развитие стратегического партнерства с РФ, урегулирование конфликта в Приднестровье,

снижение энергозависимости от РФ, наполнение ГУАМ реальным экономическим и политическим содержанием).

В рамках строгого евроатлантического подхода ПСП рассматривается сугубо как сфера влияния России и постимперская территория. Россия, как полагают сторонники этого подхода, проводит агрессивную внешнюю политику, направленную на уничтожение суверенитета стран ближнего зарубежья и их колонизацию, использует вооруженную силу и энергетическое оружие против партнеров (манипулирует ценами на газ и нефть, их поставками). Поэтому основательное участие в возглавляемых Россией постсоветских интеграционных проектах кажется этой группе украинских интеллектуалов ненужным. В связи с этим инициативы и возможности Украины на ПСП (двусторонние отношения, ГУАМ, Содружество демократического выбора (СДВ), собственные энергетические проекты) должны быть использованы лишь для противостояния и сдерживания Российской Федерации. Все это (а также членство в НАТО и ЕС) необходимо Украине для ухода из ПСП, как из сферы влияния России, на Запад. Сторонники этого подхода всецело поддерживают солидарность В. Ющенко с М. Саакашвили по российско-грузинскому конфликту 2008 г. (осуждают действия России как агрессора) и уверены в повторении подобного сценария в Украине. Критике подвергается отсутствие результатов во внешней политике Украины на Западе и Востоке, а не сам курс «оранжевых». Яркими представителями данного подхода являются Тарас Возняк, Ярослав Грицак, Владимир Горбулин, Михаил Гончар, Вадим Карасев, Александр Литвиненко, Александр Сушко.

По мнению главного редактора культурологического журнала «І» (г. Львов) Т. Возняка, на ПСП Украине необходимо развивать свою собственную международную значимость в силу транзитного положения — связующего звена между Европой и сырьевыми базами РФ и Центральной Азии (ЦА). Поэтому важно реализовать обходящие Россию пути доставки энергоносителей в Европу из Каспия, особенно в свете энерговойны, которую РФ ведет против участников СНГ. Также Украине, в качестве импортера и экспортера безопасности в Черноморском регионе, необходимо занять здесь надлежащее место с помощью участия в разрешении молдавско-приднестровского конфликта⁸.

Профессор Украинского католического университета (г. Львов) Я. Грицак придерживается позиции, что Украина — это продукт вестернизации и самое прозападное восточно-христианское пространство, что выгодно отличает ее от России и Белоруссии. Это, а также технологическая отсталость ПСП и бывшее пребывание Украины в СССР (отчего Украина не получила какой-либо выгоды) закрывает вопрос участия Украины в постсоветской интеграции вместе с Россией⁹.

Директор Института евроатлантического сотрудничества (г. Киев) А. Сушко полагает, что интересам Украины на ПСП соответствует использование ГУАМ и СДВ как антисоюза Белоруссии и России и подрыва СНГ. Этому также способствуют тесные отношения с Грузией, Молдавией и Азербайджаном (их объединяют общие позиции по вопросам регионального и глобального миропорядка, а Азербайджан как единственный экспортер нефти и газа в ГУАМ может стать гарантом энергобезопасности Украины). Конечной целью внешней политики Украины в Черноморском регионе является превращение Черного моря во внутреннее море ЕС и НАТО¹⁰.

Академик Национальной академии наук Украины В. Горбулин и заместитель директора Национального института стратегических исследований при Президенте Украины (г. Киев) А. Литвиненко относят Украину к серой зоне государств, находящихся между НАТО и ОДКБ, куда также входят Молдавия, Азербайджан, Грузия, потенциально — Армения и Белоруссия. Эта зона характеризуется вакуумом безопасности, т. к. заключительный акт СБСЕ 1975 г., Будапештские соглашения 1994 г. и соответствующие европейские правовые акты неэффективны. Поэтому актуален вопрос подписания странами Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, ЕС и Китае юридически обязывающего документа исключительно для серой зоны, в котором должен быть закреплен ряд международных правил игры в ней (признание незыблемости границ в Восточной Европе, неприменение силы, демилитаризация Черного моря и др.)¹¹.

Директор энергетических программ Центра содействия изучению геополитических проблем и евроатлантического сотрудничества Черноморского региона «Номос» (г. Севастополь) М. Гончар акцентирует внимание на том, что Украине необходимо принимать активное участие в глобальной конкуренции за

нефтяные и газовые ресурсы, трубопроводы прикаспийских стран (Азербайджана, Туркмении, Казахстана и Узбекистана), привлекать их к своим проектам, возвращать и закреплять влиятельные позиции в этих странах¹².

Директор Института глобальных исследований (г. Киев) В. Карасев провозгласил конец постсоветского мира и цивилизованного развода новых независимых государств, чему решающей причиной стал российско-грузинский конфликт в августе 2008 г. Поэтому одна из основных задач Украины — политико-стратегическая депостсоветизация (экономическая, военная, политическая, энергетическая и историческая демаркация от России, интеграционных проектов с ее участием на ПСП и самого постсоветского пространства как олицетворения экономической и социальной отсталости)¹³.

В рамках мягкого евроатлантического подхода ПСП также представляется как экономически контролируемое Россией пространство, на котором Украина проводит внешнюю политику с присущими ей имперскими чертами и стремится к политико-экономическому доминированию. Однако допускается участие или сотрудничество с экономическими интеграционными объединениями, возглавляемыми Россией. Отвергается какая-либо внешняя угроза суверенитету со стороны Российской Федерации, особенно военная, и признается необходимость учета России при интеграции в западные структуры.

В отношении событий в Грузии (2008 г.) не поддерживается позиция и действия всех сторон: Украины, Грузии и Российской Федерации. На этом примере признается, что существует внешний вызов Украине (в результате факта применения военной силы в регионе). Членство в НАТО и ЕС обусловлено проведением внутренних реформ, завершением постсоветского периода в развитии страны и окончательным выбором европейского пути. Среди представителей этого подхода следует выделить Дмитрия Выдрину и Валерия Чалого.

Заместитель генерального директора Украинского центра экономических и политических исследований им. А. Разумкова (г. Киев) В. Чалый подчеркивает, что Украина не должна выходить из СНГ как Грузия, т. к. этот шаг ни к чему не приведет. Украина должна использовать все позитивные элементы, которые имеются в СНГ (текущий формат высокоуровневого форума, до-

говорную базу), и не быть инициатором его развала. При этом инициативы Украины в СНГ вряд ли приведут к действиям и результатам, как и прежде. Украина может стать посредником между ГУАМ и Российской Федерацией, как Азербайджан. Но Украине следует быть осторожной в данных процессах, не выступать на стороне конфликтующих сторон, играть роль арбитра (например, введение экономической блокады Приднестровья в 2006 г. совместно с Молдавией рассматривается В. Чалым как возможная эскалация конфликта, поскольку против этого выступили Приднестровье и РФ)¹⁴.

Украинский политолог Д. Выдрин рассматривает РФ и ее интеграционные проекты (ЕЭП, Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), ОДКБ, Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС)) в качестве нового центра глобализации, одной из моделей глобализации. Украина должна выбрать ту или иную модель. Д. Выдрин поддерживал идею передачи лидерства на ПСП от Российской Федерации к Украине, т. к. только Украина могла сохранить в нем все положительные моменты и его целостность — сменить принцип «все через Москву» на подтягивание постсоветских стран (в частности, ЕЭП) к европейским стандартам за счет евроинтеграции¹⁵.

Многовекторный (нейтральный) подход преследует цель максимального сохранения независимости и целостности Украины. Главными угрозами государственности признаются не внешние, а внутренние (коррупция, несостоятельность политических элит, слабость экономики и госаппарата и др.). ПСП описывается как важнейшее направление внешней политики и ресурс для развития Украины, на котором сосредоточен весь спектр национальных интересов страны, чем деструктивно пренебрегать. Согласно этому подходу Украина должна быть инициативной, выступать связующим звеном (мостом) между Евразией и Европой, искать точки соприкосновения интересов максимального числа стран, включая Российскую Федерацию, балансировать между Западом и Востоком без резкого геополитического предпочтения кого-либо. Конфронтация с Россией в связи с проблемой вступления Украины в НАТО или ЕС, антироссийская риторика — опасны.

Необходимо тесное сотрудничество с Россией, допустимо участие или плотное сотрудничество с ЕЭП, Таможенным сою-

зом, ЕврАзЭС, пока двери ЕС закрыты (иное означает отказ от многих экономических выгод). ГУАМ и СДВ рассматриваются как американские и декларативные проекты, отделяющие Украину от России и других партнеров по ПСП и тем самым наносящие ущерб национальным интересам. Осуждается позиция В. Ющенко по Грузии в 2008 г., виновником войны с Российской Федерацией признается М. Саакашвили, оправдываются действия российских войск в Грузии. Внешнеполитический курс «оранжевых» в целом (на западном и восточном направлениях) оценивается как неуспешный, т. к. он антироссийский и проамериканский, а поэтому — антиукраинский. Данный подход отстаивают Константин Бондаренко, Владимир Дергачев, Андрей Ермолаев, Виталий Кулик, Владимир Малинкович, Михаил Погребинский, Петр Толочко, Сергей Толстов, Владимир Фесенко.

Директор Института политического анализа и международных исследований (г. Киев) С. Толстов утверждает, что важнейший минус внешней политики Украины заключается в отсутствии стратегии по Центральной Азии (использованию ее возможностей и перспектив). Эту стратегию можно создать исключительно в результате определения стратегии по сотрудничеству в СНГ (выдвинуть позитивные цели, которые могли бы удовлетворять интересам различных участников), т. к. только СНГ может стать институциональной основой реализации центрально-азиатской стратегии. Для выполнения данных задач Украине необходимо заручиться поддержкой участников СНГ, в том числе РФ, которая имеет серьезное влияние на страны ЦА¹⁶.

Директор Национального института стратегических исследований при Президенте Украины (г. Киев) А. Ермолаев убежден, что Украине необходима стратегия по Евразии. В Евразии создается большая континентальная экономическая зона, которая дополнена системой региональной военной безопасности — ОДКБ. Евразия — это большой рынок, сосредоточение огромных энергоресурсов, население, близкое Украине в культурном плане. Однако Украина отсутствует во всех вышеизложенных евразийских процессах и проектах, в связи с этим ей необходима стратегия по Евразии и инициативная политика, направленная на сохранение контроля и возвращение на евразийские рынки, которые были традиционно украинскими¹⁷. Чтобы сохранить свое присутствие и

влияние в Евразии, Украине нужны инструменты. Речь идет не о вступлении Украины в существующие проекты «евразийской матрешки», но о сотрудничестве с ними и развитии двусторонних связей со странами ПСП. СНГ — также один из таких инструментов. Выход из СНГ будет означать бегство из Евразии, потерю влияния здесь, самоизоляцию. Согласно ученому, в результате евро-атлантического перекося евро-азиатское направление осталось вне зоны внимания руководства Украины¹⁸.

Директор Киевского центра политических исследований и конфликтологии (г. Киев) М. Погребинский полагает, что, подписав в 2009 г. Брюссельскую декларацию¹⁹, Украина самостоятельно отказалась от субъектности на энергетическом рынке Евразии. Ученый подчеркивает, что Казахстан, Узбекистан и Туркмения — это важнейшие торгово-экономические партнеры Украины, от отношений с ними зависит энергобезопасность страны. В связи с этим ученый поддерживает идею не конфронтации, а расширения евро-азиатской интеграции за счет восточноевропейских стран и Украины на основе поиска взаимоприемлемых компромиссных решений и моделей между энергопотребителями, транзитерами и добывающими странами²⁰. В пользу Украины говорит то, что экономика на Востоке (в отличие от Европы) стремительно развивается и является неограниченным рынком сбыта, экспорт в Российскую Федерацию и СНГ объективно более выгоден, чем в другие регионы мира²¹.

Директор Центра исследований проблем гражданского общества (г. Киев) В. Кулик подчеркивает, что внешняя политика Украины в отношении ЦА является образцом как не надо делать и как нельзя вести разговор с партнерами в этом регионе. Украина совершила здесь много ошибок. В итоге за период президентства В. Ющенко Украина ослабила экономическое присутствие и позиции в сфере энергетики в странах ЦА, не вернулась сюда игроком. В. Кулик предлагает Украине активно сотрудничать с ШОС для закрепления в Центральной Азии и выстраивания действительно стратегического партнерства со странами региона²².

Согласно В. Кулику, Украина не справилась с вызовами на ПСП в сфере военно-политической безопасности, поскольку за годы независимости так и не выработала самостоятельной позиции по непризнанным странам в Молдавии и на Южном Кавказе.

Вместо этого Украина развивала личностные, кумовские отношения с Грузией, которые не являются системной политикой, основанной на учете национальных интересов. Эта модель оказалась провальной. Отношения с Грузией не принесли политических и экономических выгод Украине. Не были укреплены отношения с Арменией и Азербайджаном²³.

В. Кулик отмечает также, что Украина провалила урегулирование молдавско-приднестровского конфликта. В результате, Украине не удалось стать региональным лидером и продвинуть свои интересы в Черноморско-Каспийском регионе, т. е. создать на ПСП систему отношений между всеми игроками для снижения потерь при их продвижении²⁴.

Руководитель Центра прикладных политических исследований «Пента» (г. Киев) В. Фесенко отмечает, что Украине нужно играть роль регионального лидера и вне ЕС, в том числе за счет активной внешней политики на ПСП. ГУАМ мог бы стать стартовой площадкой для этого. Однако данным шансом Украина не воспользовалась, т. к. у нее не оказалось внятной внешнеполитической стратегии. Для общей реализации задач ГУАМ в сфере энергетики и безопасности безальтернативным являлся поиск баланса отношений организации с СНГ и Россией и привлечением стран ЦА (один Азербайджан не мог обеспечить диверсификацию энергопоставок с Каспия)²⁵.

С точки зрения директора Института украинской политики (г. Киев) К. Бондаренко, для обретения международной субъектности Украине необходимо участвовать в различных межгосударственных объединениях на ПСП, т. к. именно в России и Азии лежат главные экономические интересы Украины и рынки сбыта. Поэтому экономически оправдано не столько пребывание в СНГ, сколько любое сотрудничество здесь, чему нет альтернативы. Оно должно носить экономический характер, а уже потом иметь политическое содержание. Чтобы не оставаться в полной изоляции от ЕС и России, Украине необходимо инициировать и искать новые формы сотрудничества на ПСП, в том числе участвовать в трансформации СНГ (оно себя уже исчерпало в текущем виде). При этом К. Бондаренко отмечает, что главная задача Украины на ПСП — не делать радикальных шагов, чтобы не расставаться с кем-либо из партнеров и потом опять налаживать отношения.

Однако руководство Украины это проигнорировало и пыталось сформировать свое видение в регионе, превратиться в фактор влияния, с которым должны считаться и в РФ. В результате Украина при В. Ющенко пять лет не развивалась как субъект в мире и на ПСП, не воспользовалась позитивными возможностями для этого в отношениях со странами СНГ²⁶.

Украинский политолог В. Малинкович подчеркивает, что Украине необходима политическая активность — вхождение в структуры с общим участием стран ЕС и СНГ. Однако Украине не стоит объединяться в проблемное экономическое сообщество РФ, Казахстана и Белоруссии с негосударственными органами управления. Страны могут оставаться друзьями и стратегическими партнерами без политических союзов, ограничивающих суверенитет. Также ученый предлагает Украине изучить документы Таможенного союза ЕврАзЭС: участие Украины здесь выгодно, т. к. Узбекистан и Казахстан — это важная зона (проблема гарантии транзита газа из ЦА в Украину не решена, интерес Украины в строительстве газопроводов из Туркмении через Узбекистан). На этом фоне в ГУАМ Молдавия и Грузия (в отличие от Азербайджана) не дадут ничего существенного для экономического развития Украины²⁷.

Академик Национальной академии наук Украины, историк П. Толочко считает, что интеграция Украины в ЕС должна быть согласована с Россией и Белоруссией, а блок Украины с Молдавией и Грузией и их стратегическое партнерство нельзя рассматривать всерьез для доминирования Украины на ПСП. При этом П. Толочко отмечает: если Украина — это демократическая страна, то ее руководству необходимо разрешить работу на территории Украины по информированию населения не только о деятельности НАТО, но и таких организаций, как СНГ, ЕврАзЭС, ШОС. Поэтому на возможном референдуме об интеграционном пути Украины населению необходимо предложить сделать осознанный выбор из всех основных возможных организаций и союзов — западных и восточных²⁸.

Главный научный сотрудник Института проблем рынка и экономико-экологических исследований Национальной академии наук Украины (г. Одесса) В. Дергачев обращает внимание на то, что при В. Ющенко целенаправленно сворачивался восточный

внешнеполитический вектор, а также был разрушен южный вектор (черноморский). Украина имела и территориальные проблемы практически со всеми соседними странами (Румынией, Молдавией, Белоруссией, Россией), из которых решенным оказался только спор с Румынией за о. Змеиный. События на Кавказе показали, что Украина остается несостоявшимся государством с «некомпетентным суверенитетом». Из-за непоследовательной внешней политики Украины сложилась устойчивая тенденция формирования международных транспортных коридоров в Восточной Европе в обход страны (в том числе российских трубопроводов в Западную и Юго-Восточную Европу по дну Черного и Балтийского морей, Великий шелковый путь). Это подрывает морскую мощь государства, снижает возможность получения геоэкономической ренты за счет транзитности²⁹.

Из вышеизложенного можно сделать следующие выводы. Получив на вооружение доктрину многовекторности, реализуемую при Л. Кучме и, так или иначе, частично проводимую администрацией В. Ющенко, украинские интеллектуалы в своем подавляющем большинстве не оспаривали, что Украине необходимо иметь обширные связи со странами СНГ и укреплять свое присутствие на ПСП. Резкий поворот Украины к Западу в период президентства В. Ющенко не заставил представителей экспертных и академических кругов отказаться от осмысления ПСП и деятельности Украины в его рамках: проблемы ПСП по-прежнему широко присутствовали в исследованиях и высказываниях ученых. По сравнению с периодом правления Л. Кучмы основные позиции украинских интеллектуалов по участию Украины в постсоветских делах остались прежними, либо укрепились. Ведущие подходы к внешнеполитической стратегии Украины в мире и на ПСП за 1999—2009 гг. не лишились своих представителей (упомянутых выше), получили дополнительное усиление и перешли таковыми в период президентства В. Януковича с 2010 г. Неизменное существование темы ПСП в среде украинской интеллигенции подчеркивает его актуальность в повестке развития Украины, несмотря на традиционную неприоритетность общего постсоветского направления во внешней политике страны.

Примечания

- ¹ President Kuchma's Inauguration Address // The Ukrainian Weekly. 1999. № 50. URL: <http://www.ukrweekly.com/old/archive/1999/509919.shtml> (дата обращения: 19.01.2010); Л. Кучма : чем ближе дамба к нашим берегам, тем ближе мы к Западу // Известия. 2003. 26 окт. URL: <http://www.izvestia.ru/politic/article40269/> (дата обращения: 23.01.2010).
- ² *Дергачев А.* Украинско-российские отношения — европейский и евразийский контекст // Полис. 2000. № 6. URL: <http://www.politstudies.ru/N2004fulltext/2000/6/10.htm> (дата обращения: 14.11.2009); *Бондаренко К.* Сначала «ввязались в драку», а потом уже стали думать, как и чем это должно завершиться. URL: <http://dialogs.org.ua/ru/dialog/page1-1.html> (дата обращения: 14.05.2010); *Фесенко В.* Этнорегиональное измерение украинской политики // Полемика. 1999. № 4. URL: <http://www.irex.ru/press/pub/polemika/04/> (дата обращения: 16.09.2007); *Погребинский М.* Украину не заботят амбиции России по восстановлению своего величия. URL: <http://www.rbcdaily.ru/2004/03/16/focus/562949979070102> (дата обращения: 16.09.2007).
- ³ *Скачко В.* Определенная многовекторность // Киевский телеграф. 2005. № 4. URL: <http://telegrafua.com/246/politics/3605/> (дата обращения: 19.11.2009); *Полохало В.* Багатовекторність і сьогодні залишається основною лінією поведінки Л. Кучми? // Галицькі контракти. 2002. № 21. URL: <http://www.politdumka.kiev.ua/s0527-1.html> (дата обращения: 01.02.2010); *Попович М.* Украина на распутье // Зеркало недели. 2003. № 44. URL: <http://www.zn.ua/1000/1550/43807/> (дата обращения: 01.02.2010); *Voznyak T.* Project Ukraine : Decade Summary // Independent Cultural Magazine «І». 2001. Vol. 2. URL: <http://www.ji.lviv.ua/n22texts/N22-1ukr.htm> (дата обращения: 17.10.2008).
- ⁴ Межгосударственное объединение, инициированное в 1999 г. и включившее Грузию, Украину, Узбекистан, Азербайджан, Молдавию. После выхода Узбекистана в 2005 г. именовалось ГУАМ. С 2006 г. — «Организация за демократию и экономическое развитие — ГУАМ».
- ⁵ Единое экономическое пространство — межправительственная организация, учрежденная Россией, Белоруссией, Казахстаном и Украиной в 2003 г. С 2007 г. Украина фактически прекратила свое участие в ЕЭП.
- ⁶ *Василенко В.* Что Украине делать с ЕЭП // Зеркало недели. 2004. № 13. URL: <http://www.zn.ua/1000/1600/46083/> (дата обращения: 05.10.2009); *Парахонский Б.* Страсти вокруг ГУУАМа // Зеркало недели. 1999. № 30. URL: <http://www.zn.ua/1000/22627/> (дата обращения: 20.09.2009); Strategic Partners of Ukraine: Declarations and Realities : (USEPS Analyti-

- cal Report) // National Security and Defence. 2000. № 12. URL: http://www.razumkov.org.ua/additional/analytical_report_NSD12_eng.pdf (дата обращения: 16.04.2009); *Погребинский М.* Первая в Содружестве // Еженедельник «2000». 2003. № 5. URL: <http://2000.net.ua/2000/forum/170> (дата обращения: 20.05.2008).
- ⁷ Opening Statement by V. Yushchenko at the Meeting of the NATO — Ukraine Council. URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/opinions_21972.htm (дата обращения: 25.10.2009).
- ⁸ *Возняк Т.* Чи є геополітичне поле для маневру України? URL: <http://www.ji.lviv.ua/ji-library/Vozniak/polit-juschenko1/juschenko1-zmist.htm> (дата обращения: 16.09.2010); *Он же.* Нафто-газова удавка на шії Європи і українська політична криза. URL: http://www.ji.lviv.ua/ji-library/Vozniak/polit-juschenko2/nafto-gas_udavka.htm (дата обращения: 16.09.2010); *Он же.* Стосунки Україна-ЕС: перезавантаження. URL: <http://www.ji.lviv.ua/ji-library/Vozniak/polit-juschenko1/juschenko1-zmist.htm> (дата обращения: 16.09.2007).
- ⁹ *Грицак Я.* Украина словно улитка: медлительная, но уверенная. URL: http://zn.ua/SOCIETY/istoriya_povod_dlya_pessimizma_yaroslav_gritsa_k_ukraina_slojno_ulitka_medlitelnaya_no_uverennaya-48997.html (дата обращения: 16.10.2010); *Он же.* Раскол нереален. Абсолютно! URL: <http://www.politua.ru/sight/404.html> (дата обращения: 16.10.2010).
- ¹⁰ *Кравченко В.* Пробный камень : Киев и Тбилиси выстраивают ось демократических стран // Зеркало недели. 2005. № 33. URL: http://zn.ua/POLITICS/probnyu_kamen_kiev_i_tbilisi_vystravayut_os_demokraticeskikh_stran-44396.html (дата обращения: 16.09.2010); *Сушко О.* Зараз для Чорного моря відкривається нова сторінка в історії. URL: <http://dialogs.org.ua/ru/dialog/page58-993.html> (дата обращения: 11.10.2011); Каспийский вояж Ющенко. URL: <http://state.eizvestia.com/full/6671> (дата обращения: 11.10.2011); *Сушко А.* Никто не может больше напасть на нас на пути в Европу, чем мы сами. URL: <http://politics.comments.ua/2005/03/21/28233/Aleksandr-Sushko-Nikto.html> (дата обращения: 11.10.2011).
- ¹¹ *Горбулин В., Литвиненко А.* Большой сосед определился. Что Украине делать дальше? // Зеркало недели. 2009. № 35. URL: http://zn.ua/POLITICS/bolshoy_sosed_opredelilsya_chno_ukraine_delat_dalshe-57918.html (дата обращения: 15.05.2012); *Они же.* Европейская безопасность: возможный путь ослабить вызовы и угрозы // Там же. № 43. URL: http://zn.ua/POLITICS/evropeyskaya_bezopasnost_vozmozhnyu_put_oslabit_vyzovu_i_ugrozy-58396.html (дата обращения: 15.05.2012).
- ¹² *Гончар М.* Российская энергетическая политика в контексте диверсификации рынков и возникающих текущих ресурсных дефицитов : выводы

- для ЕС и Украины // *Черноморська безпека*. 2007. № 1. URL: <http://nomos.com.ua/content/view/98/100/> (дата обращения: 16.05.2012); *Он же*. Москва — Азия — транзит... // *Зеркало недели*. 2007. № 18. URL: http://zn.ua/POLITICS/moskva_aziya_tranzit-49995.html (дата обращения: 16.05.2012); *Он же*. Украинский нефтетранспорт: вызовы и возможности // *Черноморська безпека*. 2005. № 1. URL: <http://nomos.com.ua/content/view/65/86/> (дата обращения: 16.05.2012).
- ¹³ *Карасев В.* Конец постсоветского мира // *Зеркало недели*. 2009. № 37. URL: http://zn.ua/POLITICS/konets_postsovetskogo_mira-58063.html (дата обращения 17.04.2012); Что ждет Грузию после выхода из СНГ? URL: <http://www.unian.net/news/331686-hto-jdet-gruziyu-posle-vyhoda-iz-sng.html> (дата обращения: 17.04.2012).
- ¹⁴ *Чалый В.* СНГ — инструмент развода. URL: <http://www.fraza.ua/stenograms/13.10.09/75983.html> (дата обращения: 17.03.2012); *Он же*. Будущее ГУАМ критическим образом зависит от внешней поддержки. URL: <http://4vlada.net/vneshnyaya-politika/valerii-chalyi-budushchee-guam-kriticheskim-obrazom-zavisit-ot-vneshnei-podderzhki> (дата обращения: 17.03.2012); *Сьрук М.* Проба безопасности // *День*. 2007. № 197. URL: <http://www.day.kiev.ua/191416/> (дата обращения: 17.03.2012).
- ¹⁵ *Вьдрин Д.* Виктор Ющенко увидел, что создание любого союза приводит к делегированию суверенитета. URL: http://times.liga.net/1_nav_doc2.nsf/vWWWGroupParam1/times_text_92 (дата обращения: 17.04.2012); *Он же*. Модель успешного лидера. URL: <http://vydrin.com/publications/articles/express/5358/> (дата обращения: 17.04.2012); СНГ по-киевски. URL: <http://www.ogoniok.com/5060/11/> (дата обращения: 17.04.2012).
- ¹⁶ Украинские перспективы в Центральной Азии: обсуждение. URL: <http://glavred.info/archive/2008/07/09/143142-2.html> (дата обращения: 12.05.2012); *Толстов С.* Среднеазиатские надежды Украины // *НГ-Дипкурьер*. 2008. 14 июля. URL: http://www.ng.ru/courier/2008-07-14/11_ukraina.html (дата обращения: 12.05.2012); Украина не сможет сотрудничать с Центральной Азией без поддержки России: эксперт. URL: <http://www.regnum.ru/news/1019175.html> (дата обращения: 12.05.2012).
- ¹⁷ *Ермолаев А.* Политика Пятого Универсала как продукт украинской олигополии. URL: http://dialogs.org.ua/ua/issue_full.php?m_id=7897 (дата обращения: 18.02.2012); *Минченко Е., Ермолаев А.* Борьба кланов или конфликт стратегий: сценарии развития Украины. URL: <http://www.regnum.ru/news/614561.html> (дата обращения: 18.02.2012); Политолог Ермолаев называет ГУАМ красивой, но очень дорогой и неэффективной игрушкой. URL: <http://press.unian.net/rus/pressnews-98295.html> (дата обращения: 18.02.2012).

- ¹⁸ Украина — это геополитический бисексуал: часть первая. URL: <http://www.igls.com.ua/analytics/2362/> (дата обращения: 18.02.2012); *Ермолаев А.* Евросоюз устраивает нынешний дуализм украинской власти. URL: <http://dialogs.org.ua/ru/partner/page12648.html> (дата обращения: 18.02.2012); *Хрипункова А.* Грузинский излом: на пороге нового мирового порядка: интервью с А. Ермолаевым. URL: <http://dialogs.org.ua/ru/partner/page13332.html> (дата обращения: 18.02.2012).
- ¹⁹ Подписана 23 марта 2009 г. Украиной и Евросоюзом с целью модернизации украинской газотранспортной системы на основе финансирования из бюджета ЕС. Декларация не предусматривает участия РФ.
- ²⁰ Ни Киев, ни Брюссель не ожидали столь резкой реакции Москвы на декларацию по модернизации ГТС. URL: <http://www.analitik.org.ua/publications/pogrebinsky/49cb8f85ebcb5/> (дата обращения: 18.02.2012); Казахстан купирует кризис. URL: <http://eurasia.org.ru/60762-pogrebinskij-kazakhstan-kupiruet-krizis.html> (дата обращения: 18.02.2012); *Погребинский М.* Казахстан: выборы на фоне «ReORIENTфции». URL: http://www.analitik.org.ua/author/46ca9c273c54d/pagedoc3432_26/ (дата обращения: 18.02.2012).
- ²¹ *Погребинский М.* Запад привлекательнее Востока // НГ-Дипкуррьер. 2007. 22 окт. URL: http://www.ng.ru/courier/2007-10-22/15_ukraina.html (дата обращения: 18.02.2012).
- ²² *Кулик В.* Очень центральная Азия для Украины: при покойном Туркменбаши украинские компании были в фаворе... URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1200351600> (дата обращения: 11.02.2012); Украинские перспективы в Центральной Азии. URL: <http://www.glavred.info/archive/2008/06/26/162534-9.html> (дата обращения: 11.02.2012).
- ²³ *Кулик В.* Внешняя политика Украины: необходима перезагрузка. URL: <http://www.eurasianhome.org/xml/t/expert.xml?lang=ru&nic=expert&pid=1220&s=h53xql455wvuwxnruig3h4mg> (дата обращения: 11.02.2012); Отношения Украины и Грузии ограничиваются кумовством президентов и поставками «Боржоми»: украинский эксперт. URL: <http://www.regnum.ru/news/1039732.html> (дата обращения: 18.02.2012).
- ²⁴ Эксперты: Киев и Москва «пляшут» перед Кишиневом. URL: <http://www.rosbalt.ru/ukraina/2009/04/29/637327.html> (дата обращения: 18.02.2012); *Кулик В.* В отношениях Украины и России мы движемся к точке невозврата. URL: <http://www.from-ua.com/politics/a42aa9da0ac54.html> (дата обращения: 18.02.2012).
- ²⁵ *Фесенко В.* Внешнеполитическая эклектика. URL: <http://igls.com.ua/analytics/612/> (дата обращения: 13.02.2012); *Он же.* На постсоветском пространстве главное тот, кто контролирует силовиков. Пока что главное Президент. URL: <http://www.seychas.ua/politics/2006/8/22/articles/46566.htm>

- (дата обращения: 13.02.2012); *Он же*. ГУАМ рискует повторить судьбу СНГ. URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2006/05/25/254631.html> (дата обращения: 13.02.2012); Куда движется ГУАМ? URL: <http://www.fraza.ua/analitics/19.05.06/25085.html> (дата обращения: 13.02.2012).
- ²⁶ Ситуация на Украине сделала невозможным отсутствие Ющенко на саммите СНГ: мнение украинского политолога. URL: <http://www.regnum.ru/news/677351.html> (дата обращения: 22.02.2012); СНГ: уходим, уходим, уходим... URL: <http://for-ua.com/comments/2006/05/12/100321.html> (дата обращения: 22.02.2012); *Зварич О., П'ецух М.* Чи вийде Україна з СНД? URL: <http://www.umoloda.kiev.ua/regions/0/186/0/24396/> (дата обращения: 22.02.2012); Чем закончится блокада Приднестровья?: мнения украинских политологов URL: <http://www.nr2.ru/kyev/59003.html> (дата обращения: 22.02.2012); *Бондаренко К.* МИД: смена караула. URL: <http://most-dnepr.info/news/stories/leftside/11772/11780.htm> (дата обращения: 22.02.2012).
- ²⁷ *Малинкович В.* Украина никогда не будет сателлитом России. URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2006/03/09/246256.html> (дата обращения: 25.02.2012); *Он же*. Украинская перспектива. URL: <http://igpi.ru/info/reople/malink/1139380574.html> (дата обращения: 25.02.2012); Какие последствия для Украины будет иметь создание зоны свободной торговли в рамках ГУАМ?: (опрос экспертов). URL: <http://rep-ua.com/ru/35499.html> (дата обращения: 25.02.2012); Стоит ли Украине присоединяться к таможенному союзу в рамках ЕврАзЭС? URL: <http://news.finance.ua/ru/~1/0/all/2006/08/17/81694> (дата обращения: 25.02.2012).
- ²⁸ *Толочко П.* Мы согласны быть в НАТО хотя бы в казачках. URL: <http://4vlada.net/partii-lidery/petr-tolochko-my-soglasny-byt-v-nato-khotya-v-kazachkakh> (дата обращения: 27.02.2012); *Он же*. НАТО — новый цивилизационный выбор Украины? URL: <http://2000.net.ua/2000/svoboda-slova/takurs/43141> (дата обращения: 27.02.2012).
- ²⁹ *Дергачев В.* Воспоминания о будущем украинской государственности // Еженедельник «2000». 2007. № 3. URL: <http://2000.net.ua/2000/svoboda-slova/13091> (дата обращения: 27.02.2012); *Он же*. Геополитическая трансформация Украины // Вестник аналитики. 2006. № 2. URL: <http://dergachev.ru/analit/4.html> (дата обращения: 27.02.2012); *Он же*. Геоэкономическая трансформация Украины: монография: Издат. проект проф. Дергачева, 2011. URL: <http://dergachev.ru/book-19/index.html> (дата обращения: 27.02.2012).

Капустина О. В. Советский анекдот как исторический источник для изучения образа интеллигента

Ключевые понятия: анекдот, анекдотическая реальность, цикл анекдотов, анекдотический сюжет, «декоративно-прикладные» характеристики, советский интеллигент, «период застоя», авторская самоирония.

Сделана попытка нарисовать образ советского интеллигента на основе анализа анекдотов «периода застоя», определить «декоративно-прикладные» характеристики, которыми интеллигент был наделен в исследуемых анекдотах.

Юркин Н. Г. Опыт сравнительного анализа развития российской и зарубежных систем образования до начала XVIII века

Ключевые понятия: история отечественного образования, просвещение, профессиональное образование, сравнительный анализ, Славяно-греко-латинская академия, Киево-Могилянская академия.

Анализируются различные аспекты формирования и становления отечественной и западноевропейской образовательных систем. Обращается внимание на схожесть стартовых площадок в развитии систем образования в России и за рубежом и различие в особенностях их дальнейшего развития. Фактический и аналитический аппарат статьи позволил доказать, что к концу XVII века Россия избрала собственный путь формирования профессионального обучения.

Золотарев О. В. Интеллигенция: советские годы

Ключевые понятия: советская интеллигенция, государственная политика по отношению к интеллигенции, уровень жизни.

Рассматривается положение советской интеллигенции с точки зрения ее роли в общественной жизни СССР. Анализируются вопросы государственной политики по отношению к интеллигенции, ее формы, методы и изменения, вскрываются причины данных перемен.

Ершова Э. Б. Взаимоотношения интеллигенции и народа в историческом ракурсе (мнения студенческой молодежи)

Ключевые понятия: интеллигенция, народ, кризисные периоды, отечество, группы общества.

Рассматриваются точки зрения студенческой молодежи на проблему взаимоотношения интеллигенции и народа в разные периоды жизни России. Раскрываются взгляды студентов на цели и задачи, которые ставила перед собой интеллигенция России, и реакцию народа на ее идеи.

Кочешков Г. Н., Сараева Е. Л. Терминологический аппарат концепции русской интеллигенции: Методика Иванова-Разумника

Ключевые понятия: Иванов-Разумник, интеллигенция, мещанство.

Анализируется технология формирования понятий русским историком начала XX в. Ивановым-Разумником концептов «интеллигенция» и «мещанство» — главных элементов его дискурса по истории русской мысли.

Смирнов Д. А. Французский интеллектуальный контекст размышлений Вальтера Беньямина 1920-х — начала 1930-х гг.

Ключевые понятия: Беньямин, интеллектуальный контекст, Франция, сюрреализм.

Анализируется влияние французского интеллектуального контекста на размышления немецкого мыслителя Вальтера Беньямина о социально-политических процессах в Европе. Особо подчеркивается воздействие на представления мыслителя идей сюрреализма, как «мира всесторонней и интегральной актуальности». Наиболее явное его проявление отмечается после начала в Европе социально-политического и экономического кризиса, в условиях которого позиция французских интеллектуалов, пытавшихся заявить о своей особой миссии защищать «высшие ценности», представлялась Беньямину конформизмом.

Тимашева О. В., Шишкин К. Г. Грэм Грин и Ивлин Во (Штрихи к портрету писателей в молодости)

Ключевые понятия: Грэм Грин, Ивлин Во, эмоциональный мир писателя, исторические потрясения XX века.

На основе малоизвестного биографического материала, опубликованных писем, эссе, написанных современниками, описываются школьные и студенческие годы, а также эмоциональный мир известных английских мастеров прозы.

Костриков С. С. Предпринимательский класс Москвы как один из источников формирования отечественной интеллигенции XIX века

Ключевые понятия: интеллигенция, источники формирования интеллигенции, торгово-промышленное сословие, купечество, предпринимательский класс, образование, купеческая династия Найдёновых.

Рассматриваются проблемы формирования буржуазной отечественной интеллигенции в первой половине XIX века. В качестве примера взята история известной московской купеческой династии Найдёновых, которая пользовалась уважением и влиянием не только среди купечества, но и оставила заметный след в общественно-политической и культурной жизни.

Васильев Н. Н. Феномен и судьба кибернетики в контексте истории советской интеллигенции второй половины XX века

Ключевые понятия: наука, кибернетика, научная интеллигенция, идеологические кампании.

Исследуется история гонений на кибернетику в СССР на рубеже 1940—50-х гг., анализируются причины, истоки и последствия данного процесса, проводятся сопоставления с развитием других научных дисциплин. Работа содержит интересные выводы и оригинальные обобщения.

Лысенков А. В. Украинская интеллигенция о постсоветском пространстве во внешней политике Украины (1999—2009 гг.)

Ключевые понятия: Украина, интеллектуалы, интеллигенция, внешняя политика, постсоветское пространство, СНГ, ГУАМ.

Рассматривается проблема обоснования постсоветского пространства как украинского внешнеполитического вектора в научной мысли Украины в 1999—2009 гг. В данном контексте автор выделяет и изучает основные подходы украинских интеллектуалов к постсоветскому пространству с акцентом на период президентства В. Ющенко.

ANNOTATIONS

Kapustina O. V. Soviet anecdote as a historic source of the intellectual's image studying

Key-notions: anecdote, anecdotic reality, cycle of anecdotes, anecdotic plot, «decorative and supplied» characteristics, Soviet intellectual, «stagnation period», the author's self-irony.

In the article an attempt to create the image of Soviet intellectual on the basis of the analyses of the «stagnation period» anecdotes is made. The author has tried to define the «decorative and supplied» characteristics which an intellectual had in the studied anecdotes.

Yurkin N. G. Experience of the comparative analysis of the development of Russian and foreign education systems before the beginning of the 18th century

Key-notions: history of Russian education, enlightenment, professional education, comparative analysis, Slavic-Greek-Latin academy, Kiev-Mogilyan academy.

The author analyses different aspects of formation and appearance of Russian and West-European education systems and stresses the fact that launch pads in the development of education systems in our country and abroad were similar but peculiarities of their development were different. Facts and analysis of the article proved that by the end of the 17th century Russia chose its own way of professional education development.

Zolotaryov O. V. Intelligentsia: Soviet years

Key-notions: Soviet intelligentsia, public policy concerning intelligentsia, level of life.

The position of Soviet intelligentsia from the point of view of its role in the social life in the USSR is shown. The problems of public policy concerning intelligentsia, its forms, methods and changes are analyzed, the reasons of these changes are given.

Ershova E. B. Relationship between intelligentsia and the people in the historical discourse (opinions of students)

Key-notions: intelligentsia, people, crisis periods, fatherland, groups of society.

Opinions of students about the problem of relationship between intelligentsia and the people in historical retrospective in different periods of Russia: their thoughts about what «intelligentsia» and «people» are, how they are different and how one group of population depends on the other one – are shown. The discussion shows opinions of students about aims and targets which Russian intelligentsia had and how the people reacted to its ideas in different periods.

Kocheshkov G. N., Saraeva E. L. Terms framework of the concept of Russian intelligentsia: the methodic of Ivanov-Razumnik

Key-notions: Ivanov-Razumnik, intelligentsia, lower middle class.

The article analyses the technology of formation of the concepts «intelligentsia» and «lower middle class» — the main elements of a discourse of history of Russian thought by Russian historian Ivanov-Razumnik in the beginning of the 20th century.

Smirnov D. A. French intellectual context of thoughts of Walter Benjamin during the 1920—1930-s

Key-notions: Benjamin, intellectual context, France, surrealism.

The article analyses the influence of French intellectual context of the 1920—1930-s. on the thoughts of German philosopher Walter Benjamin about social and political processes in Europe. The influence of the surrealism ideas as «the world of all-round and integral urgency» on the thoughts of the philosopher is stressed. Most obviously it was shown after the beginning of the social, political and economic crisis in Europe in the conditions of which the position of French intellectuals, who were trying to declare their special mission to protect the «supreme values» was represented by Benjamin as conformism.

Timasheva O. V., Shishkin K. G. Graham Green and Evelyn Waugh (strokes to the portrait of writers in youth)

Key-notions: Graham Green, Evelyn Waugh, writer's emotional world, historical shocks of the 20th century.

The article tells about young years of Graham Green and Evelyn Waugh — well-known English writers, masters of prose. The authors are

interested in their school and student periods and the emotional world of the writers. The main sources of the article are published letters, essays written by their contemporaries and little-known biographical material.

Kostrikov S. S. Enterprise class of Moscow as one of the sources of formation of domestic intellectuals of the 19th century

Key-notions: intelligentsia, sources of formation of intelligentsia, commercial and industrial estate, merchant class, enterprise class, education, The Naydyonov's merchant dynasty.

The article is devoted to the problems of formation of bourgeois domestic intellectuals in the first half of the 19th century. The history of a well-known Moscow merchant dynasty of the Naydyonovs which was held in respect and had influence not only among merchant class but also left an appreciable trace in its political and cultural life was taken as an example.

Vasyliiev N. N. Phenomenon and destiny of cybernetics in the context of history of Soviet intellectuals in the second half of the 20th century

Key-notions: science, cybernetics, scientific intellectuals, ideological campaigns.

The article shows the history of persecutions on cybernetics in the USSR at a boundary of 1940—1950, the reasons, sources and consequences of this process are analyzed, comparisons with development of other scientific disciplines are carried out. The work contains interesting conclusions and original generalizations.

Lysenkov A. V. Ukrainian intellectuals about the former Soviet Union in the foreign policy of Ukraine (1999—2009)

Key-notions: Ukraine, intellectuals, intelligentsia, foreign policy, former Soviet Union, CIS, GUAM.

The article is devoted to the problem of justification of the former Soviet Union as Ukrainian foreign policy vector in scientific thought of Ukraine in 1999—2009. In this context the author allocates and studies the main approaches of Ukrainian intellectuals to the former Soviet Union emphasizing the period of presidency of V. Yushchenko.

Редакционный совет

В. С. Меметов, Ивановский государственный университет (председатель Редакционного совета); **А. И. Аврус**, Саратовский государственный университет; **Амвросий** (Щуров), архиепископ; **В. Р. Веселов**, Костромской государственный университет; **В. С. Волков**, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург); **Ю. М. Воронов**, Ивановский государственный архитектурно-строительный университет; **М. Е. Главацкий**, Уральский государственный университет (Екатеринбург); **А. А. Данилов**, Московский педагогический государственный университет; **В. Н. Егоров**, Ивановский государственный университет; **Э. Б. Ершова**, Государственный университет управления (Москва); **С. С. Загребин**, Челябинский государственный педагогический университет; **О. В. Золотарёв**, Коми государственный педагогический институт (Сыктывкар); **А. В. Квакин**, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; **Г. Н. Кныш**, Днепропетровский национальный университет (Украина); **И. В. Кондаков**, Российский государственный гуманитарный университет (Москва); **М. И. Кондрашёва**, Уральская государственная юридическая академия (Екатеринбург); **Г. В. Корзенко**, Институт истории Национальной Академии наук Беларуси (Минск); **В. А. Мансуров**, Институт социологии РАН; **И. И. Осинский**, Бурятский государственный университет (Улан-Удэ); **В. А. Порозов**, Пермский государственный педагогический университет; **В. Г. Рыженко**, Омский государственный университет; **И. В. Сибиряков**, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск); **Ф. Х. Соколова**, Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск); **В. Л. Соскин**, Сибирское отделение ИРИ РАН; **Талгат Таджуддин**, Центральное Духовное Управление мусульман России и Европейских стран СНГ; **С. А. Филатов**, Конгресс интеллигенции РФ; **Р. Г. Яновский**, Институт социально-политических исследований РАН.

Editorial board

V. S. Memetov, Ivanovo State University (Chairman of the Editorial Board); **A. I. Avrus**, Saratov State University; **Amyrosiy (Tshurov)**, archbishop; **V. R. Veselov**, Kostroma State University; **V. S. Volkov**, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg); **Y. M. Voronov**, Ivanovo State Architectural University; **M. E. Glavatskiy**, Ural State University (Ekaterinburg); **A. A. Danilov**, Moscow State Pedagogical University; **V. N. Egorov**, Ivanovo State University; **E. B. Ershova**, State University of Management (Moscow); **S. S. Zagrebin**, Chelyabinsk State Pedagogical University; **O. V. Zolotaryov**, Komi State Pedagogical Institute (Syktyvkar); **A. V. Kvakin**, Moscow State University named after M. V. Lomonosov; **G. N. Knysh**, Dnepropetrovsky State University (Ukraine); **I. V. Kondakov**, Russian State Humanitarian University (Moscow); **M. I. Kondrasheva**, Ural State Academy of Law (Ekaterinburg); **G. V. Korzenko**, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk); **V. A. Mansurov**, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **I. I. Osinsky**, Buryat State University (Ulan-Ude); **V. A. Porozov**, Perm State Pedagogical University; **V. G. Ryzjenko**, Omsk State University; **I. V. Sibiryakov**, South Ural State University (Chelyabinsk); **F. H. Sokolova**, Pomorsky State University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk); **V. L. Soskin**, Siberian Branch of Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; **Talgat Tadguddin**, Central Religious Department of Muslims of Russian and the European Part of CIS; **S. A. Filatov**, Kongress of Intelligentsia of Russian Federation; **R. G. Yanovsky**, Institute of socio-political research of the Russian Academy of Sciences.

Информация для авторов

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству ведущих специалистов и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. С 2010 года наш журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук по историческим, философским и политическим наукам. Материалы журнала размещены в Научной электронной библиотеке (e-library.ru) и Восточно-европейской электронной библиотеке (www.cceol.com)

Мы будем рады видеть на страницах журнала «Интеллигенция и мир» Ваши публикации по следующим **актуальным проблемам** современной науки:

- **Актуальные проблемы современного интеллигентоведения;**
- **Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции;**
- **Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран;**
- **Интеллигенция и общество в современных условиях;**
- **Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории;**
- **Международные отношения и личность;**
- **Роль религии в развитии мировой культуры;**
- **Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла;**
- **Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни;**
- **Из архивных фондов: публикация исторических источников.**

Требования к оформлению статей

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выделенного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать фамилию, имя, отчество автора, полный почтовый адрес, телефон, ученую степень, звание, должность и место работы, контактную информацию (e-mail или телефон). Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

9. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2012 ГОД

Наименование статьи	№
1	2

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

<i>Ермушин М. В.</i> Инженерно-техническая интеллигенция и профсоюзы в годы Новой экономической политики	1
<i>Капустина О. В.</i> Особенности пенсионного обеспечения советской интеллигенции	1
<i>Капустина О. В.</i> Советский анекдот как исторический источник для изучения образа интеллигента	4
<i>Ковалев С. В.</i> Интеллигенция как генератор модернизации на Востоке в постколониальный период	3
<i>Комиссаров В. В.</i> Функциональное значение паранауки в жизни советской интеллигенции 1960—1980-х гг.	3
<i>Кузьмина В. М.</i> К вопросу об участии творческой интеллигенции в организации художественной самодеятельности на селе в годы индустриальной модернизации	1
<i>Лобок Д. В.</i> Научная интеллигенция и ее профессиональные объединения в 1917—1922 гг.	1
<i>Пчелинцева Е. В.</i> Взгляды русской интеллигенции на проблему преодоления последствий насилия над ребенком во второй половине XIX — начале XX века	1
<i>Сибиряков И. В.</i> Феномен «моральной растерянности»: террор в России на рубеже XX—XXI вв. глазами интеллигенции (Уроки одной дискуссии)	1

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

<i>Величко С. А.</i> Интеллигенция, перестройка и демократический транзит в России (1985—1991 гг.)	2
<i>Грачев С. И., Корнилов А. А.</i> Деятельность российской эмигрантской интеллигенции в обществе «Беседа» г. Филадельфия (США)	3
<i>Золотарев О. В.</i> Интеллигенция: советские годы	4

1	2
<i>Зябликов А. В.</i> Правые кадеты и художественная интеллигенция в 1905—1907 годах	2
<i>Макеев Д. А.</i> Зарождение национальной интеллигенции Египта в период оккупационного режима (1882—1914 гг.)	3
<i>Михалева Р. А.</i> Повседневная жизнь московских художников на рубеже XIX—XX вв.	2
<i>Соловьев А. А.</i> Интеллигенция Костромы в деле создания общественных читален в конце XIX — начале XX века	2
<i>Юркин Н. Г.</i> Опыт сравнительного анализа развития российской и зарубежных систем образования до начала XVIII века	4

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

<i>Ершова Э. Б.</i> Взаимоотношения интеллигенции и народа в историческом ракурсе (мнения студенческой молодежи)	4
--	---

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

<i>Герасимова О. Г.</i> Одно лето из жизни Михайлова: советская действительность глазами югославского интеллигента	3
<i>Корнилов А. А., Рогожин А. А.</i> Роль интеллигенции в процессе формирования немецкого национального самосознания: вклад И. Г. Фихте	1
<i>Кочешков Г. Н., Сараева Е. Л.</i> Терминологический аппарат концепции русской интеллигенции: Методика Иванова-Разумника	4
<i>Репников А. В.</i> Дневник Л. А. Тихомирова 1905—1907 гг.	3
<i>Сагинадзе Э. О. С. Ю.</i> Витте в восприятии российской оппозиционной общественности во время революции 1905—1907 гг.	2
<i>Смирнов Д. А.</i> Французский интеллектуальный контекст размышлений Вальтера Беньямина 1920-х — начала 1930-х годов	4
<i>Тимашева О. В., Шишкин К. Г.</i> Грэм Грин и Ивлин Во (Штрихи к портрету писателей в молодости)	4

ИСТОРИОГРАФИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Пронин А. А.* Интеллигенция российского зарубежья
в отечественных диссертациях (1980—2005 гг.) 3

РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ

- Костякова Ю. Б.* Рабочие и сельские корреспонденты: оценка
с позиций интеллигентоведения (на материалах Хакасии
и Горного Алтая) 3

ДИСКУССИЯ

- Краузе А. А.* Различные модели субъектности
в постиндустриальном обществе 2
- Шимельфениг О. В., Солодовниченко Л. Я.* Роль
мировоззренческих парадигм интеллигенции в ситуации
глобального кризиса 2

ДЕБЮТ

- Белов С. И.* Первая мировая война в трудах российских
экономистов 2
- Васильев Н. Н.* Феномен и судьба кибернетики в контексте
истории советской интеллигенции второй половины
XX века 4
- Веселов А. А.* Формирование законодательной регламентации
союзов художественной интеллигенции в конце XIX —
первой четверти XX в. 1
- Задоров И. А.* Творческая интеллигенция и Костромской
областной театр кукол в контексте провинциальной
культуры советского периода 3
- Костриков С. С.* Предпринимательский класс Москвы как
один из источников формирования отечественной
интеллигенции XIX в. 4
- Котов А. Н.* Иранская интеллигенция и Исламская революция
1978—1979 гг. 2
- Лысенков А. В.* Украинская интеллигенция о постсоветском
пространстве во внешней политике Украины (1999—
2009 гг.) 4

	1	2
<i>Родионова О. И.</i> А. П. Чехов о русской интеллигенции		3
<i>Шалбин В. Л.</i> Проблемы формирования социальной сплоченности в России и роль интеллигенции в условиях аномического общества		1
<i>Шабунин В. В.</i> Оценка миссионерской деятельности Русской православной церкви в общественном мнении русской интеллигенции на рубеже XIX—XX вв.		2

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

<i>Комиссаров В. В., Калинин А. К.</i> Интеллигент — человек, несущий свет	1
<i>Меметов В. С.</i> Философия, интеллигенция и власть	3
<i>Меметов В. С., Усманов С. М.</i> В лабиринтах техногенной цивилизации	1
<i>Порозов В. А.</i> Образ интеллигенции российского провинциального города второй половины XX века в книгах серии «Пермь как текст»: была ли у нас частная жизнь? Статья вторая	1
<i>Порозов В. А.</i> Образ интеллигенции российского провинциального города второй половины XX века в книгах серии «Пермь как текст»: крах СССР в провинциальном филологическом дискурсе. Статья третья	2

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР
Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук

2012 № 4

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редактор *М. Б. Балябина*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Н. Г. Юркин, Т. Б. Земскова*

Подписано в печать 11.12.2012 г.
Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 8,84. Уч.-изд. л. 7,5. Тираж 300 экз.

Адрес редакции: 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Факс: (4932) 32-66-00 **E-mail:** vs_memetov@mail.ru

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41 **E-mail:** publisher@ivanovo.ac.ru

Типография ГОУ СПО «Ивановский энергетический колледж»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 41
☎ (4932) 32-50-89 Адрес в Интернете www.tip1.ru

